

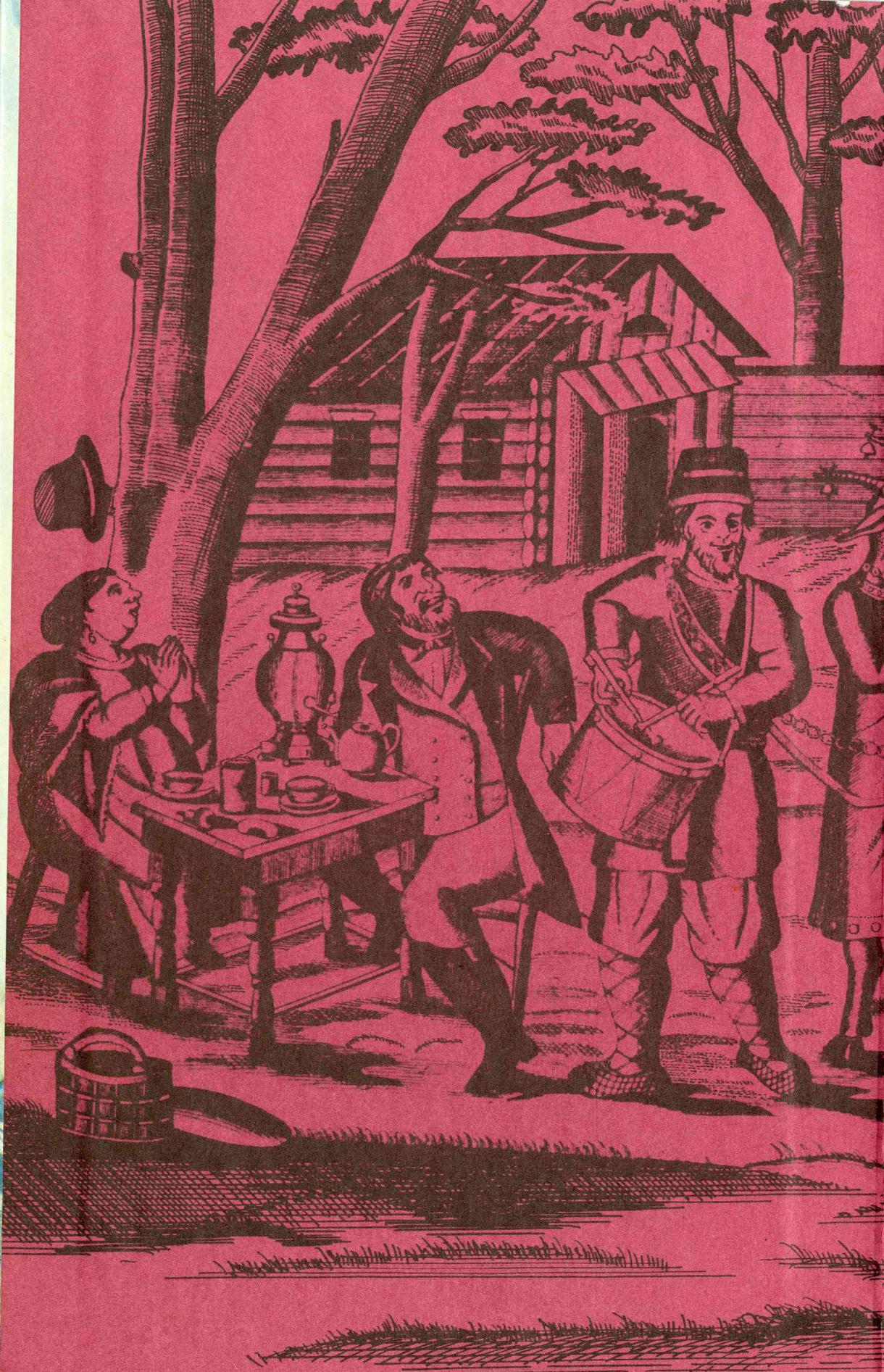
Александр Мировский

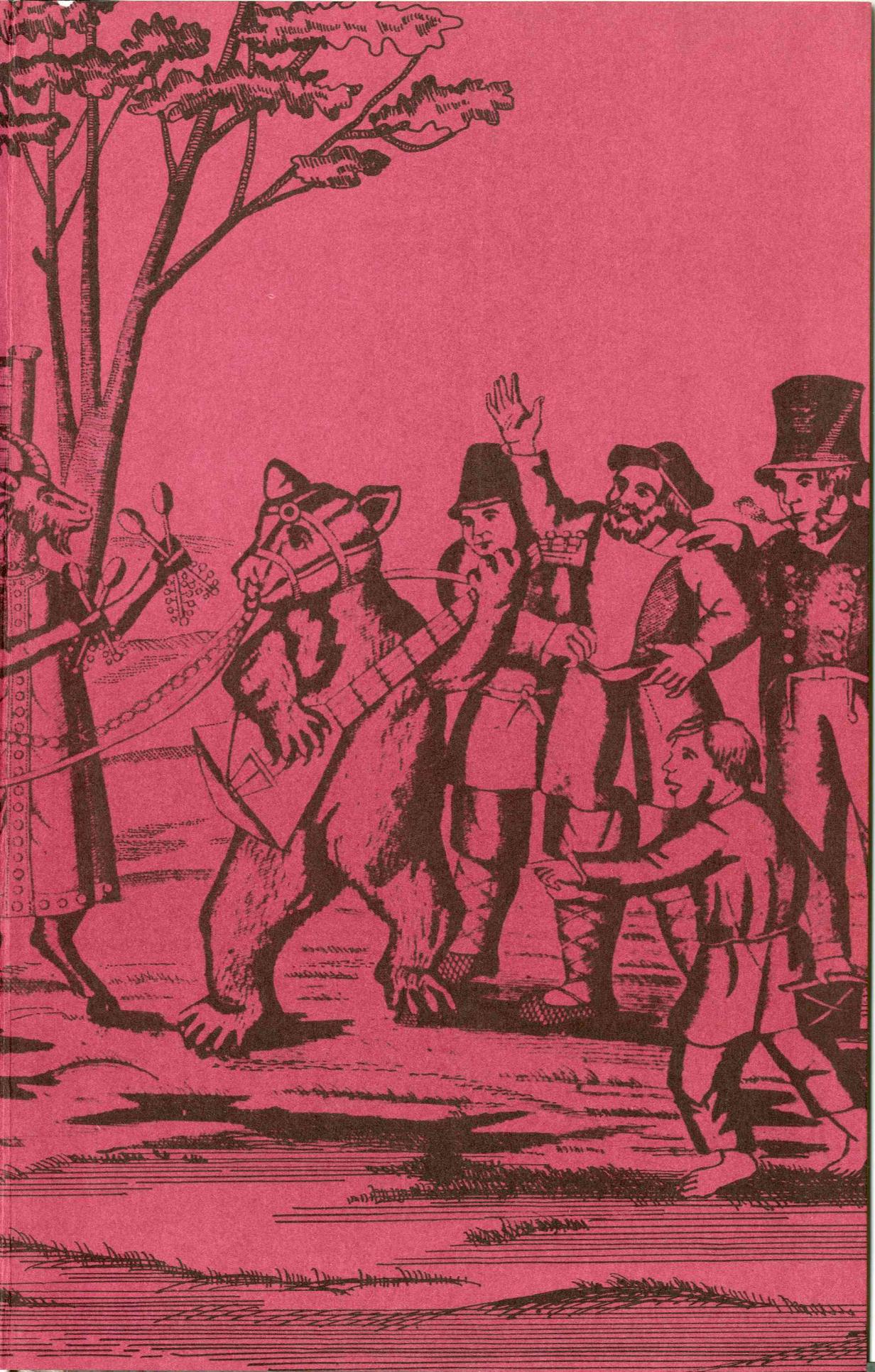
Песнь жар-птицы

Песнь жар-птицы

Александр Мировский

Александр Миловский

Песнь жар-птицы

Рассказы
о народных
праздниках

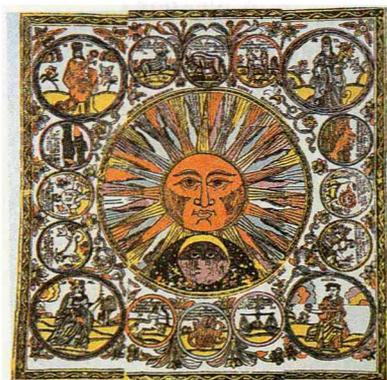

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Александр Миловский

Песнь жар-птицы

Рассказы
о народных
праздниках

Фотографии автора

Москва
«Детская литература»
1987

63.5(2)
М 60

Вступительная статья и комментарии
кандидата искусствоведения

И. П. УВАРОВОЙ

Рецензенты:

кандидат филологических наук

А. В. ГУРА,

кандидат искусствоведения

И. П. УВАРОВА.

Оформление

Б. ШКОЛЬНИКА

М $\frac{4802050000-476}{M101(03)87}$ 032—87

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

Содержание

И. УВАРОВА. К ЧИТАТЕЛЯМ

УТРО ГОДА

15

СОРОК ДНЕЙ

33

ТРЕМБИТЫ ЗОВУТ В ГОРЫ

51

ПОКЛОНИСЬ БЕРЕЗКЕ

61

КОГДА КОНИ ИСЧЕЗАЮТ В ТРАВАХ

73

ЭТОЙ НОЧЬЮ ПРИСКАЧЕТ ЯНИС

93

УСТЬ-ЦИЛЕМСКИЕ КРАСНОПЕВЫ

111

В СЭРОЧИНЦЫ, НА ЯРМАРКУ

133

ПРЕДАНИЯ МЕДВЕЖЬЕГО СЛЕДА

139

ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ ТАНЦУЮЩЕЙ КОЗЕ

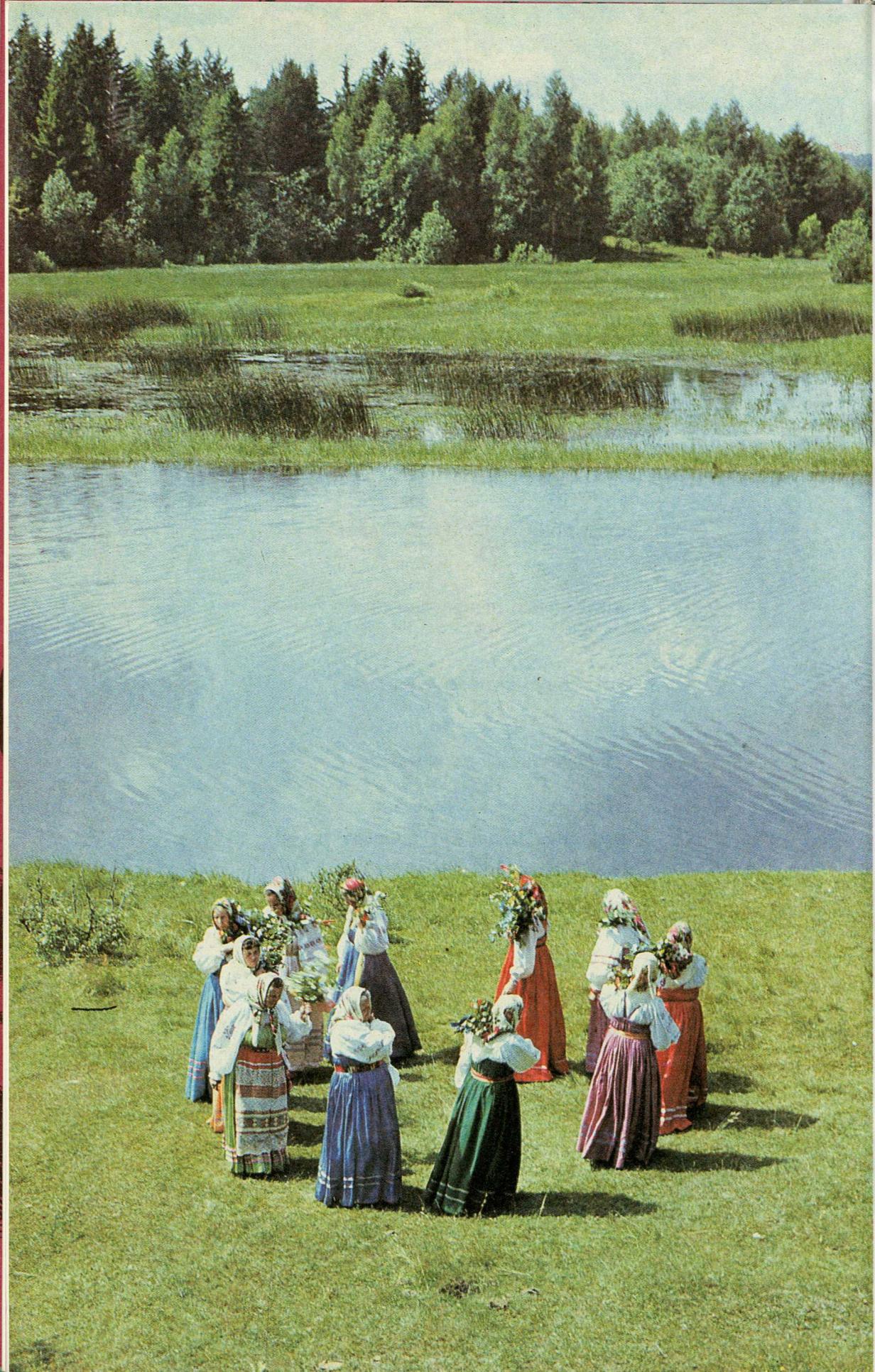
155

КАЗЮКАС ДАРИТ ЦВЕТЫ

169

«НЕ ЖИТЬЕ, А МАСЛЕНИЦА!»

175

Древние праздники народа
остались от древнего быта
как отечественные обычаи,
обратившиеся в игру его жизни.

И. М. Снегирев

К ЧИТАТЕЛЯМ

Перед вами необычная книга. Ее нельзя назвать книгой путешествий, хотя в ней рассказывается о путешествиях в неведомые дали; ее нельзя назвать фантастикой, хотя, читая ее, мы попадаем туда, где происходят вещи удивительные.

Между тем автор приглашает вас в места, обозначенные на обыкновенной карте, — в Усть-Цильму, Рахов или Кубачи, — места, где течет привычная современная жизнь. Но вот наступают праздники: Новый год, день Ивана Купалы или Масленица — и все меняется. Люди поют старинные песни, пляшут, водят, взявшись за руки, хоровод, наряжают лентами березку, выносят на поляну соломенное чучело, бросают его в костер, прыгают через высокое пламя. А иногда разыгрывают представления — целый театр: откуда-то появляются кикиморы, русалки, старик с козой, цыган с медведем. Словом, люди ведут себя совсем не так, как в обычные дни. Они как бы играют какие-то роли, полученные неизвестно когда и от кого. Но ясно, что очень давно.

В книге Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» рассказано о том, как раз в год, ночью, из морских глубин поднимается заколдованный город, а к утру исчезает. Через год, в строго определенный срок, он появляется опять. Календарный праздник подобен этому городу: он возникает снова и снова в свой день, с незапамятных времен, отмечая положение солнца на небосводе.

В давние времена, когда люди еще жили в пещерах, они уже справляли праздники. В одной из пещер Франции сохранилось изображение ряженого — в шкуре и в маске с рогами. И сегодня в балканских селах на Новый год можно встретить очень похожие персонажи. Маска праздника прожила двадцать пять тысяч лет. Она возникла, когда люди еще не умели шить одежду, приручать животных, и она жива в нашу научно-техническую эпоху.

Человеческая память коротка. Но есть еще и другая память, она называется культурой. Культура сохраняет правила, обычаи, традиции. В образах праздника передается информация о чрезвычайно важных вещах, тайна которых давно утеряна. И, отмечая календарный праздник, люди часто не знают причин, побуждающих их вести себя именно так, а не иначе: почему на Троицу, например, наряжают березку, а на Масленицу сжигают чучело и пекут блины, почему вешают на елку золотые шары и маленькие игрушки, почему зажигают на ней огни и зачем покупают бумажные маски. Мы собираемся за праздничным столом в новогоднюю ночь и с волнением ждем боя курантов. Вот пробил двенадцатый удар... С Новым годом!

С давних времен люди ощущали себя частью природы, чувствовали себя участниками природных событий, будь то движение солнца или вызревание колоса. А одним из способов этого участия и были

календарные народные праздники. Человеческий разум очень давно постиг тайну круговорота бытия и его связи с космическими силами. Эта тайна пряталась в образах праздника.

На нашей новогодней елке висят яблоки и мандарины — такова давняя традиция: напоминание природе о том, что она должна позаботиться о людях в Новом году и осыпать их спелыми плодами.

Но что означают пряники и печенья, которые вешают на елку или кладут в пакет с подарками?

Новогодние праздники были долгими, они длились около месяца и назывались зимними Святками. На Святки в славянских селах по ночам, собравшись группами, ходили ряженые. Они пели под окнами домов колядки — пожелания добра, благополучия и изобилия, а хозяева готовили для них угощение: калачи и сласти.

И сейчас в селах Молдавии и Румынии в новогодний праздник всегда отыскиваются любители таких представлений. Они надевают тулуп, вывернутый мехом наружу, а на лицо — маски из меха или мешковины. Чудище приплясывает на снегу, отпуская веселые шутки, и смотреть на него не страшно, а весело и смешно. Называют его мош, что означает «старец».

А когда-то, очень давно, люди считали, что моши — их древние предки — в новогоднюю ночь выходят из-под земли, где обитают грозные божества смерти и щедрые покровители плодородия, проведать, как живут потомки. Об этом рассказывают мифы, этому посвящены и многие праздники.

Колядники, согласно преданиям, тоже тени предков, они пускаются в дальний путь проведать потомков и принести из подземного мира залог урожайного года, достатка и благополучия. И когда мы кладем под елку коробку конфет, пакет с яблоками или печеньем, то делаем это как бы в память о далеких наших предках. И конфеты, которые мы вешаем на елку, украшая ее, тоже означают пожелание сладкой жизни в Новом году. А елочные игрушки — коровы, барашки и козы — это, быть может, воспоминание о новогодней жертве: чтобы избежать голода и бедствий, люди устраивали праздник в честь духов подземного мира, принося им в жертву домашних животных.

Нам трудно представить елку без маленьких огней — без лампочек, а это тоже таинственная тысячелетняя связь цветного новогоднего фонарика с древним огнем, зажженным в новогоднюю ночь во славу Солнца.

От летнего солнцеворота день начинает убывать. Осенний ветер срывает последние листья, землю заметает снегом, сумерки наваливаются все раньше, утром солнце просыпается все позже... Наверное, древние люди испытывали чувство тревоги: вдруг солнце скроется и навсегда воцарятся стужа и мрак? Мифы и предания доносят до нас сведения о черных драконах, норовящих поглотить дневное светило. Чтобы помочь солнцу, ему светили в ночи, вознося к небу факелы, показывая таким образом путь к земле. На Украине кое-где до сих пор под Новый год устилают пол соломой, а потом эту солому, собранную в огромную скирду, сжигают во дворе.

Вот уже прослеживается связь двух начал — растения и огня. Растению начинают воздавать царские почести. Но до наряженной новогодней елки еще далеко. Откуда же пришла елка — символ единственного общего для всей Европы календарного праздника, дошедшего до наших дней?

Тема украшенного и наряженного дерева как бы разливается по календарю, выплескиваясь в праздник весны. Весенние праздники свидетельствуют о полной победе животворных сил над мраком и

холодом. В праздниках много общего — это ряженые и маски, а также особое отношение к дереву как существу, приносящему подарки. В этой книге вы прочтете о том, как до сих пор сохраняется в русских селах память о поклонении березе, а также об отголосках культа дерева у якутов.

В разных уголках нашей земли живы предания о чудесном мировом дереве: произрастает оно во Вселенной, соединяя собой три мира — Верхний, Средний и Нижний. На его вершине сияют звезды, в ветвях поют птицы, у корней пасется скот и живут люди, а под корнями гнездятся змеи.

Таков миф о мировом дереве. Миф — это сказание о том, как устроен мир, Вселенная, как начиналась жизнь на Земле и как развивалась природа. В мифе земля, небо, вода одушевлены, у них есть лица и имена. Миф — самая первая форма коллективного творчества людей. Это первый сценарий.

В определенный день община разыгрывала представление-ритуал, предназначавшееся духам и божествам Вселенной, чтобы они были добры к земле и ее обитателям.

Со временем ритуальные действия утрачивают магический смысл. И хотя календарный праздник заставляет людей сохранять изначальный порядок событий, драматургию, костюмы и предметы ритуала, теперь все проигрывается иначе: там, где в ритуале приносилась жертва, ее заменяют куклой, а человек лишь изображает, что он убит. Это уже обряд. В ритуале — обращение к богам, в обряде — воспоминание об этом, боги уже забыты. Иногда забывается и обряд, а остается лишь игра, вроде Деда с козой — популярной пары ряженых, участвующей в зимних Святках. Здесь Дед — олицетворяет Старый год, а потому на нем все старое и ветхое. На его одежде, как говорят на Украине, «столько лат, сколько в селе хат». С козой, как полагали еще древние греки, связана тема плодородия. Так считали и в России: «Где коза рогом — там жито стогом». Умиравшая коза — образ природы, умирающей зимой. Воскресшая коза — это природа, пробуждающаяся к новой жизни, к грядущей весне.

В Молдавии на Новый год устраиваются целые театральные представления. А в Болгарии, например, до сих пор сохраняются выступления кукуров — ряженых в необычайно пестрых и причудливых одеяниях: в огромных колпаках, украшенных зеркалами, перьями, куклами, с бубенцами у пояса. Они затевают пахоту, впрягают в плуг главного кукуера — «царя» и сеют зерна прямо в снег. Потом вдруг набрасываются на «царя» и делают вид, что убивают его. Тот падает, притворившись мертвым, но тотчас вскакивает и пляшет.

Так выглядит сегодня это, похожее на игру, веселое представление народного театра. А сто лет назад шествие кукуров и «пахота» воспринимались достаточно серьезно — их действия зрители проецировали на свою жизнь. Все выступление в строгой последовательности сохранялось из года в год, не утрачивая ни одной детали, потому что имело прямое отношение к урожаю, к продолжению рода, к приплоду скота. Ряженые бросали корзину, и если она упадет дном вниз — год будет урожайный, если перевернется — жди голодного года. Хозяйки старались утащить с одежды кукуера лоскутик и привязать его к яблоне, чтобы плодоносила.

Кукуерское действие сохранилось сейчас в виде обряда. А когда-то на этих землях жили фракийские племена, имевшие такой обычай: раз в год, сроком на месяц, они избирали царя. Все это время царь мог делать что пожелает, — от его здоровья и силы зависело плодородие и изобилие; на нем сосредоточивались представления о растительной

мощи природы, и с ним обходились как с созревшим колосом, который срезает серп,— через месяц его убивали.

Такой же обычай существовал в Древнем Риме и у южноафриканских племен. Замечательный английский исследователь Джеймс Джордж Фрэзер рассказывает, как в Риме в древнем святилище Лесной Дианы жрецу был присвоен титул царя. «В священной роще,— пишет он,— выросло особое дерево, вокруг которого в любой час, вплоть до глубоких сумерек, непрерывно шагала мрачная фигура. Человек этот, с бегающими глазами, с обнаженным мечом в поднятой руке, был похож на... ожидающего с минуты на минуту нападения врага». И все же, несмотря на бдительное ожидание, кто-то ухитрился напасть на него внезапно, а убив — занимал его место.

Мы уже знаем, что ритуал — это заведенный порядок: избрание царя, почести, воздаваемые ему, характер общения с ним и, наконец, принесение его в жертву. Перед нами некое ответственное действие, которое совершают во имя высокой цели — ради людей, ради самой жизни. Знаем и то, что на смену ритуалу приходит обряд, а его заменяет игра — шуточное представление. Следы ритуала и обряда можно отыскать и в детских играх. Знакомы ли вы с играми: «А мы просо сеяли», «Каравай» и «Баба сеяла горох»? Прыг-скок — скачут, взявшись за руки, малыши. А в давние времена в пляске участвовали взрослые, топая о землю как можно сильнее, чтобы разбудить ее для посева... С игры начиналось все, что вылилось потом в праздники, в театр.

Итак, мы знаем формы праздника: ритуал, обряд, игра — без этого нам трудно понять, что такое праздник.

Когда-то люди верили, что мир населен упырями, русалками, дүхами. Они верили в богов и богинь, чувствуя их в определенные дни. До сих пор славяне поют весеннюю песню с припевом «Ой, Ладо!» — и это все, что осталось от богини по имени Лада. Еще Н. В. Гоголь писал, что когда-то люди поклонялись страшному идолу Коляде. От него родилось слово «коляда», означающее мифологическое существо.

Позже, во времена христианства, существовала своя мифология, а священники были нетерпимы к языческим мифам и ритуалам. Однако они были живучи и популярны в народе, поэтому новые праздники церкви пришлось укреплять в гнездах празднований, сохранившихся с первобытных времен.

Все в жизни меняется, а праздник остается. И хотя он может стать другим и даже справляться по совсем иному поводу, остаются и праздничная радость, и особое волнение, и чувство необычности этого дня. Сохраняются и атрибуты праздника: цветы, куклы, маски, различные украшения.

Описывая сценку из праздника, известный историк профессор А. Белецкий заметил, что правильнее всего было бы признать ее «бесформенным обломком, смысл которого неясен сейчас для его хранителей». Но этот обломок так же ценен, как черепки неизвестного сосуда, по которым можно восстановить какую-то из исчезнувших культур человечества.

Так, например, в Брянской области сохранился весенний праздник с игрой, которая называется «Кострома» и где проигрывается весь процесс ткачества. Считалось, что была некогда могучая богиня — покровительница пряж. В ее честь женщины собирались тайно, чтобы выткать священную ткань. Она называлась «обыденной», потому что все нужно было сделать за один день — обработать лен, спрясть нити, соткать полотно.

А вот что открыл ныне уже почти исчезнувший в Калужской области весенний праздник «Похороны Кукушки». В апреле девушки

собирали траву кукушкины слезы, делали из нее крошечную куколку, шили ей рубашку, маленькую фату и тайно разыгрывали странное кукольное представление: «кукушку» готовили к свадьбе, потом хоронили в маленькой коробке, пели при этом и, накрывшись платком, «кумились», то есть целовались, и это означало, что они становились сестрами.

Куколка, величиной с ладонь, олицетворяла собой богиню-птицу, которой посвящались тайные женские ритуалы. Этот праздник сохранился в тех местах, где жили древние вятичи, а хроники донесли до нас легенды о воинственных женских союзах амазонок.

Но не только праздники и обряды могут рассказать о жизни людей. В руках этнографов говорят и вещи, предметы народного быта.

В одной из Каргопольских деревень, на Севере, этнографам попались на глаза полотенца и фартуки с непонятным узором. Представьте себе незамкнутое кольцо, похожее на толстую, свернувшуюся вокруг ромашки с длинными узкими лепестками и маленькой сердцевинкой гусеницу. А по всему рисунку разбросаны мелкие украшения: петельки, сердечки, спиральки. Что бы это могло означать? Ведь в рисунках народной вышивки никогда не бывает ничего случайного. И цветы, и орнаменты, и изображения людей и животных — все это представляет собой как бы шифр, рисунками и знаками изображаемый миф.

Но каргопольская «гусеница» оказалась интереснее всего. Узор назывался «месяцеслов», и это был календарь! И календарь не простой. Он обозначал праздники: люди научились изображать схему движения солнца по небу и отмечать его фазы задолго до того, как овладели грамотой.

Каргопольский месяцеслов не был одинок. В разных точках земли этнографы и историки обнаруживали подобные календари. При раскопках в Казахстане археологам попался головной убор вождя древнего племени с украшением в виде диска, а на диске — тоже круги, петельки и схемы цветов с длинными лепестками.

Идея кругового календаря воплощалась то в таинственных древних круглых строениях, то в каменных плитах с концентрическими кругами, покрытыми густым и сложным узором. В Сибири, на берегу Ангары, археологи нашли круглую костяную пластинку с отверстием для ремешка. Круговой узор на нее был нанесен точками. Этот календарь, наверное, носили на груди — календарь верхнего палеолита — времени, отделенного от нас более чем десятью тысячелетиями! Но человек уже имел представление о семидневной неделе и вел счет фазам луны.

Листая наш настольный календарь, мы понимаем время как вереницу дней, идущих один за другим ровным строем. Наше время протяженно, и его можно измерить. В сознании древних людей время было иным — цикличным, и измерялось не цифрами, а событиями. Праздник — это событие. Каргопольский календарь и размечен знаками событий.

Рассматривая эту необычную схему, можно хотя бы отдаленно представить себе годовую жизнь общества от праздника к празднику. Общая жизнь, «всем миром», проходила в тяжелом труде, и если бы не праздники, люди жили бы уныло и однообразно.

Женский русский народный костюм поразительно изобретателен и затейлив, но все же в старину все одевались одинаково. Одинаково готовили еду, вышивали единые узоры, пели определенные песни. Даже женились в одно и то же время.

В апреле девушки, собравшись отдельно, водили хороводы, играли в потаенные игры; отдельно собирались и парни, у них шли свои игры — состязания и кулачные бои. Группы девушек и юношей встречались потом на общих игрищах. Об этом вы узнаете, прочтя очерк об усть-цилемских краснопевах. На майских праздниках молодежь знакомилась друг с

другом ближе, и уже намечались будущие пары, которым осенью предстояло вступить в брак. В праздник Купалы воцарялись всеобщее веселье и озорство, которые христианская церковь считала беснованием.

В летних праздничных промежутках между изнуряющей полевой работой молодежь как бы прощалась со свободой и юностью: приближалась пора свадеб. Юноши и девушки, выбравшие друг друга в пору весенних праздников, вступали в брак, и свадьба была самым пышным, самым удивительным праздником, с песнями, в которых изба называлась боярским теремом, а молодых называли князем и княгиней.

Свадьба продолжалась несколько дней, и это было похоже на театр: невеста плакала, даже если выходила замуж по любви, жених «показывал характер», даже если был добр и кроток.

Но вот отходят празднования осени, близка зима, и уже недалеко до «Белых Святков» — дело идет к Новому году. Мудрый мир замкнутого общества продвигает людей по возрастному кругу, на Святки подросткам детям определены «уроки праздника», дети включаются в цикл годовых игр со своим репертуаром. У них песни, процессии, хождение с колокольчиком. На Святках девушки гадают о женихах. Ближится Масленица — готовятся новые праздники, вызывающие весну. Зимой у природы выпрашивают всех благ, к весне от нее требуют всего, что необходимо для вечного жизненного круговорота. А там уже и «Зеленые Святки» — весна в разгаре. Все начинается сначала. В таком круговороте праздник отводит человеку строго определенную роль, и он должен был выполнить ее как можно лучше.

Жить «всемирно» означало выжить при любой внезапности, беде, напасти: заведенный круг жизни не так-то легко было разбить, он помогал избегать сильных конфликтов, больших ссор. «Весь мир» — единый, как организм, должен быть здоровым и крепким физически и духовно. Во всем этом праздники занимали чрезвычайно важное место. И какая же мощная энергия была в них заложена, если ее отблески дошли до нас!

Одна из причин этой мощи в том, что праздник был жизненно необходим: и дело не столько в представлениях людей и их верованиях, а еще и в воздействии праздника на человека.

Исследователи утверждают, что хоровое исполнение праздничных песен благотворно влияет на здоровье, и сейчас ученые и музыканты пытаются проникнуть в тайну народного пения, в особый звук хоровой праздничной песни, исполняемой издревле. Считается также, что и веселье праздника обладает особыми свойствами, а праздничный всеобщий смех назван очищающим смехом — благотворное его влияние на участников праздника несомненно.

В образах праздника люди переживали свою изначальную связь с миром. Ведь человек, выделившись из природы, все больше от него удалялся. Но в праздник он заново остро и полно переживал свою причастность к нему.

В праздниках заложено начало искусства и литературы. От мифа родилась поэзия, от ритуала и обрядов — театр. Обряды родственны театру, но они так и оставались как бы вне развития, бесконечно разыгрывая один и тот же сюжет, и только в Греции из праздника родился театр, развившийся впоследствии в самостоятельный вид искусства.

Праздники продолжают жить и в наши дни. Интерес к ним растет: создаются детские студии, изучающие народные обряды, проводятся смотры самодетельности, где особое внимание уделяется старинным формам представлений. Праздники изучают и ученые самых различных профессий: фольклористы и археологи, музыканты и хореографы, историки театра и биологи, психологи и астрономы.

В прошлом веке возникла наука о праздниках: эртология. Эртология занимается истоками, происхождением праздников и изучает их главное свойство — неразрывную связь с культурой того или иного народа.

Народная культура в основном сосредоточилась в селах. Оно и понятно: мы видели, какую огромную роль играло обращение к силам природы, а природа все-таки гораздо ближе людям, которые занимаются сельским хозяйством. Поэтому праздники сохраняются там, где не прервана связь с землей, с растительным миром, со скотоводством, с календарем.

Но вечные образы живы и в новых праздниках. Так, в политических карнавалах появляется чучело-кукла, символ мирового зла, которую предают сожжению. А голубь мира занял место древнего символа — птицы с веткой в клюве, возвещающей конец великим бедствиям. Все это — известные обозначения явлений мира, понятные всем.

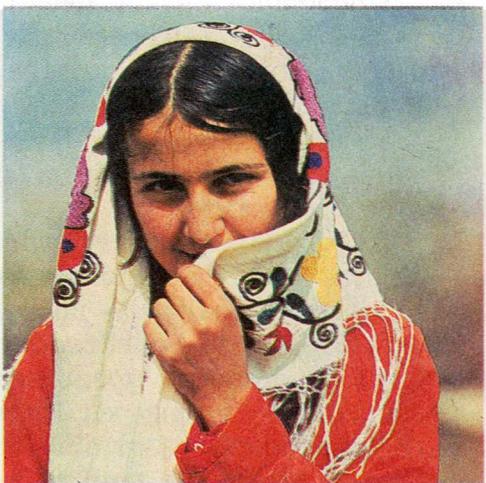
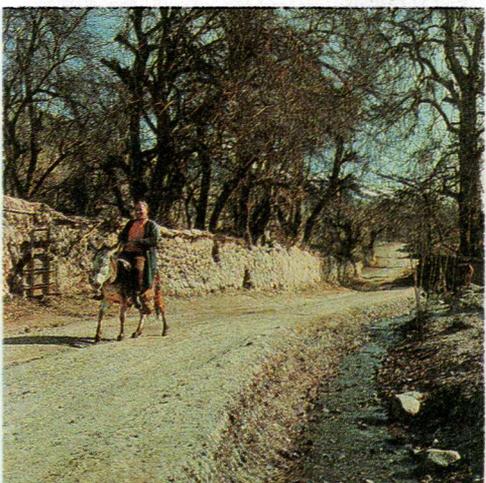
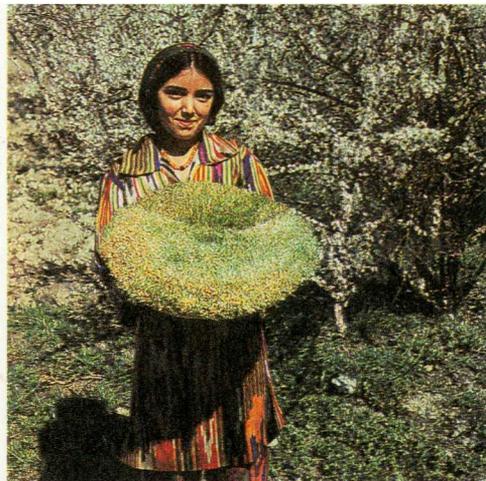
И. Уварова

В заоблачном кишлаке Иол.

Едва освободившись от снега, памирские предгорья зеленеют свежей травой, наступающей снизу на белоснежные шапки вершин. На северных склонах еще цветут подснежники, а южные уже заалели ковром тюльпанов. Кекликам — горным куропаткам — становится жарко, пора перекочевывать выше, туда, где в холодной чистоте сверкают меж облаков ледники.

Внизу, в долинах, солнце печет почти по-летнему и зима напоминает о себе лишь холодом ночей. Но с первыми лучами солнца земля теплеет, быстро нагревается, и как-то разом, незаметно для глаз, расцветают сады, наполняя воздух благоуханием миндаля, абрикосов, яблонь, вишен. Вокруг царит радостно-возбужденное чувство обновления, которое от цветов и деревьев передается людям. Недаром весна исстари считалась утром года. До XVI века мартом начинался год и на Руси. Новогодний праздник народов Средней Азии и Ирана — Навруз^{1*}, отмечающийся в день весеннего равноденствия 21 марта, буквально означает «новый день». Этот поворотный

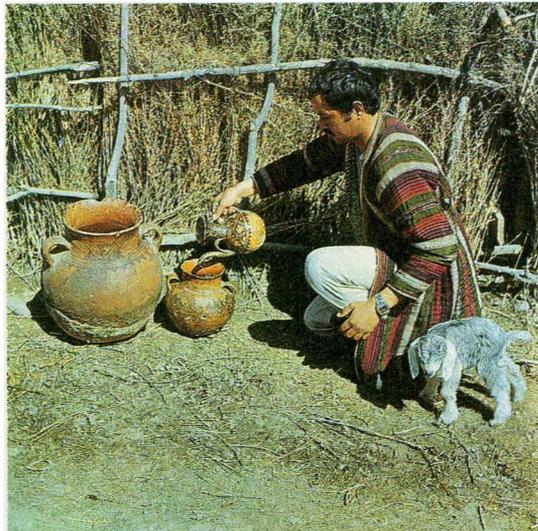
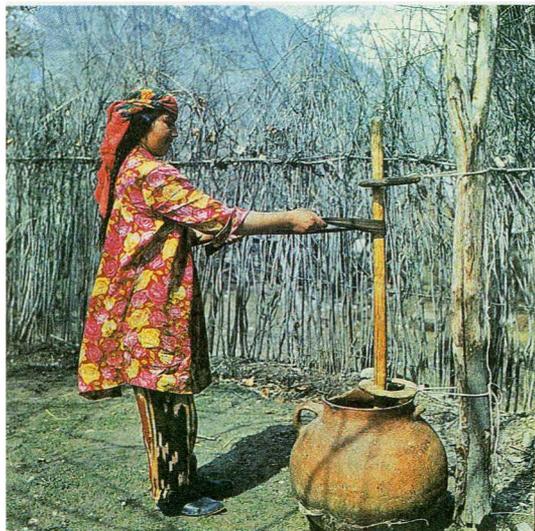

Проросшее зерно — символ вечной жизни.

Ослик — обычный транспорт в горах.

К Новому году — нарядный платок.

* Отмеченные цифрами слова см. в комментариях в конце каждой главы.

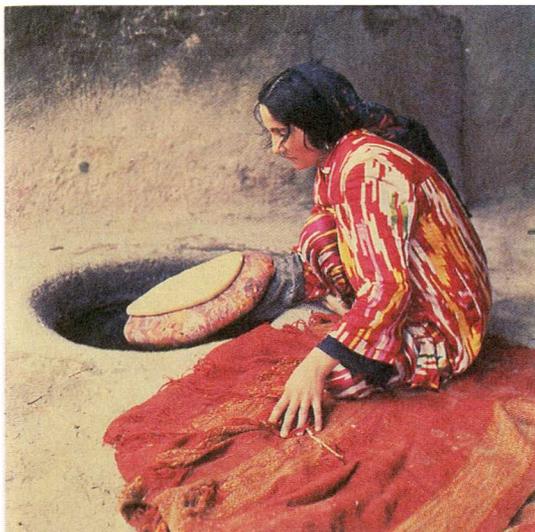
день солнца — источника жизни, когда просыпается после зимнего сна природа, наливаются соком травы, цветы, деревья, — у многих народов был с глубочайшей древности одним из главных праздников земледельческого календарного цикла.

Тысячи лет живет этот праздник у таджиков. Далеким предкам современных жителей республики — огнепоклонники-зороастрийцы Согдианы² считали переломным моментом борьбы сил света над мраком³ миг, когда день равнялся по продолжительности ночи.

Сколько веков Наврузу, столько и поверью, что чем веселее и радостнее он пройдет, тем щедрее будет к людям природа.

Последний зимний месяц, предшествовавший Наврузу, таил для человека множество опасностей и коварств, среди которых, по поверьям, были страшное чудовище Хут и старуха Оджуз⁴. Чтобы избавиться от злых сил и напастей, не дать им нанести вред людям, скоту, посевам, имуществу, не пустить их в Новый год, зажигались костры⁵ и вокруг них весело кружились с песнями и танцами.

...Стоящий на берегу бурного Пянджа кишлак Иол на шесть месяцев в году отгорожен от остального мира непроходимым снежным перевалом — добраться сюда можно лишь на маленьком самолете из областного центра Куляба, да и то если очень повезет: маршрут проложен сложным зигзагом по горным ущельям, впритирку к скалам, и нужно, чтобы на всей трассе небо освободилось от обычно подолгу висящих здесь плотных облаков. Нетрудно понять, почему для жителей кишлака Навруз байрам — праздник Навруз — означает нечто большее, чем для декханина долины. Он предвещает скорое открытие перевала, связь с родными, друзьями.

Масло сбивают в глиняных чохдеках.

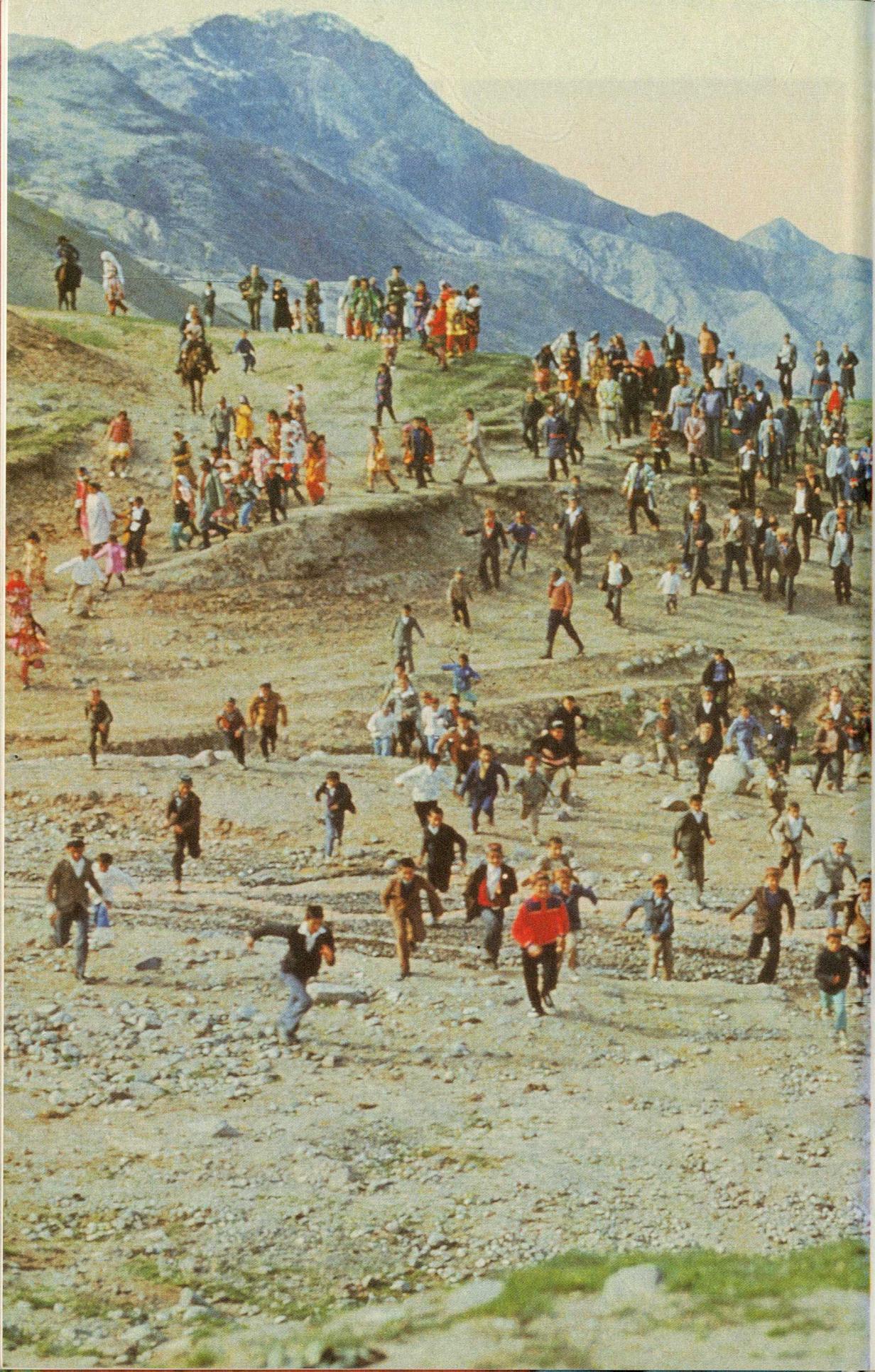
Знаменитая даштиджумская посуда.

Понадобится гора лепешек.

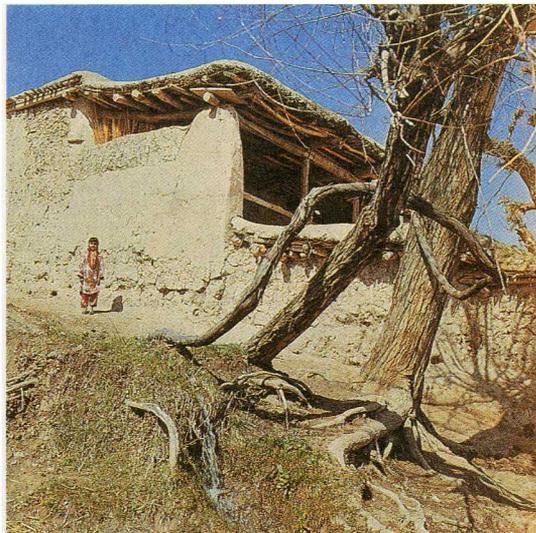
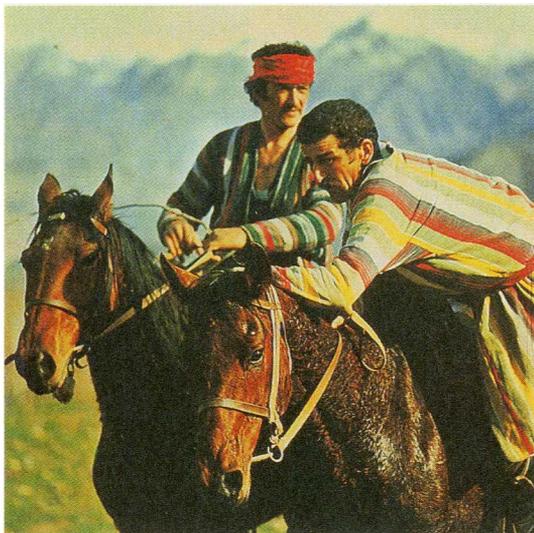
Чей сузани окажется краше?

Все на праздник! ▶

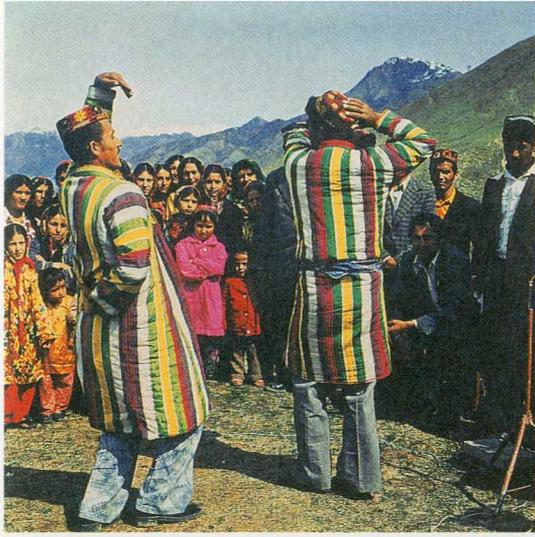
Горы гораздо ревностней, чем равнина, хранят архаичный быт, нравы, обычаи, обряды, народное искусство. Вот и в Иоле, известном своими древними традициями, к Наврузу готовятся с особой тщательностью, стараясь не упустить ни одной мелочи в сложном многообразном праздничном действе.

Пока праздник еще ничем себя не выдает, над кишлаком стоит будничная тишина, нарушаемая лишь далеким гулом речного потока, бляением овец да изредка отрывистыми криками ишака. Но невидимая глазу подготовка к скорому торжеству идет полным ходом. Ибо какой же праздник, скажем, без сузани — большого, во всю стену, прямоугольного вышитого панно из хлопчатобумажной или шелковой ткани, украшать которым дом — традиция, уходящая в тысячелетние дали, как и сам Навруз.

Сузани, сюзаны — это слово, звучащее с небольшими нюансами в Таджикистане и Узбекистане, радостное, легкое, воздушное, словно тополиный пух, кажется придуманным поэтами и мечтателями. В нем есть что-то недоговоренное, в нем живет тайна. Она каждый раз завладевает воображением, когда заходишь в сельское жилище таджика, потому что стоит только ступить с раскаленного, залитого светом дворика под сень полумрака и прохлады дома, как со стены на тебя глянет огромное таинственное солнце — неперемный узор сузани — и засияет в обрамлении десятка белых, золотых, багряных маленьких солнц почти так же ярко, как дневное светило. Это далекий отголосок древнейших космологических представлений обитателей гор.

У местных мастериц издавна бытует обычай вышивать к новогоднему празднику сузани — чье окажется краше? Их вывешивают на всеобщее обозрение, и тогда глиняные дувалы *

* Дувал — забор, изгородь.

Вот-вот будет дан старт.

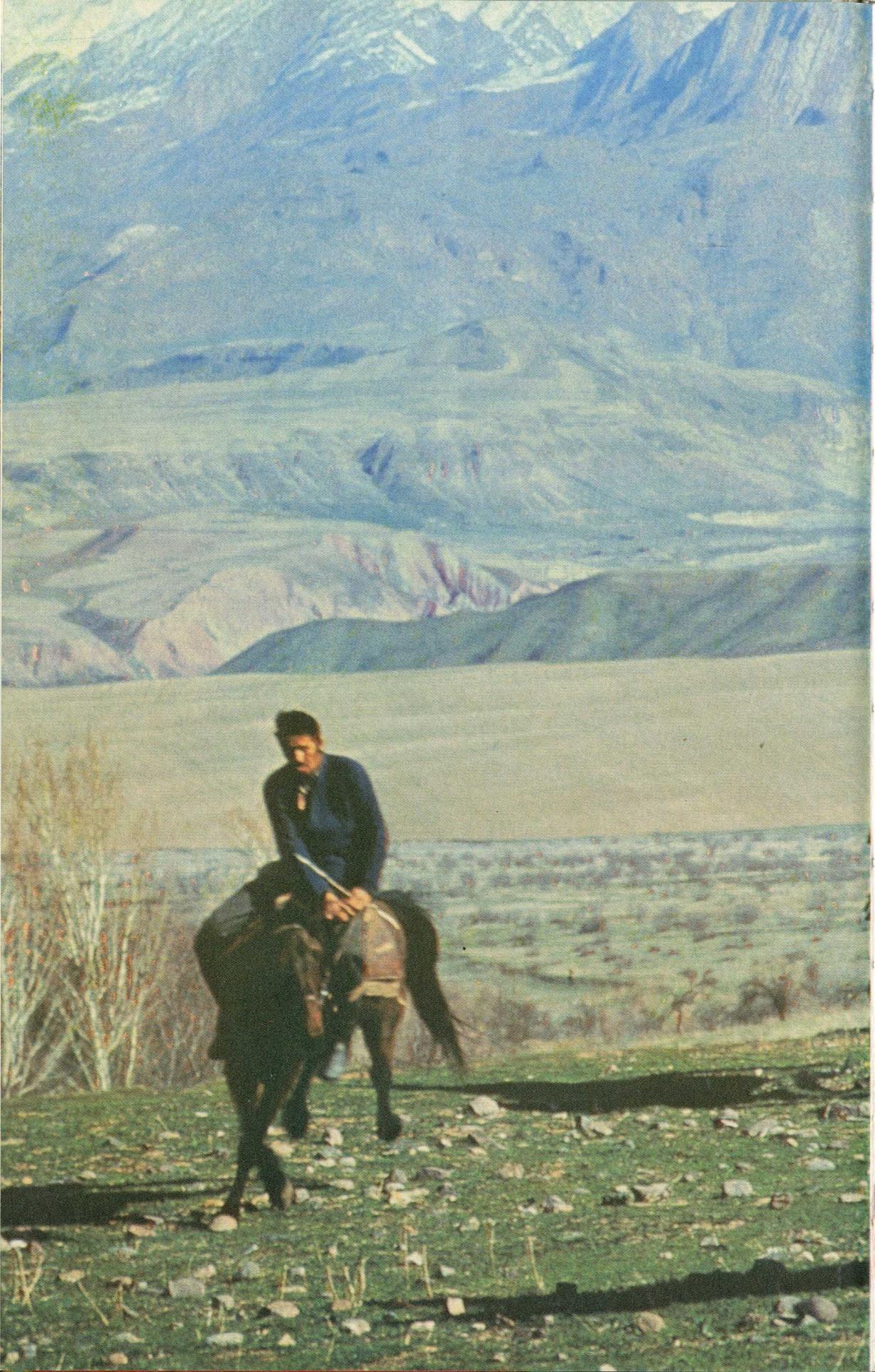
Девочка, дом и дерево.

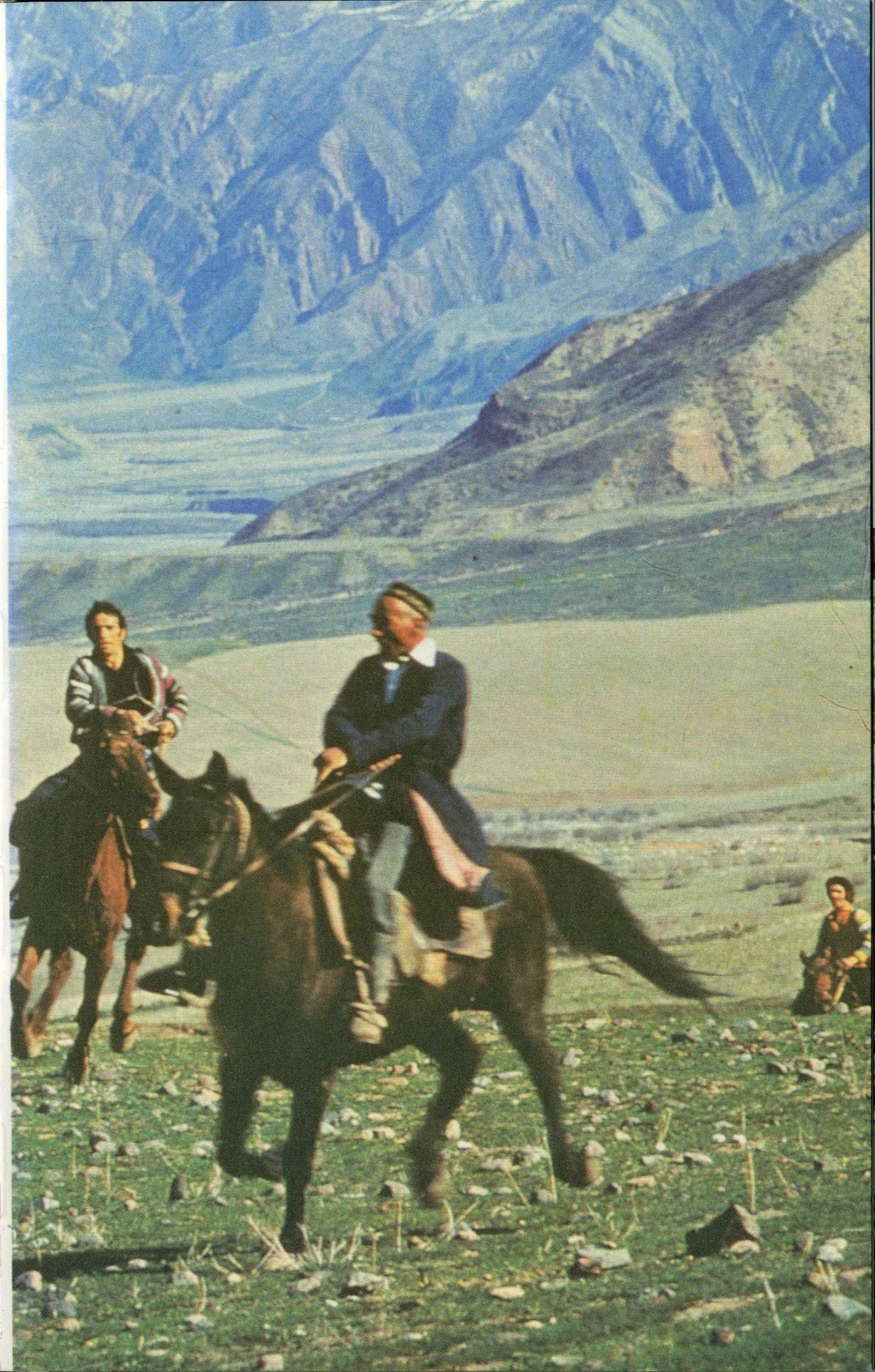
Танцоры...

...и зрители.

В разгаре конная игра бужкаши. ►

расцветают веером радуг. А самое лучшее из них украсит поляну, вернее, зеленый горный склон, где будет устроен дастархан — праздничный стол, где будут музыка, танцы, песни. Его повесят на двух высоких шестах, и даже если день окажется пасмурным, огромное солнце воссияет над кишлаком.

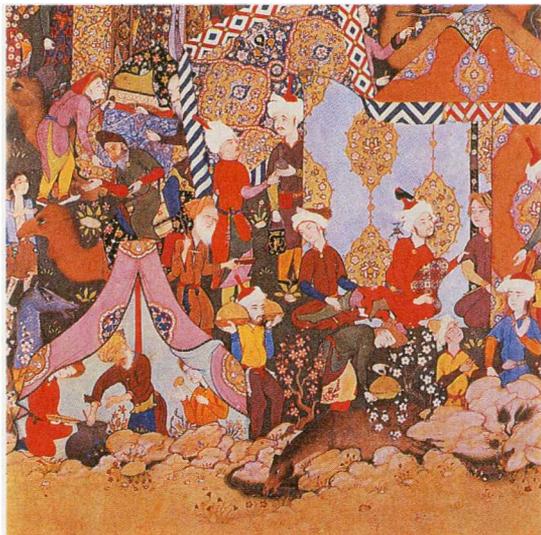
Нужно позаботиться и о достойном угощении, ведь за дастарханом каждый, кто ни зайдет в кишлак, желанный гость. Дастархан должен быть богат блюдами, и все должны быть сыты: тогда и урожай осенью будет на славу, а молоко у коров и овец — жирным и обильным.

Поэтому заготавливают всего впрок. Масло сбивают в больших глиняных сосудах — чохлаках. (В этих местах испокон веков из глины делают всевозможные сосуды и даже музыкальный инструмент — тауляк, на глиняное горло которого натягивают кожу, и он звучит наподобие тамтама. Здешние гончары — куколи — известны далеко за пределами края изысканной формой своих сосудов, сделанных по старинке без гончарного круга, и великолепным даштиджумским — по названию соседнего кишлака — орнаментом. Искусствоведы сравнивают его с древнегреческой архаикой.) Сбивание масла оказывается процессом долгим и трудоемким. В наполненный сливками чохлак вставляют струганый деревянный кол, обвязывают его ремнем и быстрыми движениями рук взад и вперед вращают, пока наконец не сбивается масло⁶.

Для общего новогоднего стола понадобится гора хлеба — лепешек, которые пекут в Таджикистане в глиняных ямах — чохдонах, — вырытых на уровне земли, или глиняных же полых конусах — танурах. Глина для изготовления этих своеобразных печей перемешивается для прочности и большего жара с мелкими камешками. Чтобы приготовить тесто для обычной пресной лепешки, требуются лишь мука, вода, соль и дрожжи. Когда прогорят дающие хороший жар сухие стебли хлопка, хозяйка брызгает на раскаленный внутренний свод водой и быстрым движением прилепляет к нему лепешку, в которой предварительно деревянной палочкой проделано несколько отверстий, чтобы та лучше держалась и хорошо пропеклась. За один раз в чохдоне умещается дюжина небольших лепешек или до шести больших, в обхват, круглых хлебов-фатиров. Когда хлеб подрумянится и пожелтеет, его достают толстой рукавицей и натирают до блеска водой.

Пекут и большие толстые лепешки, а чтобы угодить гостям, делают любимые здесь чаппоти — огромные тонкие пресные блины, которые пекутся на глиняном своде всего несколько секунд. Гурманов же ждут сдобные лепешки и хлебцы с тмином.

В ночь перед праздником в большом котле варят, согласно обычаю, из муки и солода проросшей пшеницы обрядовое угощение суманак, которым обносят всех устроителей и гостей

На празднике. Средневековая иранская миниатюра.

За дастарханом каждый — желанный гость.

Наекли с запасом... ►

торжества. Проросшее зерно — символ вечной жизни. Поэтому в каждой семье за двадцать пять дней до праздника в большой выдолбленной из дерева плоской тарелке проращивают увлажненное зерно, чтобы в Навруз ее полностью покрывала молодая зеленая поросль.

Считалось, что, когда зерно прорастет, наступает время сева. Поэтому с Наврузом тесно связан обряд чуфтбаророн — «первая борозда», когда определяется начало сельскохозяйственных работ. Следы этого обряда встречаются уже в «Авесте» — священной книге зороастрийцев, написанной в первом тысячелетии до новой эры. Если суманак давал прямые, ровные ростки, это считалось приметой хорошего урожая, если же неровные, то быть неурожаю.

Главные угощения Навруза — плов, шурпа, вареная баранина и говядина — будут готовиться на лугу в день праздника. Вечером же, накануне, по кишлаку разносятся песни — начинается обряд гулгардони, то есть «хождение с цветами». Еще с первыми лучами солнца мальчишки отправились в горы за подснежниками, а теперь, привязав их к длинным шестам, обходят дома, одаривая хозяев цветами и приглашая на завтрашний праздник. «К вам в гости пришли цветы. Поздравляем с новой весной!» — возглашает заводила и запевала первого бейта — обрядового двустишия. Затем ребята поют поздравительные песни, а хозяева вознаграждают их подарками, повторяя слова песни: «Благодарим, что мы дожили до новой весны, жить нам в Новом году без забот, как цветам». Затем, трижды проведя букетом подснежников по глазам, возвращают их.

Пока над спящим кишлаком царит последняя, на какие-то секунды длиннее дня, ночь и в кромешной тьме в последний раз злобствуют уже в бессилии, видя радостную подготовку к празднику, Хут и Оджуз, есть еще время вспомнить кое-что из истории Навруза, который во все века имел народный, крестьянский характер.

Накануне праздника крестьяне пытались вызвать с помощью глиняных свистулек в форме животных, птиц или драконов, имитирующих завывание грозового ветра и шум падающих капель, столь нужный земле весенний дождь⁷. Возлагая надежды на то, что весь год будет благоприятным и благополучным, люди, встречая самый почитаемый праздник, белили свои жилища, чистили посуду, наполняли ее водой. Дома и целые селения состязались в устройстве новогоднего угощения, даже бедняки старались приготовить хоть одно любимое семейное блюдо. Для женщин это был праздник особый. Как вспоминают аксакалы, это был единственный день в году, когда женщина могла снять паранджу и открыть людям свое лицо.

Но не всегда только радость приносил дехканам Навруз байрам. При Сасанидах⁸ утвердился обычай, когда шахи взымали в

этот день, кроме обычных годовых налогов, еще и особые подарки — хадья,— по-существу, дополнительные сборы. «Пришел праздник, а у нас нет халата. Пусть сгинет имя эмира»,— пели люди.

...Вот и наступает наконец долгожданный день. Первой на праздник спешит детвора. К полудню все жители кишлака в ярких нарядах заполнили зеленый луг, террасами спускающийся с гор. На высоком месте, у всех на виду, повесили самое красивое сузани. В его тени расположились музыканты. Над долиной разносятся звуки рубобов, дутаров — любимых струнных народных инструментов. Льются обрядовые песни Навруза.

Медленно в небольшой круг перед оркестром входят танцоры, но вот музыканты ускоряют темп — и сливаются в одно яркое пятно полосатые халаты, пестрые платья, косынки. Музыка, песни, кажется, все больше согревают вместе с лучами солнца чистейший, настоящий памирскими ледниками воздух. Накаляется, натягивается, как струна рубоба, и нерв праздника.

Чуть ниже по склону освобождают площадку с десятков шагов для состязания борцов. В таджикской национальной борьбе разрешаются подножки, подсечки, главная же задача — положить противника на лопатки, точнее, заставить его хоть на миг коснуться земли. Быстрота реакции и ловкость тут важнее силы. Первыми на травяной «помост» выходят подростки. Ухватив друг друга за ворот халатов и пошире расставив для устойчивости ноги, они пытаются одолеть один другого. Им на смену выходят крепкие, мускулистые борцы, и начинается своеобразный... танец. Легко касаясь земли босыми ногами и взмахивая руками, зорко следя за движениями соперника, они словно порхают по кругу. Выбрав выгодный момент, один из них неожиданно бросается вперед, следует молниеносный захват туловища противника — и в следующее мгновение тот беспомощно взлетает над землей, чтобы приземлиться уже на лопатках. «Вот это настоящее гуштингири!» * — восторгаются ботельщики.

Разгоряченных схваткой горцев ждет следующее состязание — любимые в народе игры, называемые козлодранием, по-местному — бузкаши. Всадники в стеганых халатах и налобных повязках по команде скачут к условному месту, где положена туша козла. Самый сильный и ловкий джигит в сшибке взмыленных коней сумеет привезти тушу и получить почетный приз.

Тем временем полным ходом идут приготовления к дастархану. День перевалил на вторую половину, возбуждение от плясок, состязаний остывает, ноги чувствуют усталость, и весь кишлак (а в нем около ста дворов, и семьи очень большие, де-

---

* Гуштингири — так называется эта борьба.

сять — двенадцать детей тут дело обычное) усаживается за длинные, устроенные по обычаю прямо на земле, столы.

Навруз, праздник Весны и Солнца, которое, согласно древнему памирскому календарю, в этот день входит человеку в сердце, сохранил до наших дней свои красивые поэтичные обряды, сохранил традицию общинного веселого праздника, за которым сразу последуют нелегкие сельскохозяйственные работы. Он дает людям заряд сил на долгий весенне-летний сезон, делает общими радости и заботы.

¹ Н а в р у з (Ноуруз) — этот праздник таджики унаследовали от предков согдийцев и разделяют со своими ближайшими соседями — народами Афганистана, Ирана, Пакистана, Северной Индии, в течение тысячелетий составлявшими единое культурное целое — так называемую «индоиранскую общность».

² С о г д и а н о й (Согдом) в древности и в раннем средневековье называли страну, занимавшую северо-восток тогдашнего ираноязычного мира. Территориально Согдиана соответствует южной части нашей Средней Азии. Жители Согдианы — согдийцы — веками создавали и сохраняли свою культуру, во многом отличную от культуры других ираноязычных народов. Наследниками этой культуры являются жители современного Таджикистана, особенно горных его районов. В древности Согдиана была одним из центров развития зороастризма (см. ниже).

³ Ираноязычные народы представляли себе мир как арену борьбы между силами Тьмы — дэвами-демонами, подвластными Ангра-Майнью (Духу Зла), и духами Света — ахурами, во главе которых стоял Ахура Мазда (Мудрый Бог). По преданию, некогда в Хорасане (Восточный Иран) или в Средней Азии жил пророк Ахура Мазды по имени Заратуштра (по-гречески: Зороастр), создавший на основе древних верований иранских племен новую религию — з о р о а с т р и з м. В эпоху Сасанидов (см. ниже) зороастризм стал государственной религией Ирана. По всей стране возникали храмы, в которых горел постоянный огонь, некогда служивший поклонникам Ахура Мазды символом божественной правды. Поэтому чужеземцы называли последователей Заратуштры «огнепоклонниками».

⁴ Х у т — имя чудовища, пожирающего солнце, заимствовано из арабского языка, где оно имеет два значения — «кит» и «морской змей». Таджики, никогда не видавшие океана, восприняли второй его смысл, обозначив им сказочного дракона, вроде «чуда-юда рыбы кит» из сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок».

С т а р у х а О д ж у з — олицетворение зимней стужи. Возможно, этот образ заимствован таджиками у тюркоязычных соседей — туркмен или узбеков. В тюркской мифологии оджу — название демона, пугающего ночью одиноких путников.

⁵ Зажигая костры, согдийцы помогали богу солнца Митре справиться с силами Ночи.

⁶ Сбивание масла для праздничного дастархана, да еще таким примитивным способом, — не просто хозяйственная необходимость, а обряд, уходящий корнями в глубину тысячелетий. Веды — священные книги древних индийцев — рассказывают, как боги «сбивали» воды океана, чтобы добыть напиток бессмертия — амриту.

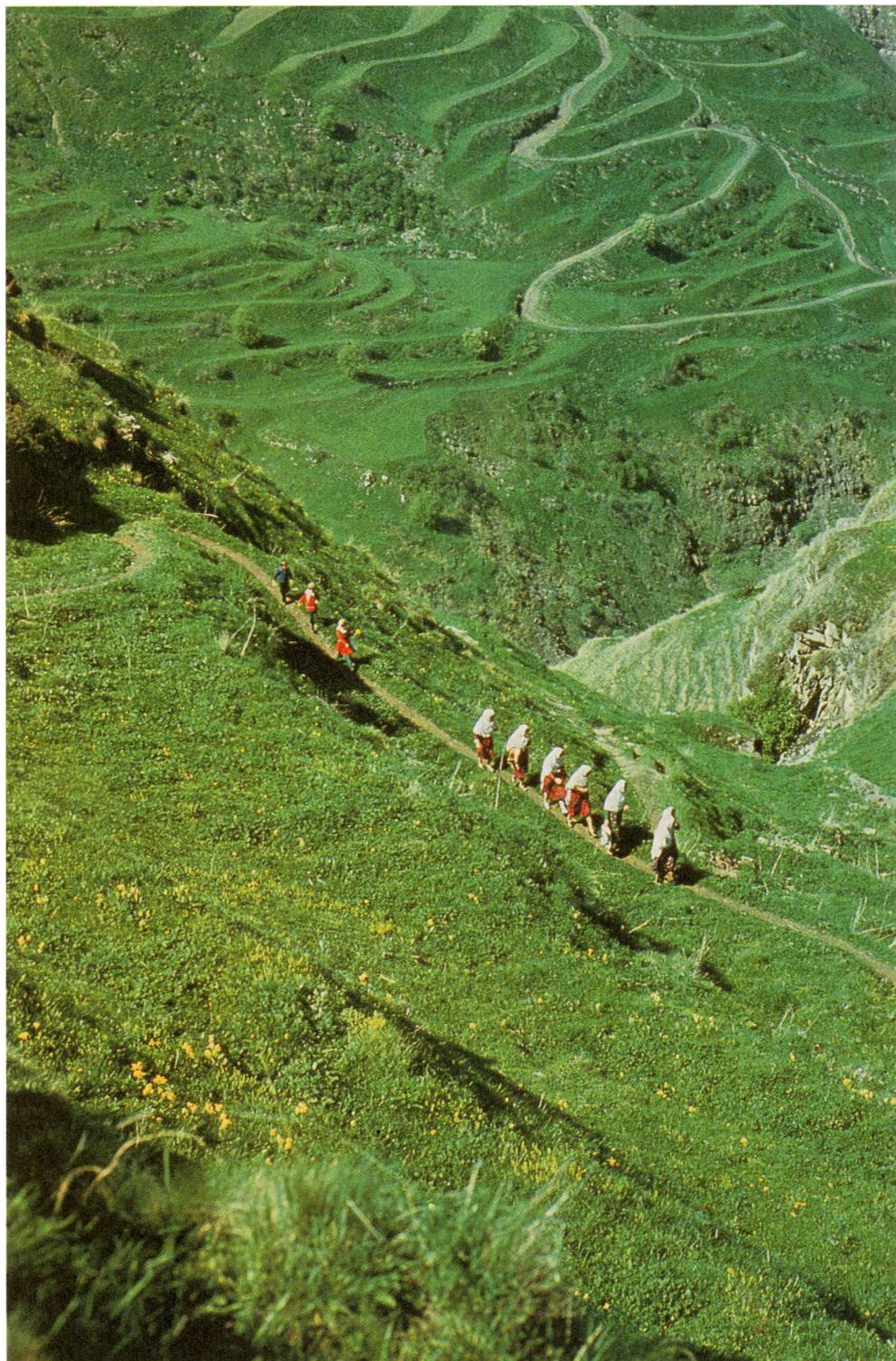
⁷ В мифах многих народов упоминается Великий змей или Дракон, стерегущий дождевые облака. Чтобы отпереть небесные шлюзы, необходимо было победить дракона, который олицетворяет силы хаоса, ночи и тьмы. Победитель — бог грозы — заставляет чудовище выпустить небесные воды из облачного плена, и они благодатным весенним дождем проливаются на землю. Так, в греческой мифологии Зевс побеждает змея Пифона, древнеиндийский бог грома и молнии Индра рассекает на части чудовище Вритру. В более поздних вариантах мифа победитель дракона уже не бог, а герой-богатырь — Персей, Геракл, Добрыня Никитич. У предков арийских племен трехглавый дракон Ажи Дахака был побежден витязем Траэтоной. Победа Траэтоны — это также победа света над тьмой и дня над ночью; поэтому празднование этой победы приурочено к Наврузу. В канун Навруза согдийцы свистели в свистульки, били в барабаны и вообще поднимали страшный шум, чтобы напугать дракона и тем самым помочь Траэтоне (позднее — Фаридуну) одолеть его. До сих пор кое-где в селениях Средней Азии во время весеннего сева дети бегают вокруг поля, поднимая шум и гам. Они кричат, топают, звенят колокольчиками, пускают в ход трещотки, оглушительно свистят в глиняные свистульки. Сейчас это воспринимается как отпугивание птиц, которые собираются в стаи и кружат над полем.

История магических игрушек-свистулек-учпулак ведет в глубокую древность и насчитывает более тысячи лет. Причем поразительно, что изделия современных мастеров, продолжающих старинную традицию, почти не отличаются от своих древних собратьев, вылепленных в XII веке и найденных археологами. Любопытно, что и с приходом ислама свистульки веками продолжали служить крестьянам для магических целей.

В магическую силу яркого цвета и громкого звука верили самые разные народы. Поэтому повсюду свистульки расписаны малиновым, желтым, зеленым; в праздники люди одеваются ярко, а ряженые украшают себя бумажными цветами и пестрыми лентами.

⁸ С а с а н и д ы — династия иранских царей, правившая с 224 по 650 г. Государство Сасанидов было мировой державой, включавшей в себя не только современный Иран, но и Месопотамию, Закавказье, юг Средней Азии (в том числе и Согдиану). Государственной религией сасанидского Ирана был зороастризм.

Держава Сасанидов пала под ударами завоевателей-арабов. На месте разрушенного Ктезифона, столицы сасанидских царей, возникла резиденция мусульманских халифов — Багдад.

В путь за «глазной водой».

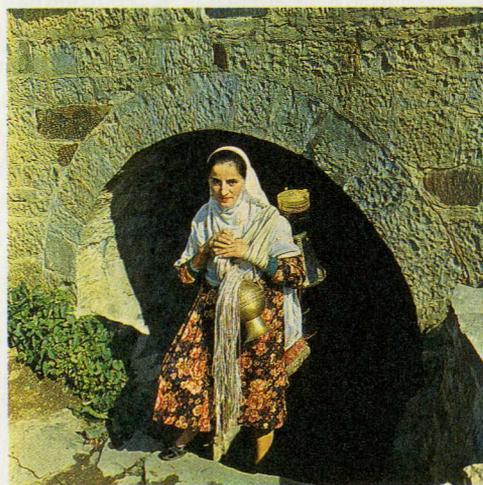
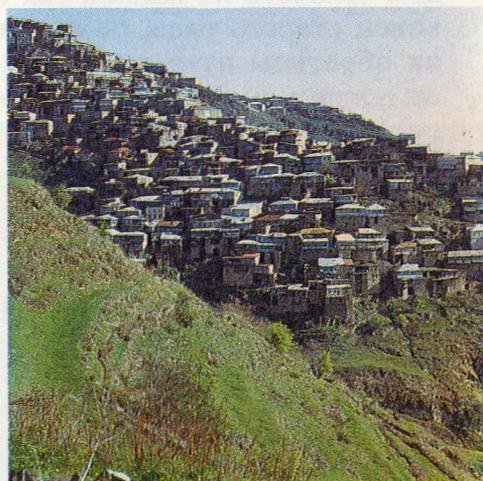
Сорок дней весны

Еще не погасли в небе звезды, по земле стлалась рассветная дымка, и новый день едва отделился от ночи, когда в холодную горную тишину стали вплетаться непонятного происхождения хлопки — одиночные, двойные, по нескольку кряду.

— Палят! — радостно воскликнул Расул Алиханов. — Палят, значит, быть сегодня празднику! Теперь не пропустить бы девушек в платках.

К счастью, природа позаботилась о том, чтобы в Кубачах, высокогорном дагестанском ауле, обращенном к ущелью многоярусным амфитеатром, где сакли, кажется, вырастают из крыш нижестоящих, никто не мог пройти мимо незамеченным, тем более трудно было пропустить выходящих из аула девушек в непременных здесь огромных, белых, вышитых золотом платках-шалях, местному — казы.

Дорога проходит прямо под окнами, и вскоре из-за поворота появляются четыре стройные белые фигуры. За спиной каждой из девушек высокий медный сосуд — мучал, который уравнивается на груди медным кувшином поменьше — куткой. Первый вмещает десять литров воды, вто-

Женщин не встретишь здесь без рукоделья.

Аул обращен к ущелью амфитеатром.

Кубачинку узнаешь по белой шали казы.

рой — четыре. У одной девушки в руках гармонь. При приближении их ружейная стрельба вокруг заметно усиливается, и над домами то и дело взвиваются сизые дымки.

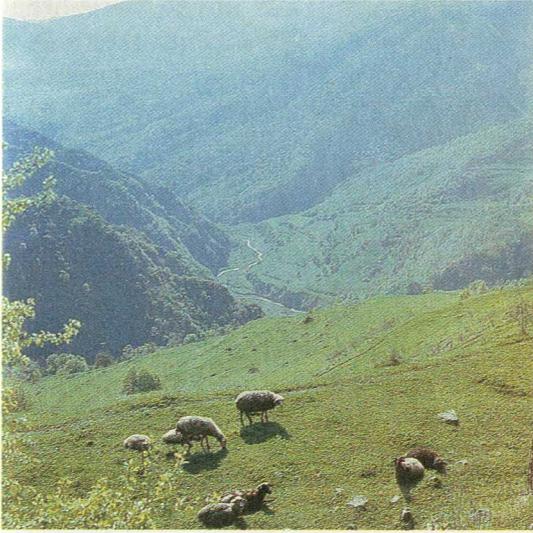
Девушки направляются к далекому, за шесть километров от селения, роднику с «глазной водой». Главное ее достоинство, согласно поверью, состоит в том, что стоит только умыться водой из родника, как станешь еще краше.

А какая из девушек не хочет стать красивее? Вот и отправляются они раз в году, на сороковой день от весеннего равноденствия, в нелегкий путь по крутой тропе. Потому и Праздник Воды называют здесь еще «Сорок дней весны». Число это выбрано, конечно, неспроста, как ничто не бывает случайно в древних праздниках и обрядах. Сорок — число сакральное, то есть священное, традиционное. У многих народов оно связано как с уходом человека из жизни, так и с его рождением, а ведь весна — конец старого года, рождение нового. И встречать девушек на их обратном пути в аул выходили когда-то в этот день сорок замужних, имеющих детей женщин, усиливая этим магию чисел.

Девушки в белых шалях прошли под окнами — кажется, светлее стало на улице: еще не видимое из-за гор солнце зажгло изумрудом склон противостоящей аулу горы, словно высвечивая путь процессии. На какое-то время фигуры скрыл из виду изгиб ущелья, но вскоре они вновь появились на зеленом склоне, а минутой позже возле них на траве ярким пятном выделился большой квадрат платка. В тот же миг воздух сотрясла дружная пальба — парни увидели знак начала праздника. А через ущелье к аулу понеслись призывные звуки гармони.

Солнце наконец перевалило через гребень горы, воздух постепенно очищался от дымки, открывая взору отдаленную панораму горной страны: пасущихся овец, серебристый изгиб текущей внизу речки, крохотные фигурки горцев, встречающих праздничный рассвет далекими, еле слышными выстрелами с синих вершин, и, наконец, на самом горизонте узкую голубовато-серую полосу Каспийского моря, до которого по прямой, вероятно, километров за тридцать, но дорога до него — череда серпантинов — занимает часа два, а то и три.

Глядя отсюда, из поднебесья, на далекую Каспийскую синь, понимаешь, почему тысячу лет назад арабский путешественник Аль-Масуди писал, что сказочная страна Урбуг недоступна для набегов соседних племен. А между тем совсем рядом, под Кубачами, орлиным гнездом укрепившимися на остроконечной скале, веками не прекращались войны, столкновения. Узкая равнинная полоска между Каспийским морем и восточными отрогами Кавказских гор связывала Ногайскую степь с Персией, открывала путь полчищам кочевников, персов, арабов, турок¹. Докатывались волны захватчиков и до аула. Среди множества

Воздух постепенно очищался от дымки.

В кубачинских лабиринтах.

бытующих здесь легенд есть, например, такая: когда селение осадили турецкие войска, жители выставили на крыши медные сосуды — мучалы, набив их негашеной известью, а на рассвете стали поливать ее водой. Турки, решив, что дымятся пушечные фитили, в спешке отступили.

Иноземных князей и шахов, эмиров и султанов влекла сюда слава богатейшего города искусных ювелиров и оружейников, снабжавших весь Кавказ ратными доспехами в течение двух тысячелетий. Здесь ковали тончайшие двойные кольчуги, надежно закрывающие тело от ударов сабли, кинжала или стрелы, и драгоценные латы могущественным завоевателям. «Наши деды откупились от Надир-шаха² одной саблей, — вспоминают старики, — сам Шамиль³ присылал своих мюридов за дорогим оружием, а другой великий горец Хаджи-Мурат⁴ лично приезжал заказывать себе кинжал».

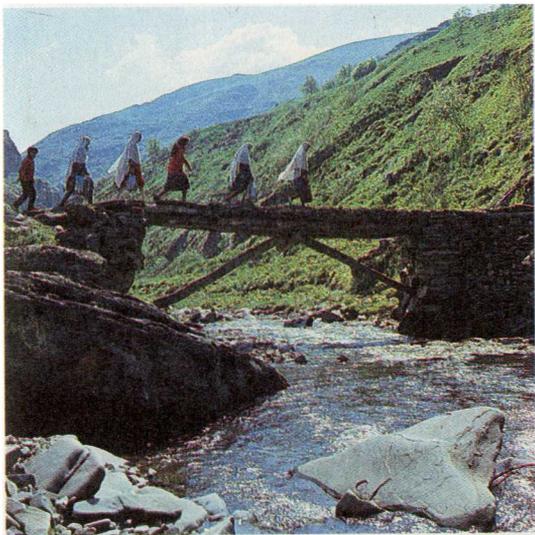
Далеко расходилось изготовленное здесь оружие: в Оружейной палате Московского Кремля хранится, например, сабля князя Мстиславского работы кубачинских мастеров XVI века.

На протяжении веков ремесло жителей давало аулу название: Кубачи, то есть кольчужники, — так называли его в XVI веке турки, а еще раньше этот край звали страной зирехгеранов — тоже кольчужников и латников. Две тысячи лет назад территория нынешних Кубачей входила в состав давно исчезнувшей Кавказской Албании⁵, следы которой остались в виде «албанских» медных котлов да в орнаментах каменных надгробий, которые местные златокузнецы считают азбукой своего искусства.

В те далекие времена здешние народы, по свидетельству древнегреческого географа и историка Страбона, почитали Солнце, Зевса⁶ и Луну. Сменяли друг друга завоеватели, сменялись религии — язычество, христианство, ислам. Не менялось лишь ремесло жителей. Не менялся в течение веков и Праздник Воды — Праздник сорока дней весны.

По узкой тропе над обрывом потянулись белым пунктиром группы кубачинских девушек, по пять — семь подружек. Альпийские луга еще не вошли в полную силу, на свежей траве лениво пасется лишь несколько овец — отары придут сюда намного позже. На южных склонах гонят прямой упругий стебель желтоголовые примулы. Пестрыми бабочками порхают над ними, собирая букеты, стайки девочек, тоже идущих на праздник, но еще не доросших до участия в нем. Они повторяют заведенный маршрут вместе с более старшими еще не раз, прежде чем смогут лет в пятнадцать — обычно после восьмого класса — сами надеть белую шаль.

Немало впечатлений дарит тропа путнику, соединив в себе красоту Кавказских предгорий со средневековой сказкой. Вот резное каменное надгробие жившего в далекие времена шейха.

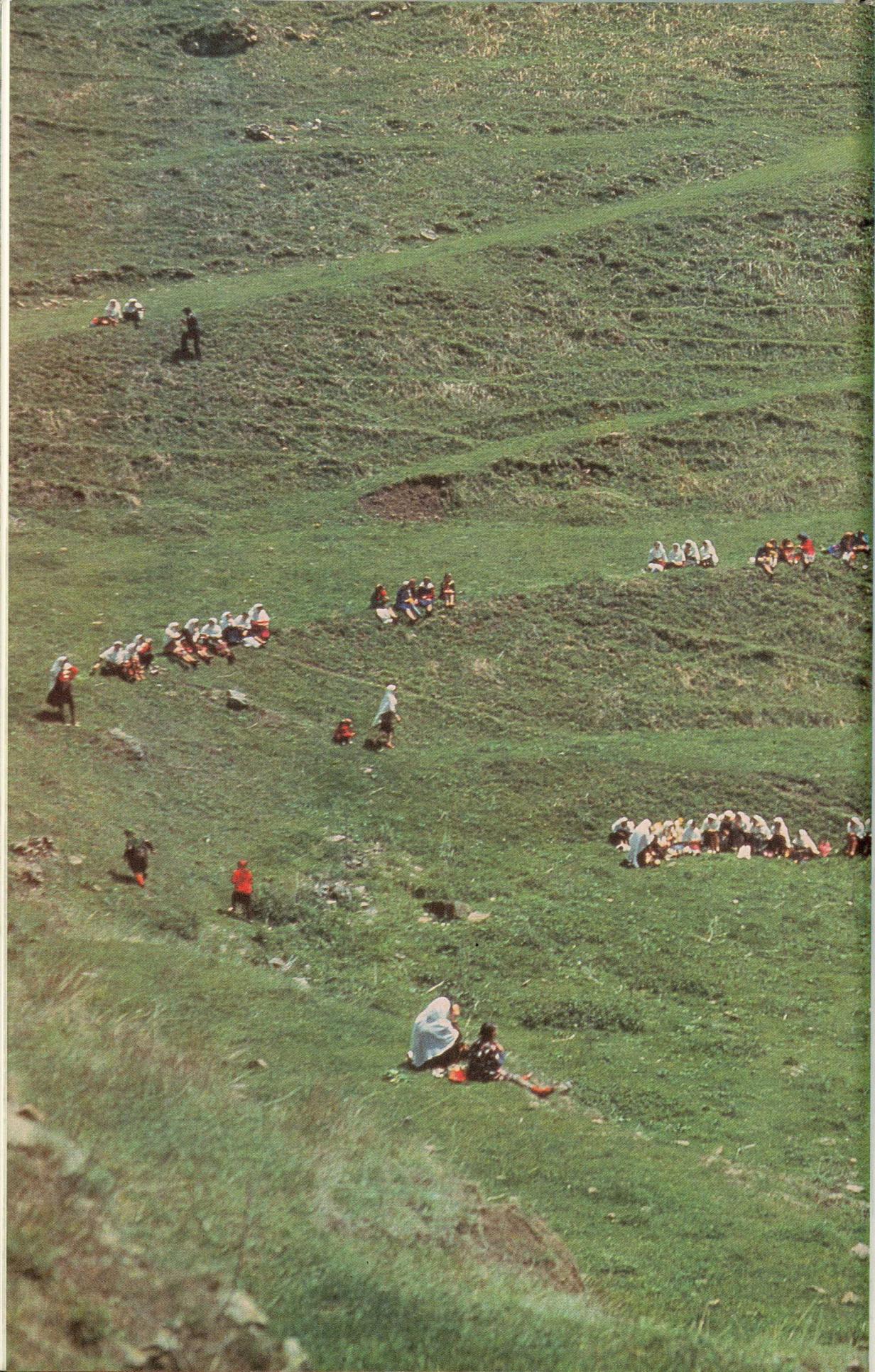

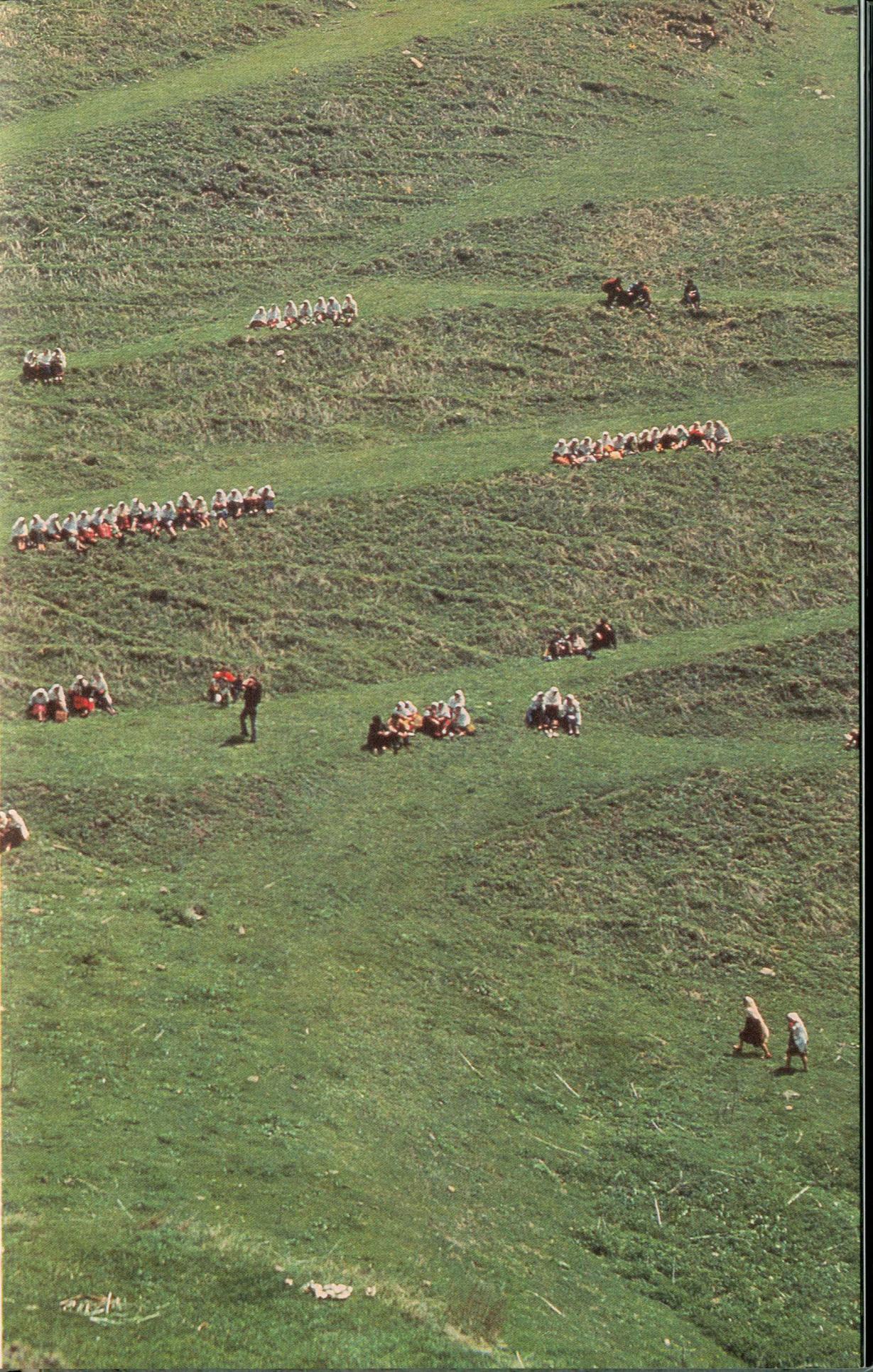
Нелегко путь к далекому роднику.

*Кувшины нужно начистить до
ослепительного блеска.*

Первый привал. ►

Ветви акации склонились над ним, перехваченные выгоревшими на солнце разноцветными лоскутами и бумажками — древний обычай украшать таким образом особо чтимые места.

Впереди показались развалины аула Амузги, где когда-то ковали знаменитую дамасскую сталь, клинки из которой кубачинцы оправляли в золото, серебро, слоновую кость. Сегодня здесь царит покой, только над старой саклей курится дымок. Из глубокой тени возникают две маленькие фигуры — юные жители почти всеми покинутого селения. А в кузнице с пылающим горном седобородый горец в овечьей папахе кует изящный, с узким жалом клинок. Последний из прославленных амузгинских оружейников, Курбан Рабатов, делает кинжалы для праздничного наряда артистов. «Нет, это не те клинки сварочного булата, что ковались из трех полос разной стали: мягкой и вязкой «дугалала» для сплошной части, крепкой «антушки» для лезвия и крепчайшей «альхана» для подложки», — говорит старик, — ну да сувенирным кинжалам та сталь и не нужна. В словах хранителя секретов стали, шашка из которой легко рубила гвозди, не оставляя следов на лезвии, и при этом сгибалась колесом, слышится печаль. Быть может, ему обидно за мужчин, что приходят нынче на Праздник Воды не с кинжалами его, Курбана, работы и не в обтягивающих стан черкесках, а в обычных городских костюмах.

Старый мастер был, наверное, слишком строг к кубачинским молодцам, если думал так. Что касается экипировки, тут, действительно, девушки дадут парням сто очков вперед. Но кубачинские ребята не уступают своим подругам в другом. Добрая половина всего мужского состава праздника добиралась сюда не за несколько, пусть трудных, километров, а со всех концов страны. «В ауле — около двух тысяч человек, — рассказывает Расул Алиханов, — и еще столько же выходцев из Кубачей живет за его пределами, вплоть до Москвы и Дальнего Востока, ведь почти в каждой семье тут есть студенты». И в какую бы даль ни забросила судьба кубачинца, какие бы спешные и неотложные дела ни держали его, раз в год в начале мая он приезжает в родной аул на праздник.

Если до Амузги тропа идет по каменистому карнизу примерно на одном уровне, то отсюда она обрывается в пропасть. Далеко внизу, на противоположном берегу реки белеет аул Шири. А от него к реке, рельефно выделяясь на склоне, тянутся узкие возделанные террасы. Когда, ныряя между скал, тропа наконец приводит к источнику, то там уже вовсю поет гармонь и кружат два хоровода: один побольше — из белых шалей, другой — пестрый, как букет полевых цветов. Второй, как выясняется, состоит из девушек аула Шири, которые шали не носят и в празднике не участвуют. Они пришли сюда просто повеселиться вместе с кубачинками. Родник укрыт грубой кладкой из замше-

лого камня, с плоской крыши палят из ружей несколько парней. Внутри из скалы сочатся две струйки ледяной воды, под которые девушки ставят мучалы и терпеливо ждут, пока те наполнятся.

Прибывающие и прибывающие к источнику кубачинки в ожидании своей очереди начищают песком до ослепительного блеска кувшины. Набравшие воду бережно ставят сосуды в тень и идут в круг. Прямая осанка, непроницаемое строгое лицо — таков ритуал, а рядом на нагретых солнцем валунах ерзают с букетиками примул смешливые девчонки, выпитывая незаметно для себя дух многовекового церемониала, его ритмику, движения, жесты.

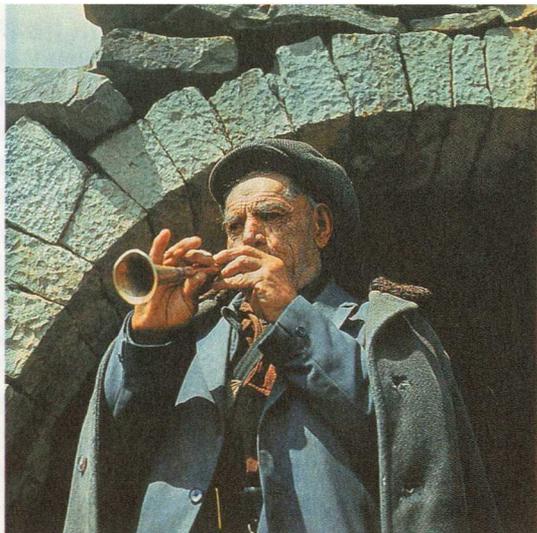
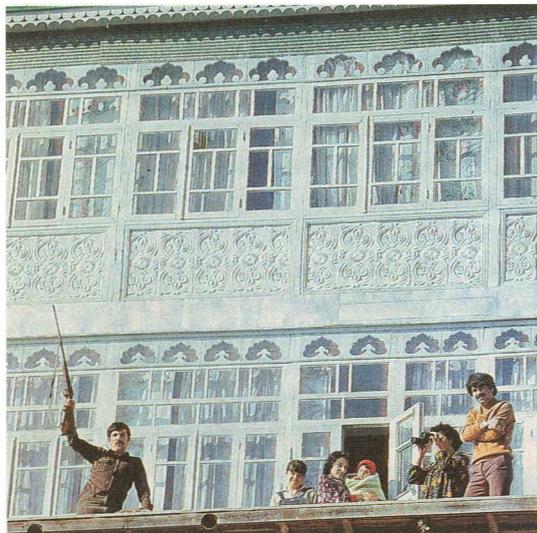
Около полудня девушки, начинавшие праздник, молча поднимаются, перекидывают через плечо мучалы и идут обратно, в обход, через другое ущелье, по более длинному, но и пологому пути: ведь каждая несет теперь четырнадцать литров воды.

До сих пор молодые люди держались несколько особняком, как бы сами по себе, сопровождая девушек на некотором расстоянии. В седловине альпийского луга, где был сделан первый привал на дальнем пути домой, это нарочитое отчуждение несколько смягчается, становится понятно, что девушки и парни объединены чем-то пока незаметным постороннему взгляду, чем-то очень важным, что, возможно, и является сутью всего этого многочасового действия.

Поначалу они рассаживаются отдохнуть отдельно, группами. Но вот девушки, взявшись за руки, заводят хоровод, и вскоре кто-то из парней оказывается внутри круга. Лихо отплясав лезгинку, он приближается к одной из танцующих и легонько ударяет ее по плечу деревянной палочкой. Помедлив, его избранница вступает в круг и, подняв над головой руку с платочком, танцует, а парень, быстро перебирая ногами, кружит вокруг нее.

Так вот, оказывается, в чем дело: это же не что иное, как древнейший обряд выбора невесты!⁷ Конечно, парень с девушкой не сегодня только приглянулись друг другу, быть может, у них все уже и решено давно, а этот танец как бы неофициальная помолвка: вряд ли гордый кубачинец рискнул бы получить отказ на виду у всех. Впрочем, случалось раньше, оказывается, и такое — бросала девушка палочку на землю и не шла в круг. Но на нынешнем празднике пары составлялись одна за одной.

Понятной теперь становится и непрерывная ружейная пальба, сопровождающая праздник. Она обращает взор в давние времена, к истокам рождения мифов. Историк и фольклорист прошлого века, известный собиратель русских сказок Александр Николаевич Афанасьев писал, что оглушающие раскаты грома и сверкающие молнии породили сказания о том, как бог-громовержец сильными ударами бича казнит весной демонов туч. Потрясая бичом, он вступает в брачный союз с

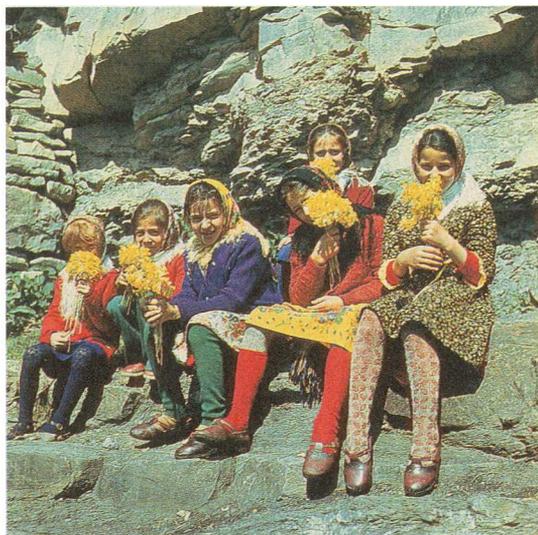

землей, рассыпая по ней плодотворящий дождь, дающий урожай. Поэтому плеть получила в свадебных обрядах столь важное значение: дружка, обязанный охранять молодых от враждебной силы, сопровождает свои заклинания хлопаньем бича. С появлением ружей и пистолетов они, вероятно, переняли эту роль, и их выстрелы охраняют природу и человека от пагубного недоброго вмешательства.

Примерно час отдыха и танцев — и вновь процессия отправляется в дорогу. Перевалив через зеленый кряж, она оказывается недалеко от уже знакомого аула Амузги. Развалины крепости предстают еще более экзотичными на вершине неприступной, обрывающейся в пропасть скалы. Близ аула еще один привал. Снова звучит гармонь, к ней присоединяет свой проникновенный голос зурна — это пришел на праздник старый музыкант Магомед Исаев из аула Ашты, без которого вряд ли обошлась хоть одна свадьба в округе. Магомед улыбается, играя на своем нехитром инструменте, — кому как не ему знать, что май — месяц свадеб в этих краях, а Праздник Воды — их зачин.

К Амузги, расположенному примерно на полпути к родному аулу, девушек и юношей пришли встречать односельчане — женатые, с детьми, те, кто еще недавно участвовал в весеннем обряде, а теперь рад повеселиться и поплясать вместе с другими. Многие по случаю праздника надели серебряные украшения. Старинных подвесок, серег, ожерелий, кулонов и браслетов хватило бы не на один музей. Невольно вспоминается легенда о том, что первый кубачинец родился с кинжалом в одной руке и штихелем * ювелира в другой. В жизни дагестанских горцев

* Ш т и х е л ь — резцовый инструмент, применяемый в граверном и ювелирном деле.

Палят! Значит, быть празднику!

Звучит зурна.

Придется еще подрасти...

Встречать молодых вышел почти весь аул. ►

В этой лезгинке может решиться судьба. ►

ювелирные, художественно-декоративные изделия играли всегда чрезвычайно важную роль, а в Кубачах, где практически каждый мужчина был златокузнецом, — совершенно особую.

Здесь очень тонко чувствуют подлинную красоту вещи, ее узор, орнамент, здесь царит настоящий культ художественной старины. Почти в каждом доме в парадной гостиной стены увешаны и уставлены сотнями самых различных произведений древнего искусства: коврами, оружием, фарфором, украшениями из Китая, Индии, Персии, Египта, Турции, завезенными в аул мастерами, уходившими в отхожие промыслы на юг России, Ближний Восток, в Среднюю Азию.

Но больше всего изделий местных кузнецов прошедших веков.

Все возможные виды техники художественной обработки металлов представлены здесь в разнообразии: ковка, литье, гравировка, чеканка, чернение, дражировка (светлый фон после черни), монтировка по серебру, насечка золотом и серебром, инкрустация, скань, филигрань. Массивные серебряные изделия богато украшены сердоликами, кораллами, альмандинами, бирюзой, гранатами, яшмой, лазуритом, агатами, цветным стеклом. В узорах некоторых изделий можно различить птиц, змей, коней — древнюю символику, восходящую ко временам языческих верований, когда такие изделия служили амулетами. Родовые коллекции росли от поколения к поколению, составляя славу фамилии, определяя достоинства жениха и невесты. Лучшие златокузнецы сегодняшних Кубачей во главе с народным художником РСФСР, лауреатом Государственной премии имени И. Е. Репина Расулом Алихановым продолжают и развивают древние традиции своих предков.

...Солнце прокалило камень гор, снизу, из ущелья, поползли молочные клубы, рассеивая солнечный свет. Третья и самая главная остановка на долгом пути — у скалы, одной стороной нависшей над пропастью, другой — круто спускающейся к тропе. Сюда вышел встречать молодых едва ли не весь аул. Здесь — апогей праздника, его пик, кульминация. Вновь плывет хоровод, заливается гармонь, поет зурна, вновь парни вызывают девушек, и рассыпается дробью шажков лезгинка. Достигнув высшего аккорда, праздник вместе с солнцем, затягивающимся серым туманом, начинает терять силу.

И был еще последний отрезок пути — по потускневшей без солнца траве. Парни уже не стесняясь шли рядом со своими возлюбленными.

«Кубачинцы женятся только на кубачинках, а девушки наши выходят только за своих, — сообщает один из них. — Почему? Да очень просто: во-первых, лучшей жены на свете не бывает, во-вторых, кубачинский язык не понимают даже жители соседних сел, принадлежащие к одному с нами народу — даргинцам».

Теперь смысл праздника стал ясен до конца. Обособленный на протяжении тысячелетий мир укрывшегося от воинственных и грозных соседей аула требовал сохранения секретов оружейного и златокузнечного дела. Поэтому в его замкнутом пространстве и возник совершенно особый уклад, по-своему развивались язык⁸, обряды, привычки, одежда. Сюда нельзя было допускать чужих, отдавать невест в другой аул. В качестве же торжественного и красочного ритуала знакомства и сватовства и сложился этот уникальный, существующий в одном-единственном ауле Праздник Воды!⁹

Удивительна история этого живого средневекового городка, удивителен и он сам с бесконечным лабиринтом темных даже в яркий день проходов со снующими по ним детьми, с вырубленными в камне узкими лестницами, тупиками, с цокающими по отшлифованному камню копытами осликов, домами, в стены которых вмазаны резные камни с чудищами из разрушенных старых построек, со стерегущим покой дома козлиным черепом, с круглой каменной башней на вершине пирамиды домов, с открытыми взору крышами, на которых проходит половина жизни кубачинцев, легко переговаривающихся оттуда благодаря особой акустике с соседями; с молодыми женщинами и старушками, которых не встретишь здесь без рукоделья (где еще такие трудолюбивые жены, ради которых едут кубачинцы на землю отцов в сороковой день весны!).

...Тьма в считанные минуты окутывает горы. Вновь играет гармонь, теперь уже в стенах клуба, и до поздней ночи безудержные всплески лезгинки заставляют вспыхивать звезды в черно-фиолетовом небе над аулом.

●

¹ В древности этот проход назывался Каспийскими воротами. Степные племена Северного Кавказа и Причерноморья не раз пользовались им, совершая набеги на богатые, цивилизованные страны юга. Так, в VIII—VII вв. до н. э. здесь прошли киммерийцы и скифы, опустошившие Северное Междуречье и Сирию. Спустя 1300 лет цари Ирана, которые тогда контролировали Закавказье, перегородили проход сорокакилометровой каменной стеной, конец которой уходил в море близ Дербента. Это, впрочем, не помешало хазарам и другим кочевым тюркам прорваться в 625 году через проход и разграбить Грузию. В середине того же века Дербент покорился арабам, а в XIII—XIV веках монгольские правители Ирана боролись за него с ханами Золотой Орды.

² **Надир-шах Афшар** (1688—1747) — шах Ирана с 1736 года. Завоевал и присоединил обширные территории Кавказа, Средней Азии, Северо-Западной Индии. В памяти народов этих стран Надир-шах остался как грозный и могущественный завоеватель.

³ **Шамиль** (1799—1871) — руководитель освободительной борьбы кавказских горцев против царских колонизаторов и местных феодалов.

⁴ **Хаджи-Мурат** (ок. 1790—1852) — один из ближайших сподвижников Шамиля. Его судьбе посвящена одноименная повесть Л. Н. Толстого.

⁵ Кавказской Албанией в древности называли территорию современного Азербайджана и части Дагестана. К современной Албании отношения не имеет.

⁶ Именем Зевса древнегреческие авторы, описывавшие религиозные празднества «варваров», обозначали чаще всего тех местных богов, которые, подобно Зевсу, считались повелителями грома, молнии, дождя.

⁷ Следы этого ритуала по сей день сохранились в детских играх, таких, как «каравай», «ручеек».

⁸ Дагестан населяет множество различных народов, говорящих более чем на 30 языках. Кубачинским языком пользуются только жители Кубачей — около 2,5 тысячи человек.

⁹ Древнейшим прообразом Праздника Воды в Кубачах был сезонный праздник победы бога-громовержца над змеем хаоса, стерегущим небесные воды. Победа эта завершалась бракосочетанием отца-Неба с матерью-Землей. Великое новогоднее возрождение мира влекло за собой обновление основных начал мироздания. Ежегодный поход кубачинских девушек к священному источнику — это не что иное, как древнее «обновление воды», которое должно способствовать успеху «космического брака» и плодородию Земли. Праздник этот относится к числу чисто женских: вода, наряду с землей, символизирует женское начало во Вселенной, тогда как огонь и воздух — мужское. Идея плодородия природы связывалась с мыслью о продолжении человеческого рода; свадьбе космической сопутствовали свадьбы земные. Так и возникли своеобразные обычаи кубачинских смотрин.

Заклиная огонь.

Трембиты зовут в горы

На крутом склоне зеленого альпийского луга сложена стройным пятиметровым конусом для торжественного сожжения поленища. Тесным кольцом окружили ее тысячи людей, съехавшихся со всех Карпат сюда, в гуцульский¹ городок Рахов, в последний день весны. Сегодня, как десятки и сотни лет назад, у гуцулов праздник — проводы на полонины, летние высокогорные пастбища, куда уводят пастухи и чабаны до глубокой осени скот, чтобы оставить нижние склоны нетронутыми для сенокоса — иначе нечем будет кормить отары зимой. Сигнал к началу веселого, шумного торжества — костер. Без него в горах нельзя: по старому поверью, огонь — душа полонин, и его нужно тщательно оберегать. Не уследишь, погаснет — не удержишь и овец.

...Примечательное это место — Рахов. При въезде в город стоит небольшой памятник, установленный в прошлом веке в знак того, что здесь, на берегу бурной, порожистой Тисы, меж синих карпатских хребтов находится географический центр Европы. Не иначе, как горделивое сознание такой важности расположения городка добавляет размах сегодняшнему

Гуцул с детства отличный наездник.

На людей посмотреть, себя показать...

Запели скрипки, флуеры, гусли.

Зов трембит.

Из старинных сундуков.

Горячат кровь пляски. ►

празднику. Все улицы с раннего утра забиты народом, на каждом балконе вся семья, а то и соседи в придачу, на дальних подъездах к Рахову автомобильные пробки.

По центральной улице течет праздничная процессия, идут музыканты, едут украшенные рушниками двуколки, арбы с полными овец кошарами*. Пройдя из конца в конец весь Рахов под одобрительные возгласы горожан, красочное шествие направляется вверх по длинной петляющей тропе к горной поляне, на которой и развернутся главные события праздника, добавляя к уже собравшимся там толпам народа новые сотни людей, включающихся в нетерпеливое ожидание возжигания некогда ритуального костра.

Наконец главный чабан — распорядитель праздника — подает знак подпаску, и тот касается основания поленницы смолистым факелом. Синеватый дым обволакивает ее, и вот гудит уже огненный котел, из которого вылетают в небо золотые искры. Отодвигается, отступая перед жаром, людское кольцо, а подпасок, не жалея сил, звонко щелкает в воздухе кнутом, заклиная огонь быть добрым к зажегшим его горцам. Этот уходящий в глубокую древность мотив, уже знакомый по Кубачам, еще не раз встретится в нашем путешествии вслед за солнцем.

Загудел огонь — отозвались эхом трембиты, запели скрипки, альты, свирели, цимбалы, залились сопилки, флуеры, гусли, затрубили рожки, загрохотали бубны, барабаны: все на праздник! Широкой пестрой лентой течет на зов трембит народ.

До чего же ярка и живописна национальная одежда

---

* К о ш а р а — овчарня.

гуцулов, ни в каком музее не увидеть разом такого богатства, вынутого по случаю праздника из старинных кованных сундуков!

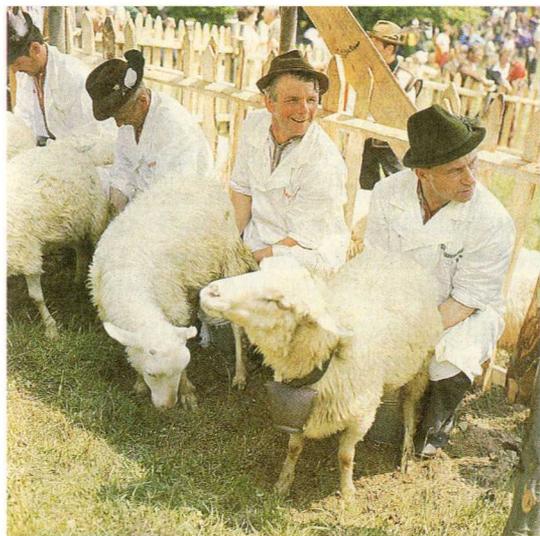
Любимое в горной Украине искусство вышивания расцветило наряды мужчин и женщин пламенеющей радугой. Не сразу разберешься в этом калейдоскопе красочных одежд. Сначала кажется, что на женщинах белые расшитые блузы и узорчатые домотканые шерстяные юбки, а оказывается — это длинные, ниже колен, белые рубахи, по цвету и мотивам вышивки которых можно определить, из какого села ее хозяйка: золотистая гамма — излюбленная в Космаче, а в Яворове, Ричке, Брустурове рукава вышивают голубыми и зелеными нитками, в Пистыне любят красный цвет. А два полотнища, укрепленные на талии спереди и сзади, образуют подобие юбки с глубокими разрезами по бокам. Красные сафьяновые сапожки и расшитый золотыми и серебряными нитями красный гарусный налобник дополняет наряд.

И все же самая яркая и красивая деталь одежды — распашная овчинная безрукавка, кептарь. Он украшен вышивкой, аппликацией и плетенкой из кожи, кистями — дармовисами, латунными колечками — капслями. По кептарю также легко определить родину гуцула: в Космаче они богато украшены по аппликации капслями, в Пистыне — излюбленным узором вышивки «рачок», а ростокские кептари расшиты алыми кожаными завитками.

Если в гуцулке одежда подчеркивает ее женственность и красоту, то мужской наряд должен отразить мужественность. Действительно, залюбуешься, глядя на подтянутых пожилых гуцулов в белых расшитых рубахах, туго перепоясанных необычайно широкими — в две ладони — кожаными поясами — чересами с узорным тиснением и литыми медными фигурными пряжками, крючками, на которых укреплены топорик и складной нож, трубка и кисет, огниво и множество других необходимых жителю гор предметов.

Красные полотняные брюки заправлены в такого же цвета сапоги. Поверх рубахи или кептаря — суконный кафтан с яркими петлями и помпонами: черный — сердак — с алой орнаментальной вышивкой или красный — байбарак — с золотистым шитьем. На гордо поднятой голове лихо заломленные шляпы: светлые барщивки с пером или великолепные черные кресаны также с петушиным или тетеревиным пером либо романтическим букетиком цветов.

Праздник между тем продолжается, вбирая в себя новые краски: последние музыкальные аккорды заглушает бляенье овец, отара которых, создавая широкий проход в толпе, белой пеной накатывается на поляну. Овчары дружными усилиями направляют ее в загон. И с этого момента праздник уже не удержат на одном месте, он с плясками, хороводами и песнями

Будет молоко для брынзы.

Угощения хватит на всех.

устремляется на деревянную эстраду и зеленые лужайки, веселым гомоном наполняет палатки со всякой снедью, обступает мангалы с дымящимися шашлыками, окружает загон, где четверо молодцев, сев на лавку, дружно доят блеющих, рвущихся из рук овец. Молоко звонкой струей бьет в дно подоюника, минута — место подоенной овцы занимает другая.

Наконец последняя овца присоединяется к отаре, и овчары направляются с удоем к стоящей неподалеку сыроварне. Густое овечьё молоко выливают в висящий над костром большой медный чан для приготовления брынзы. Здесь же молоком, брынзой и кукурузными лепешками раховские колхозники угощают всех желающих. Приятно пахнет топленым молоком. От огромной желтой кукурузной лепешки-мамалыги отрезают толстый ломоть, протягивают тарелку с куском мягкого белого сыра и кружку молока. Пресная кукуруза и не доведенный еще до готовности твердой брынзы, чуть солоноватый сыр отлично дополняют друг друга, но после них хочется пить.

— Так треба жинтицы, — улыбаются гуцулы, и из бидона в кружку льется чуть кисловатый и очень холодный напиток.

— Да то ж отстой от брынзы, — объясняют гостеприимные хозяева, — сыворотка, она когда от молока отходит, всегда такой холодной делается.

Шумит праздник, кружит карнавальная вихрь по полонине, а с вершины ее, от самого подножия горы, праздник похож на яркий, расстеленный до самой Тисы гуцульский ковер, какие провозили сегодня утром по главной улице Рахова на машинах, повозках, двуколках вместе с макетом старинной гуцульской хаты, овцами, сыродельнями и медоварнями, коровами и ткацкими станками. Ничего не скажешь, любят гуцулы красоту: никто красивее их на Украине не вышивает полотенца — рушники, ничьим писанкам — крашенным по весне яйцам — не сравнится с расписанными в Космаче. Древние легенды и поверья живут в их орнаменте и рисунках: гуляют по звездному небу оленихи, а сами звезды — пасущаяся отара овец, что вот-вот сойдет по острым горным вершинам на поляну, в царство зелени и пестрых цветов².

Зов гор и священный зов предков, как и века назад, щемят сердце гуцула. Встающие вдаль синим туманом горы и гортанный хрипловатый голос трембиты, позвякивание бронзы топорика на чересе и призывные девичьи песни-спиванки, предзакатные хороводы, как и века назад, горячат кровь. Все это есть сегодня на празднике. А завтра с зарей на полонины, в походные шалаши кочевий. До осенних заморозков должен согреть сегодня сердце гуцул, налиться живой силой праздника, чтобы там, наверху, наедине с овцами, горами и звездами ощущать себя его частицей.

●

¹ Гуцулы — карпатские горы, говорящие на западном диалекте украинского языка. Быт гуцулов, их праздничные обряды сохраняют многое из того, что утрачено другими восточными славянами — левобережными украинцами, русскими, белорусами: жизнь горцев более изолирована.

Праздник первого летнего выпаса скота у большинства восточнославянских народов приурочен к 6 мая — дню святого Георгия (Юрия, Егория). Подробнее о «вешнем» Юрьевом дне рассказано в *примечаниях к следующей главе*. Особенности горного (отгонного, а не выпасного, как у русских, белорусов, «равнинных» украинцев) скотоводства не позволяют гуцулам перегонять овец на летние пастбища раньше начала июня. Поэтому и «егорьевские» обряды сдвинулись у них почти на месяц.

² Вышитые рушники гуцулов, а в особенности расписанные яйца, уводят нас в далекую древность. Узоры и рисунки на них совпадают с росписью на ритуальной посуде, найденной при раскопках в Поднепровье, так называемой Трипольской культуры (IV—III тыс. до н. э.).

Современная мастерица, вышивая, например, полотенце, делит его на три части. В верхней помещается «сонечко» — изображение или символ солнца. Средняя часть заполняется зигзагообразными или спиральными узорами. Нижняя — изображениями различных фантастических животных. Эта композиция передавалась из поколения в поколение; первоначальный магический смысл ее сейчас забыт. Между тем три части композиции обозначали деление мира на Верхний, Средний и Нижний, а зигзаги и спирали символизировали дождь, от которого зависели и жизнь и благополучие земледельцев неолита.

Еще дальше в глубь тысячелетий уводит нас изображение рогатых оленей в верхней части писанки или рушника. Этот образ по-разному толкуется учеными. Так, академик Б. А. Рыбаков считает, что оленихи олицетворяли не что иное, как Великих Матерей природы, покровительниц, а кое-где и родоначальниц охотничьих племен каменного века. Представление о Великих Матерях-оленихах, чьи рога, сплетаясь, образуют небесный свод, восходит к временам, отстоящим от нас на 15—20 тысяч лет. Мифы о них и по сей день живут у многих народов Сибири и Дальнего Востока.

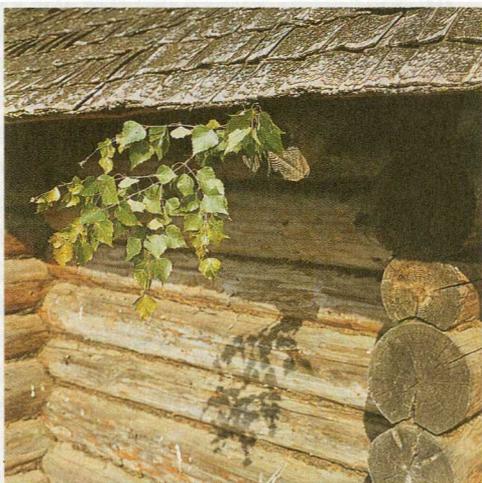

Связанные с березкой обряды стали веселым праздником.

ПОКЛОНИСЬ БЕРЕЗКЕ

Береза моя, березонька,
Береза моя белая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, березонька,
Осередь долинушки.
На тебе, березонька,
Листья бумажные,
Под тобой, березонька,
Трава шелковая.
Близ тебя, березонька,
Красны девушки
В Семик¹ поют,
Под тобой, березонька,
Красны девушки
Венок плетут.

Так бы сидел на лавке и слушал быстрый говорок Анны Андреевны Сазановой, крещенской старушки, заводилы всей деревни. Все она знает, все она помнит, все она умеет и успевает. Лето еще только-только начинается, никто из деревни и гриба не видел, а у нее полный кузовок березовиков — все ахают: когда успела в бор сходить — ведь не близко. А она смеется, маленькая, сухонькая, живая. После дальнего похода хорошо бы и отдохнуть, куда там, — а кто сено ворошить будет: успела уж ранней травы накосить по краям огорода. И вот теперь чинно сидит на лавке, рассказывает. Ладно это у нее получается, вся деревенская жизнь со всеми привычками, со всеми новшествами в ее словах раскрывается.

Девятый десяток — что за помеха!

В роцу, к березкам.

Березовая ветка под крышей — к добру.

— Это нынче весна ранняя, а Троица² поздняя — уж хоть веники ломай. А так, березка первая открывается. Завивали мы раньше березки на Егория³, а в Троицу уже пускали по воде. Опять же, нитками завивали — ленточками да тряпицами позже стали. Пряли на березки перед Пасхой. Еще до солнышка мать будит: «Пойдешь березки завивать? Вставай, пряди!» Сядешь и прядешь.

А в Егорий с утра выйдем с подружкой на край деревни и запеваем. Как только запоем, так, смотришь, все девки тоже вышли. Все и собираются — и девки, и молодки, и ребята. Гармошки играют. Раз девки гуляют — все сюда идут. Ходили нарядные. Идем по деревне хороводом, поем.

Потом две подружки соберемся и побежим березки завивать, чтобы другие не знали, которую завьем. Вот ведь как завивали — порознь. Ну, три соберутся, самое большее, а артелью, как сейчас, никогда не ходили⁴. Берешь нитки цветные, навязываешь на ветки — это за маму, это за тятю, за брата, за сестру. Всех переберешь, всем разные ниточки и вешаешь.

В Троицу яйца варили, как в Пасху, с красным яйцом в рощу идешь, там его съешь, березку разовьешь и в реку ветки кидаешь⁵. Каждую веточку в отдельности. Уплывет — другую кидаешь. Если плывут, значит жить будет — за кого завивали, а если потонет — до другой весны не доживет. Да не выходило все равно так, как они предсказывали, а надо было загадывать, вот и загадывали.

А еще накануне Троицы все из леса березки несут — штук по пять-шесть поставят возле дома. Войдешь в деревню — красиво, везде березки! Зелени-то никакой не было, не сажали ничего — только изба стоит, да заулок вот, до избы. Вот и носили березки, обязательно по всей деревне ставили. А отдельные веточки ломали и в ворота втыкали, в крыльцо. И в избе и под крышей — везде зелень, березки всё.

Да, гуляли весело; бывало, попадало от батьки с маткой. Уж когда отгуляют, хороводы пройдут, на следующий день эти березки стаскивают куда-нибудь в грудю одну. А кто березки собирает — в амбар кладет под сено, чтобы его мыши не приедали.

Троица-то — последний весенний праздник. После Троицы всегда уже заговенье на Петровку⁶, а через неделю воскресенье называлось Купальня. В Купальню все купаются. Если у кого была зимой свадьба — утащат на реку: реви не реви, обязательно на реку стащат, да выкупают⁷.

На весь год на всякое дело привычки свои были. На Иванов день ходили кашу варить⁸. Соберемся — девки, ребята — и уходим кашу варить на берегу на костре, а потом ходили в папоротник — он, говорят, цветет в эту ночь. Да разве что увидишь! Ночь коротенькая на Иванов день, всю ночь и пробегаешь. Еще бегали лук воровать — хоть луковицу, а украсть у

кого-нибудь надо было⁹, принесешь ее к месту, где кашу варят. Потом, как рассветает, все девки и ребята в лес убегаем, по ягоды — за куманицей, так у нас морошку зовут.

На Петров день раньше ярмарка была в Весьегонске — много съезжалось народу со всех краев. А уж скоро и урожай снимать. Дожинаешь свою полосу, так на последний снопок вязочку не делаешь, как на все снопы, а просто завертишь серп в овес, вытащишь, в то и завязываешь. Несешь сноп этот домой — говорят, бороду принесла¹⁰. Домой придешь, снопиком помашешь по избе — мух и комаров выгонишь, чтобы на зиму не было, и поставишь его до Покрова. В Покров, когда скотина на двор станет, несешь этот снопок скотине закармливать. А другой раз зажиночный сноп брали, это только когда рожь зажинаешь. Горсточку две-три первого снопика возьмешь и уж до Нового года бережешь, а в Новый год вешали в огороде птицам¹¹.

Рассказывает Анна Андреевна про старинный обряд завивания березки, про песни да хороводы, про то, как их деревенский хор, знаменитый в Калининской области исполнением русских старинных песен, выступал на Пушкинском празднике в Бернове.

Рассказывает, а по живым, озорным глазам, по тому, как тербит она складки своего праздничного сарафана, чувствуется, что не терпится скорее самой (восемьдесят четыре года за плечами, чем не возраст) в яркий весенний хоровод, заводилой которого она была всю жизнь, на луг, в рощу, к березкам, петь песни, которыми русский народ испокон веков провожал весну и встречал лето. Вот уже и подруги все собрались и вопросительно смотрят на нее — не пора ли?

Анна Андреевна чинно встает, расправляет подол, повязывает платок — и пошел по деревне нарядный хоровод — по древнему «коло», круг, колесо, языческий символ солнца, — полилась его песня¹².

Чтобы понять суть любого народного праздника, нужно доискаться до глубочайших его корней, которые, как это почти всегда случается, закрыты от взора более поздними наслоениями. Так и с последним весенним русским праздником, в котором осталась жить березка и связанные с нею обряды и игрища, живут отголоски древних представлений и верований.

«Празднование Семика,— отмечал Николай Михайлович Карамзин,— и народный обычай завивать в сей день венки в рощах, также остаток древнего суеверия». «Венок почитается залогом бессмертия. Семицкий венок служит к загадыванию о будущей судьбе, о брачном союзе, о жизни и смерти, о счастье и несчастье. Без сомнения, гадание на воде есть остаток от древнего языческого обряда славяно-русов...» — считает другой знаток отечественной старины И. М. Снегирев.

Особым поэтизмом навеяны, как всегда, суждения Александра Николаевича Афанасьева: «На берегу реки Мечи (около Тулы) указывают несколько камней, расположенных кругом; уверяют, что это был девичий хоровод, превращенный в камни небесным громом за неистовые пляски на Троицын день. В этих женах и девах, наказанных за бесстыдные игрища, узнаем мы облачных нимф, которые под песни завывающей бури предаются неистовым пляскам и которых преследует и разит своими молниями Перун... Народная память... доньше связывает праздник русалок с Перуновым днем, начиная его с четверга...¹³ семицкой недели, которая еще в XVII веке была известна под именем русальной...»

Русалки, узнаем мы, ниспосылают на землю не только благодатный, необходимый посевам весенний дождь. Злые летние ливни и град — тоже дело их рук, поэтому во многих местах на Руси, наряду с поклонением русалкам, бытовал и обычай их проводов или изгнания — русалье заговенье. Заключался он в том, что одетую в женский наряд соломенную куклу выносили в поле, где разрывали ее на части, а солому развеивали по воздуху¹⁴.

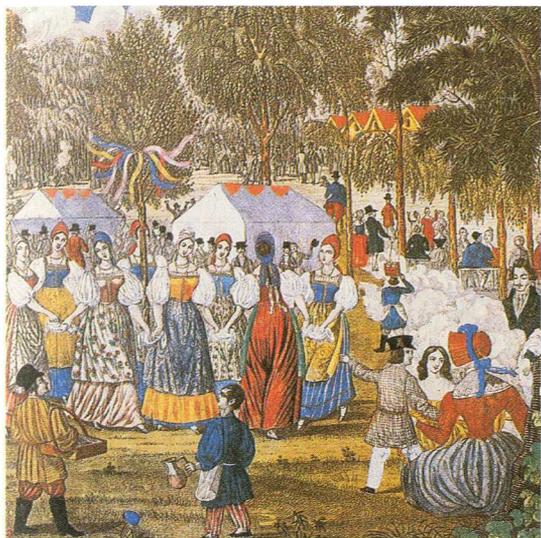
Связанные с березкой древние обряды, став веселым праздником, дошли до нашего века. Яйца, пироги, особый, украшенный зеленью каравай приносили березкам в Семик почти повсеместно. Часть этой собранной по всей деревне пищи съедали, заломив на березе ветки, а часть оставляли под деревом. В Новгороде-Северском принято было оставлять под деревом хлеб и сало, в Переславле-Залесском — скорлупу от яиц. В Тюмени наряженную в женское платье березу носили по домам, ставили в красный угол, где ее «потчевали» блюдами, приготовленными для гостей.

А вот как выглядела в Семик, по описаниям начала прошлого века, Москва: весь город представлял собой праздник, почти на каждом дворе стол с яичницей и крупяной запеканкой-драченой, он обставлялся березками в виде кущи; везде раздавались песни, с которыми носили по улицам изукрашенную лентами и лоскутами березку толпы народа.

Все эти обряды отразились и в песнях, которые пели тогда и которые поют сегодня крешневские хороводницы:

Завивайся, березка,
Завивайся, кудрявая!
Мы пришли к тебе, приехали
С варенцами, со яишницами,
С пирогами со пшеничными.

Идет Анна Андреевна с подругами, вспоминая молодость, к роще на берегу Косьмы. Здесь облюбовали они одиноко стоящую на поляне березку.

*Семик в Марьиной роще. Гравюра
Потапа Кузьмина. 1845.*

Сбудется... Не сбудется...

Придите вы, девушки,
Придите, вы, красные,
    Ой, лялё-лялё,
Придите, красные!
Сама я, березонька,
Сама я оденуся,
    Ой, лялё-лялё,
    Сама оденуся!
Надену платице
Все зеленое.
Ой, лялё-лялё,
Все зеленое!¹⁵

Подошли, обступили березу со всех сторон и стали завивать — привязывать к веткам цветные ленты и узкие лоскуты материи. И затем завели рядом с ней хоровод с песнями...

Березка, как и другие деревья, занимала очень важное место в народных праздниках не только в России. Джеймс Джордж Фрэзер писал, что в Европе бытовал обычай: весной, ранним летом или на Иванов день устанавливали в деревне срубленное дерево или украшать ветвями каждый дом, чтобы привлечь к каждой деревне и каждому дому благодетельства, находящиеся во власти духа дерева.

Иногда дерево в конце года сжигали, иногда его украшали заново каждый год и сжигали раз в три — пять лет. Нередко в празднике принимал участие одетый зелеными листьями или цветами персонаж, которому мог быть присвоен титул Майского Короля или Королевы, Короля Троицы, и который, как считает Фрэзер, символизирует дух растительности. Королевская участь была, однако, очень незавидна: короля либо бросали в реку, либо, догнав и наказав деревянными мечами, еще и «казнили», сбив секирой корону...

На нашем празднике нет ни погони, ни казни, ни ряженого мифического персонажа. Здесь роль дерева играет сама береза, а потому все проще, естественнее и лиричнее.

На следующее утро крешневские крестьянки вернулись к завитой березке, каждая обломала ветви со своими метками, и все вместе они направились с песней к плесу на краю села. По очереди подходили к пологому песчаному берегу, кидали в воду венки и, невольно посуровев, хотя и пытались отшутиться друг перед дружкой, внимательно наблюдали за ними.

Заключительный аккорд древнего обряда, несмотря на благополучный исход, напомнил его участницам, в большинстве давно уже имеющим внуков и правнуков, о том далеком, давно ушедшем времени, когда они прибегали на этот берег, чтобы унять у реки свою девичью судьбу.

Уплыли венки по Косьюме к Мологе, живы и здоровы будут дочери и сыновья, внуки и внучки. Посидели молча на пригор-

ке и, прежде чем разойтись, тихо запели так прочувствованную, а оттого лучшую свою песню:

Как на той-то ли сторонушке
Слободка стоит.
Что не малая ой да слободушка —
Четыре двора.
Как во каждом-то во дворике
По кумушке есть.
Ой, вы, кумушки да голубушки,
Подружки мои.
Подружки мои всё вьюночки плели,
Вьюночки плели,
Все плывут по реке,
А мой утонул...

●

¹ С распространением православия на Руси языческие праздники частично подстраиваются под церковный календарь. Но Пасха и связанные с ней даты подвижны — они могут смещаться по календарю почти на месяц. Поэтому дохристианские обряды и обычаи вплелись во все церковные праздники с апреля по июнь.

П а с х а — весенний иудейский и христианский праздник. По библейскому преданию, он установлен в честь бегства евреев из рабства в Египте. Согласно христианскому учению, в дни еврейской пасхи в Иерусалиме был схвачен, предан мучительной казни, а через три дня воскрес основатель христианства — Иисус Христос.

Предки древних евреев были скотоводами, и поэтому в основу их летосчисления был положен не солнечный год, актуальный для земледельцев, а лунный; именно поэтому религиозные праздники пасхального цикла перемещаются по календарю.

С е м и к — четверг троицкой недели, то есть недели, предшествующей дню Троицы (см. ниже). Название «Семик» происходит от того, что троицкая неделя — седьмая после Пасхи.

² Т р о и ц а — один из главных христианских праздников пасхального цикла. По евангельскому преданию, в этот день (на 50-й от Пасхи) в Иерусалиме сошел с небес святой дух. Согласно христианскому догмату, бог един, но существует в трех ипостасях: бог-отец, бог-сын и святой дух.

³ Е г о р и й («Вешний Юрий», «Юрьев день») — день святого Георгия, 6 мая. Легенды рассказывают о рыцаре, спасшем царскую дочь от чудовищного змея (мотив драконоборчества знаком нам по греческому мифу о Персее). Отсюда — «Егорий храбрый». Считался покровителем воинов. Кроме того, он покровитель домашнего скота и диких животных. На Егория скотину в первый раз отгоняли на летний выпас. В народных поверьях, заговорах, сказках святой Георгий приобретает черты древнерусского «скотьего бога» Велеса. Егория — Юрия по созвучию имен отождествляли и с божеством весеннего плодородия полей Ярилой. Поэтому от Юрьева дня отсчитывали начало весеннего сева.

«Вешнего Юрия» не следует путать с ноябрьским «Юрьевым днем».

⁴ «Зеленые Святки», как на Украине и в Белоруссии называют троицкую неделю, были некогда праздником чисто девичьим. Девушки,

завившие вместе березку, считались «покумившимися», то есть заключившими между собой как бы родственный союз. В иных местах саму троицкую березку называли «кумой».

Этнографы считают, что обряд троицкого кумления сохранился с родового строя, когда девушка, достигшая определенного возраста, становилась полноправным членом рода, войдя в своеобразное женское общество. Все участницы этого общества считались сестрами, независимо от родственных отношений. Это было родство «по березке» — символу девичества (ранняя зелень) и одновременно духу — покровителю сообщества.

⁵ Раньше проводы березки составляли отдельный элемент праздника. С песнями и хороводами березку провожали к реке и там топили. Это делалось, чтобы вызвать дождь, которому пора уже напоить посевы.

⁶ П е т р о в к а, или Петров пост, идет по церковному календарю сразу вслед за Троицей и кончается 12 июля, в день апостолов Петра и Павла (Петров день).

З а г о в е н ь е — начало поста.

⁷ Ритуалы «Купального Воскресенья» были направлены на вызывание дождя. Считалось, что купание молодоженов, находившихся под усиленным покровительством духов плодородия, привлекало особое внимание последних к будущему урожаю.

⁸ На момент летнего солнцеворота (Иванов день, 24 июня) приходится самый главный летний праздник земледельцев как Восточной, так и Западной Европы. У некоторых славянских народов (украинцев, например) он сохранил свое древнее языческое название — К у п а л а (не путать с Купальным Воскресеньем!). Обряды и обычаи, связанные с празднованием Купалы, выполнялись и соблюдались от Иванова до Петрова дня. Подробнее о них см. в комментариях к главе «Этой ночью прискачет Янис».

⁹ Обычай ритуального «воровства» указывает на тайный и, стало быть, священный характер купальских обрядов.

¹⁰ Обычай сохранять первый (зажиночный) и последний (пожинальный) снопы, широко распространенный у славянских народов, связан с культом уже упоминавшегося «скотьего бога» Велеса (Волоса). Про пожинальный сноп в русских деревнях так и говорили: «Велесу на бороденку».

¹¹ Велеса первый раз чествовали в середине осени, 14 октября, когда заканчивался выпас скотины. «На Покров закармливают домашнюю скотину пожинальным (последним) снопом, и с этого дня держат дома», — пишет Владимир Иванович Даль. В этот день божество выступает в роли покровителя и охранителя домашнего скота. Второй Велесов праздник приходился на начало января; в обычае рядиться на Святки в звериные личины и выворачивать шубу мехом наружу ученые видят отголоски древнейших охотничьих поверий, когда Велес был только хозяином лесных зверей.

¹² «Песни доньше составляют существенную часть праздничных обрядов, совершаемых при солнечных поворотах, при встрече весны, завивании венков, прыганье через зажженные костры... Хоровод, в котором песня сливается с драматическим представлением, несомненно, наследован

от глубокой старины. ...Идея любви и следующего за ней брака есть главный мотив, развиваемый в хороводных представлениях и песнях», — писал А. Н. Афанасьев.

¹³ В древности каждый день недели посвящался определенному божеству. Интересно, что у самых разных народов четверг был связан именно с богом-громовержцем. По-французски четверг — Jeudi, то есть день Юпитера; по-английски — Thursday — день Тора; по-немецки — Donnerstag — день Донара.

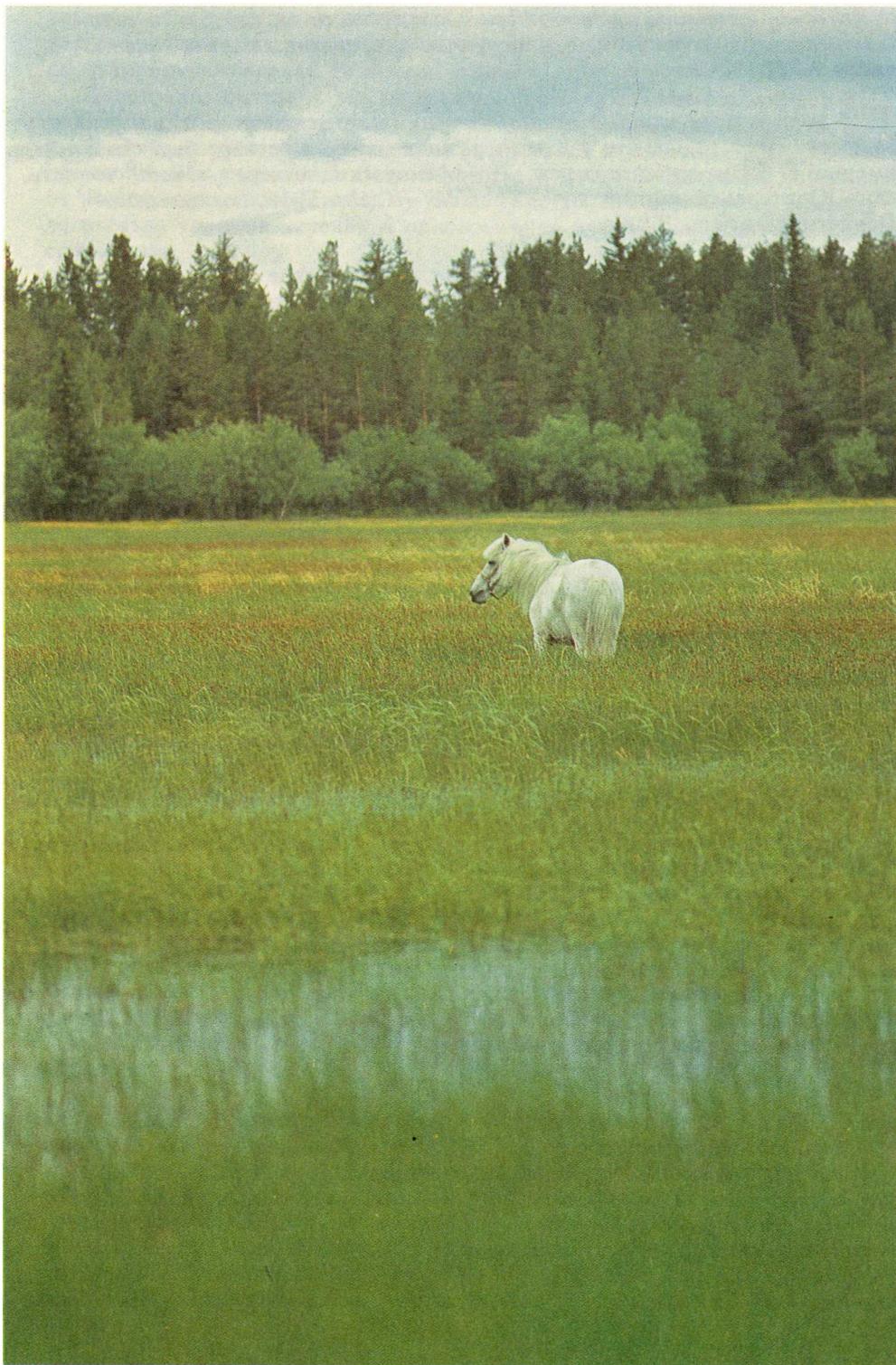
¹⁴ Отношение к русалкам в народе двойственное. С одной стороны, русалки — духи рек, ручьев и озер — могли облагодетельствовать человека, подарить ему богатство и удачу. С другой стороны, считалось, что русалки опасны для живых, особенно в течение русальной недели, следующей за Троицей, когда обитательницы вод выходят на землю, качаются на деревьях, устраивают хороводы на лесных полянах. В это время им ничего не стоит зачекотать до смерти путника или утащить его к себе на дно. Поэтому в русальную неделю крестьяне старались не подходить близко к воде да и вообще остерегались лишний раз выйти за околицу в сумерки. А уж если выходили, то обязательно брали с собой пучок полыни, запах которой русалки якобы не переносят.

По преданию, в четверг на русальной неделе водяные девы устраивают свой праздник — «русальчин великдень». В Купальное Воскресенье после «проводов русалки» реки и озера вновь становились безопасными.

Сказанное относится не только к русским русалкам и западноевропейским ундидам, но, отчасти, и к наядам — водяным нимфам греческой мифологии.

¹⁵ По этой песне особенно ясно видно, что девушки, завивавшие березку, отождествляли себя с нею, а тем самым — и с духом-покровителем. Припев: «Ой, лялѣ-лялѣ», по мнению академика Б. А. Рыбакова, — это обращение к языческому божеству древних славян — Ляле (Лѣля), которая олицетворяла весеннее пробуждение природы, то есть выполняла те же функции, что и греческая богиня Персефона. Ляля была одновременно покровительницей юности и девичества.

Отождествление девушки с березкой очень часто встречается и в русских свадебных плачах. Плакывая березку, невеста оплакивает себя, свою девичью жизнь, прощается с нею.

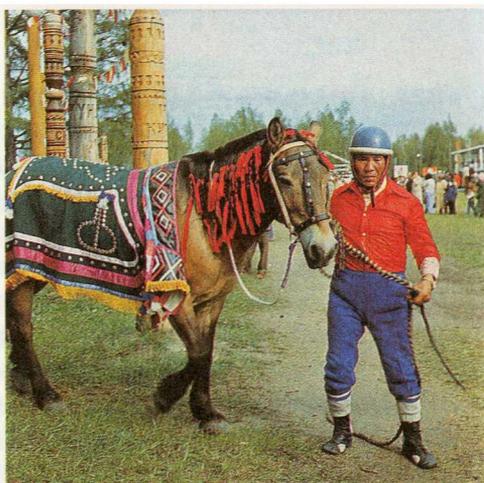
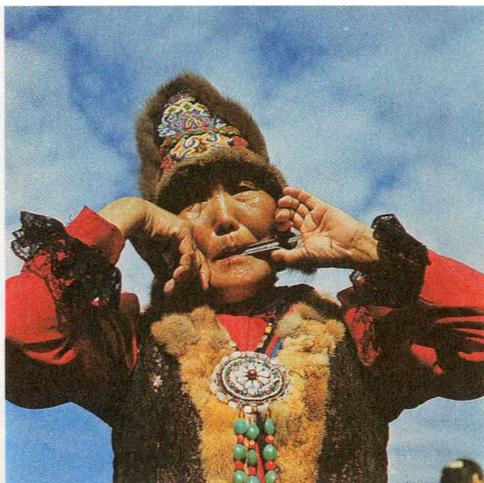

Первым родился конь.

Когда КОНИ ИСЧЕЗАЮТ В травах

«Далеко, далеко на севере ты найдешь прекрасную страну, где люди выращивают скот. В той стране ты умножишь свое потомство», — напутствовал Элэя его отец, не выдержавший тягот долгого и трудного пути. Легендарный прародитель якутов Элэй выполнил завещание и привел свой народ в среднее течение Лены, где и живут теперь якуты — тюркоязычный народ, чьи далекие предки многие века назад пришли на северо-восток Азиатского материка из Прибайкалья, Алтая, степной Центральной Азии, оставив следы своего таинственного прошлого в загадочных знаках и наскальных рисунках по берегам Лены, в строках героического народного эпоса «Олонхо», в сказаниях, песнях, танцах, обрядах, принеся с собой и культ коня, оставшегося у якутов среди ленских озер и лесов главным животным, как и в далекие времена на бескрайних равнинах юга¹.

Лошадей приносили в жертву главному божеству, создателю Вселенной Юрунг айыы тойону², жившему, по древним представлениям, на девятом небе³ в прекрасной стране, где не бывает зимы, где растет совершенно белая трава, подоб-

На хомусе играет Татьяна Догойдонова.

Любят якуты коней...

... а самых юных больше влечет техника.

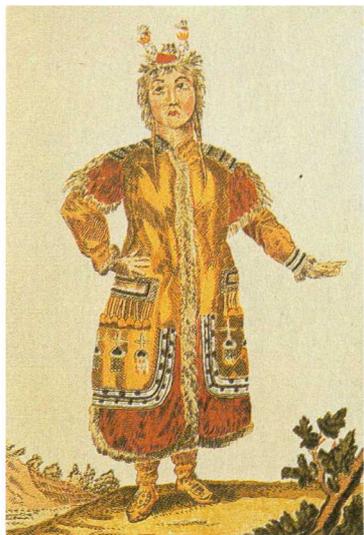

ная крыльям белого лебедя. Во время обряда кыйдаа трое одетых во все белое юношей на совершенно белых — самой почитаемой масти — конях далеко отгоняли девять или двенадцать лошадей, чтобы те не смогли найти свой табун. Богатые люди совершали такой обряд трижды за свою жизнь. А когда-то лучшую лошадь сжигали в честь Юрунг айыы тойона на костре⁴, и если дым поднимался прямо вверх, то считалось, что душа этой лошади предназначена небом стать духом-покровителем семьи, приносившей жертву.

Конь, согласно одной из якутских легенд, был первым живым существом на земле, от которого произошел полуконь-получеловек, а уже у того родился человек. Поклонялись якуты особому божеству Джесегею⁵, считавшемуся создателем и покровителем коней и представлявшемуся в образе этого животного.

Тесно связан с культом коня и зародившийся в глубокой древности праздник Ысыах, основоположником которого считается Эллэй. Название его идет от глагола «ысыахта» — «кропить», «окроплять» и отражает языческое происхождение праздника, во время которого шаманы⁶ — а первым великим шаманом был, по преданию, сын Эллэя Лабанха ойуун — кропили огонь кумысом. Рассказывают, что когда камлал знаменитый шаман Эргис, на середину неба выплывало белое облако величиной со шкуру белого медведя, в середине которого появлялся и звонко ржал белый жеребец⁷.

Ысыахи когда-то проводились довольно часто. Эти торжественные и в то же время веселые празднества с танцами, пением, конскими скачками, стрельбой из лука, метанием копья, борьбой устраивались всякий раз, когда возникала необходимость сообща обсудить что-либо важное. Начиная с прошлого века

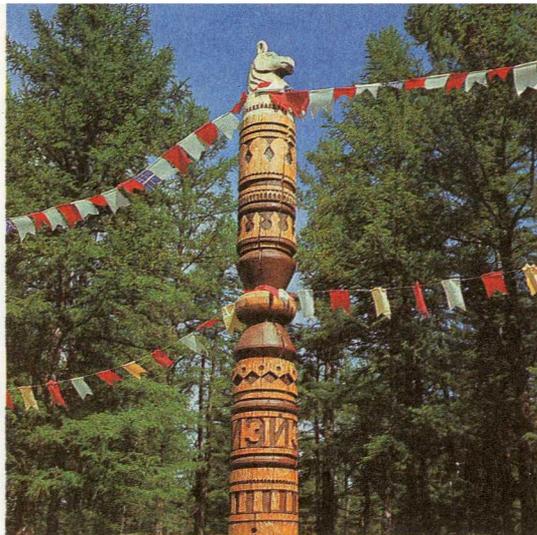
Ысыах в XVII веке. Картина М. М. Носова.

*Якутская женщина в костюме XVIII века.
Из книги И. Г. Георги «Описание
всех обитающих в Российском
государстве народов». 1776.*

сохранился лишь один, главный Ысыах, который приходится на время отгона полудиких длинношерстных якутских лошадей на далекие летние пастбища и отмечается в июне.

Вот как готовились, по описаниям, к старинному Ысыаху. На большой поляне устраивали тюсюлгэ — устанавливали несколько украшенных резьбой коновязей (врытые в землю столбы из светлой, очищенной от коры лиственницы). Небогатый устроитель незнатного происхождения делал тюсюлгэ из двух столбов. Устроитель среднего достатка — из трех: первый — основу кладущий, второй — благополучия, третий — изобилия. Знатный и богатый человек, желая снискать расположение богов, ставил еще и четвертый столб. Вокруг делали чэчир — заслон из молодых срубленных березок, которые своими ветками должны были покрывать столбы — и здесь березка служила символом лета⁸. Тюсюлгэ с чэчиром опоясывали длинной пестрой веревкой сэлэ, украшенной пучками белых конских волос, телячьими намордниками, сшитыми из бересты, наподобие детских игрушек. С восточной стороны врывали коновязь из самого толстого дерева с десятью кругами резных узоров. Поверх каждого узора ствол обвязывали сэлэ. Все это ритуальное сооружение называлось багахом⁹. В тени чэчира ставили в специальных красивых сосудах кумыс.

Чтение посвятительного алгыса — ритуального обращения к богам — доверялось двум или трем юношам в старинных одеждах и женских шапках¹⁰. В других случаях алгыс произносил белый шаман, жрец общеплеменного культа богов-покровителей, либо почтенный старец, а иногда и сам устроитель Ысыаха. По правую руку старца сопровождали девять юношей, по левую — восемь девушек, обращенных, как и он, лицами к востоку¹¹. Перед читающим закливание разводили костер,

в руках он держал самый большой ритуальный кубок с кумысом. В первой части обращения красочно описывались все сделанные в честь божеств приготовления, с подробным перечислением всех выставленных ритуальных предметов, блюд. Затем читавший алгыс трижды кропил огонь кумысом, после чего обращался с просьбами к небесным богам, чтобы те преумножили численность жеребцов и плодовитых кобылиц, чтобы ниспослали вдоволь пищи, чтобы заботились о детях.

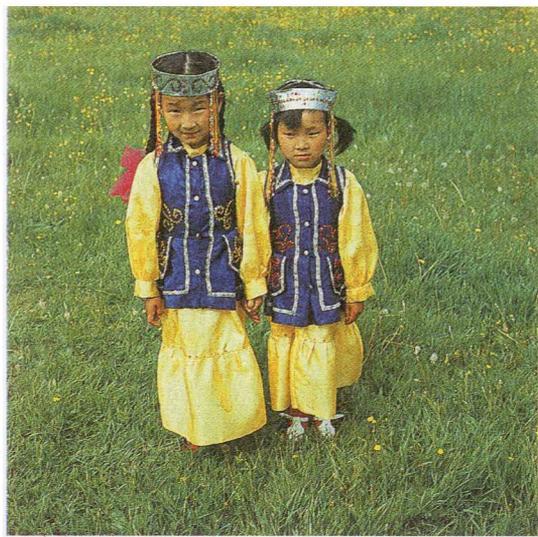
Исполнитель алгыса вновь возливал кумыс в огонь, после чего большой ложкой с конской гривой черпал кумыс и кропил им чэчир, прославляя духа — хозяина земли. Затем отдавал должные почести духу — хозяину глубоких вод, духу — хозяину темного леса, духам — хозяевам деревьев, узорных трав и цветов. В заключение старец приглашал небожителей сойти с высот и благословить праздничные угощения.

После исполнения обрядовой части организаторы Ысыаха рассаживали собравшихся на траву — отдельно круг пожилых, почтенных гостей, отдельно тех, кто победнее, — и угощали их кумысом. Первые большие кубки подносили наиболее уважаемым гостям. Гости, отпивая кумыс, передавали его сидящему слева по кругу.

После угощения устраивались спортивные игры, выступали, поддерживаемые одобрительными возгласами олонхосуты — народные сказители, исполнявшие героический эпос «Олонхо». Поздно вечером или светлой ночью устраивались скачки. Ысыах проходил шумно и весело.

Так было.

И вот, пролетев от Москвы шесть тысяч километров, мы — в старинном якутском селе Сунтар в верхнем течении Вилюя. Район этот славится сохранностью традиций народного

Начинается состязание сказителей.

Коновязь пользуется особым почитанием.

Подружки.

Пришли и бабушки и внуки.

Все хотят участвовать в танце осоухай. ►

искусства и лучшим Ысыахом во всей Якутии, который длится обычно два выходных дня в двадцатых числах июня. Да, древний праздник жив, живы его легенды и обряды, песни и хороводы.

Сунтарский Ысыах знаменит, а потому очень многолюден. Приезжают на праздник по реке из соседних сел, прилетают на самолетах за сотни километров со всей Якутии. Еще бы, нигде не увидишь столько национальных костюмов, нигде с такой душой не водят хоровод древнего ритуального танца *осоухай*; нигде так не ощущается всенародный дух и характер древнего торжества.

Праздник будет проходить в роще на окраине села, на огромной, окруженной березами поляне, а чуть дальше за селом, где перелески чередуются с желтыми и голубыми лугами, заросшими по колено волнистыми, цветущими травами, резвятся кони, иногда скрываясь по брюхо в густых низинных осоках.

Солнечное субботнее утро. Народ все прибывает и прибывает — многие в яркой, расшитой бисером и золотом национальной одежде. И вот наконец звучит над поляной, перекрывая людской гомон и смех, поздравительный алгыс: уважаемый всеми якут славит благодатную природу, землю, дарующую урожай, скот, дающий молоко и мясо. Он славит свой народ и дружбу людей, которую скрепляет общий праздник Ысыах.

А потом над поляной, как было всегда на всех кумысных праздниках, раздается пение олонхосуа. Он поет глубоким низким голосом в свойственной якутским народным певцам манере — почти не раскрывая губ. У исполнителя красивое выразительное лицо, на нем меховая шапка и отороченный мехом костюм из белой оленьей кожи, в руках — ритуальный жезл с

На праздничной поляне.

Традиции впитываются смолоду.

*В гостях у сунтарцев —
любимый эпический герой.*

Ысыях — праздник кумыса. ►

конской головой на рукояти и пучками белых и черных конских волос. Он завораживает слушателей, подражая то женскому голосу, то ржанию коня, то пению птиц, перевоплощается в героев, старцев, рабынь, шаманов, духов...

Начинается традиционное состязание сказителей. Раньше каждый якут с детства знал множество строк этого гигантского эпоса, неисчерпаемого источника поэзии. Было много олонхосутов-профессионалов, которые выезжали петь «Олонхо» на Ысыахи, свадьбы и прочие торжества в другие селения — улусы. Платили им немного — обычно мясом, маслом, зерном. Прибыли это ремесло не давало, наоборот, не оставляло времени для ведения своего, приходившего в упадок, хозяйства. Но именно благодаря этим беднякам-артистам и дожило до нашего времени крупнейшее эпическое творение, ставшее памятником мировой литературы.

Мы узнаем из песен о подвигах якутского народного богатыря Нюргун Боотура Стремительного¹². А вот и сам он. Из леса на зеленую поляну тяжелой поступью выносит богатырский конь героя в тройных доспехах — золотых, серебряных и железных, с мечом, не знающим поражения.

Еще не стих восторг от появления на празднике живого богатыря, как ритуальное возлияние кумыса демонстрируют группы одетых в национальные костюмы танцующих мальчиков и девочек — у всех в руке по маленькому чорону — кумысному кубку.

Чороны бывают двух видов: большие высокие с суживающейся ножкой и поменьше — широкие приземистые на трех фигурных ножках в форме лошадиных копыт. По преданию, когда легендарный Элэй плыл по реке на новую родину, на поверхности воды ему привиделись конные загоны, стойла для жеребят и разнообразная посуда для кумыса, которую он и сделал позже по этим образцам.

Орнамент на чоронах строго регламентирован — он расположен горизонтальными поясами по всей поверхности сосуда. Поясов обычно бывает три, семь или девять — священные числа у якутов, в данном случае, обозначающие степень уважения или почитания того, кому предназначен преподносимый чорон. Самого старшего и знатного гостя на Ысыахе угощали всегда из девятирусного кубка — вспомним, что на девятом небе живет, по преданию, создатель Вселенной Юрунг айыы тойон.

Ребята, исполняющие национальный танец, конечно, еще не доросли до такого кубка-патриарха, у них небольшие чорончики с тремя обводами. Из них они и пьют кисловатый, терпкий и шипучий напиток, который бодрит и прекрасно утоляет жажду. С непривычки много кумыса не выпьешь, да это и не рекомендуется. Конечно, якуты пьют его без опаски — до середины прош-

лого века кумыс был одним из главных продуктов питания, особенно летом. Богатый витамином С, он надежно предохраняет от цинги. О том, что кумыс был истари любимым напитком якутов, сказано в эпосе «Олонхо». А приготовление его — своего рода священнодействие.

Огромный людской круг, в несколько рядов опоясывающий поляну, пестрит калейдоскопом национальных костюмов. Многие из одежд вовсе не извлечены из старых сундуков, как это может показаться на первый взгляд, а совсем недавно сшиты их обладателями. Если бы проводился конкурс на лучший костюм, я бы без колебаний отдал предпочтение Татьяне Егоровне Догойдоновой из села Арылах. Богато расшитая бисером темно-зеленая парча, большая круглая брошь-солнце на груди, великолепный головной убор — вкус у мастерицы отменный. Выяснилось, что Татьяна Егоровна еще и прекрасный музыкант. Она достала из расшитой сумочки небольшой, широко бытующий в Азии металлический инструмент, в России известный как варган, поднесла его к губам, и воздух наполнил мелодичный звук хомуса.

Продолжают праздник национальные виды спорта: прыжок кубах — «по-заячьи», кылым — на одной ноге, буур — на двух ногах поочередно, перетягивание палки, выжимание гири и борьба хапсагай. Последнее, пожалуй, — самое захватывающее. Нет, наверное, якута, который в юности не испытал сил в этой национальной борьбе, поэтому и народ тут — очень крепкий и спортивный.

Начинают соревнование, как водится, легкие пары. Короткая разведка, стремительный захват, и вот уже кажется, один из борцов будет неминуемо повержен, как вдруг, в последний миг, он выскальзывает из цепких объятий, и его соперник секундой раньше задевает коленом землю. Это проигрыш: близкая к вольной борьбе, хапсагай, однако, не допускает малейшего касания земли.

На праздничной поляне танцуют местные артисты из художественной самодеятельности, школьники. Все ждут главного представления — конного парада и скачек.

И вот наездники выводят на круг красавцев скакунов под расшитыми попонами — чепраками и кычимами, с заплетенными в цветные косички гривами. Норовистые кони показывают характер, и наездники еле с ними справляются. Коней ведут к ритуальной коновязи — багаху, центру праздника. Коновязь с древнейших времен пользуется здесь особым почитанием. Иногда для особо крупного и важного Ысыаха ставили девять высоких резных столбов, украшенных сверху изображениями конских голов, священных птиц, орла и лебедя¹³. Именно такая белая сунтарская коновязь — самая красивая в Якутии. Как в старину, ее украшают сэлэ, правда, теперь вместо пучка

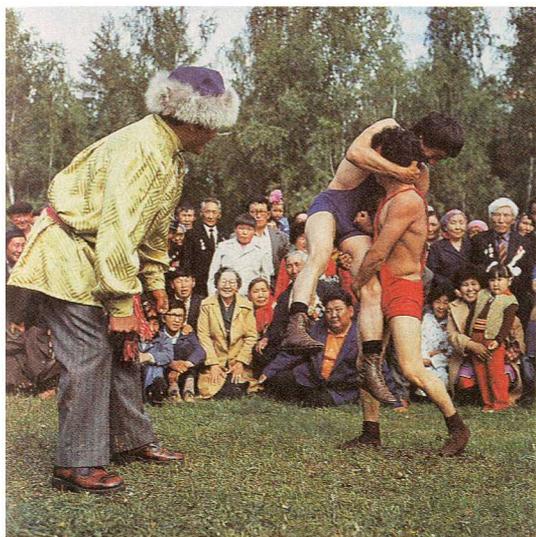
конских волос и телячьих намордников на ней — гирлянды разноцветных лоскутов.

И наконец, скачки. Низкое вечернее солнце золотит лоснящуюся шерсть разгоряченных скакунов. Дан первый старт, и из-под копыт жеребцов тучей летит гравий. До позднего вечера меряются силами лучшие всадники района.

А когда, кажется, пора уже было передохнуть, только тогда и начинается самое главное — танец осоухай, участвовать в котором могут все желающие.

Высокий якут, взяв под руки двух других, заводит протяжную ритмичную песнь, и трое мужчин, соприкасаясь локтями, переступают вбок, влево, в такт песне. Запевала поет несколько фраз, затем их подхватывают партнеры, еще запев — его вновь повторяют остальные, и так все время. Поначалу кажущееся несколько монотонным, это магическое соединение мелодии, ритма и движения завладевает вниманием, притягивает, словно гипнотизируя. Шеренга танцоров растет, с обеих сторон к ней присоединяются все новые и новые участники, она закручивается вокруг праздничной коновязи и, наконец, замыкается в хоровод, который медленно движется в такт песне. Хоровод растет, ширится, охватывает уже всю поляну. Запевала — Егор Имычанов, шофер из села Эльгяй, — ведет хоровод уверенно и красиво. Это и неудивительно, он, оказывается, был победителем на всякутском конкурсе исполнителей осоухая!

В этом танце не бывает заученных песен, это всегда импровизация, потому в таком почете тут заводилы круга. «Обо всем, что вижу вокруг, обо всем, что думаю, что меня радует и заботит, пою я, — говорит Егор Степанович, — о красоте берез, стоящих вокруг поляны, о необычайном совершенстве и неповторимости каждого листа на этих березах, каждой травинки;

Кто — кого?

В борьбе халсагай главное — ловкость.

*На скачки съехались
лучшие всадники района.*

Выступает школьный ансамбль. ►

о гривастых низкорослых конях, ушедших в дикие высокие травы; о том, как, призванные в пятидесятых годах в армию, мы, триста молодых якутских парней, трое суток без перерыва, в ожидании отправки, водили осоухай на одной из станций под Иркутском, и как все смотрели на нас, не понимая, что происходит, а я пел о своем народе, его древнем прошлом и празднике Ысыах, который приходит каждый год, соединяя это прошлое и сегодняшнюю жизнь».

¹ Предки якутов — курыканы — переселились в долину реки Лены из степей Прибайкалья во второй половине I тысячелетия н. э.

² Ю р у н г а й ы т о й о н («белый владыка-создатель») — верховное божество якутов, глава добрых духов — айыы.

³ Д е в я т о е н е б о — последнее из девяти небес Верхнего мира.

⁴ Еще в глубокой древности лошадь стала жертвенным животным для многих народов Европы и Азии. Коней посвящали небесным богам, в основном богу Солнца.

⁵ Д ж е с е г е й - т о й о н — младший брат Юрунг айыы тойона; согласно поверьям, живет на четвертом небе; людям показывается в облике человека или белого жеребца.

⁶ Ш а м а н и з м — система верований, распространенная в прошлом у большинства народов мира. В дальнейшем сохранялась у многих племен Сибири, Южной Азии, Дальнего Востока, Африки, Северной Америки.

Ш а м а н ы — по поверьям — это люди, вступившие в союз с каким-либо духом или группой духов и потому способные общаться с ними и даже повелевать ими. Для этого шаман к а м л а л, то есть с помощью специально-го питья, танцев, пения и ритмических ударов в бубен приводил себя в особое экстатическое состояние. Во время камлания душа шамана якобы совершает путешествие в мир духов, общение с которыми требуется, чтобы излечить или наслать болезнь, обеспечить удачу или накликать неудачу на охоте и т. п. Шаманы делились на белых, вступивших в союз с добрыми духами, и черных, повелевающих духами зла.

⁷ Считалось, что самые сильные шаманы могли вступать в контакт не только с рядовыми духами, но и с верховным божеством, каковым является Джесегей.

⁸ В якутских сказаниях береза и сосна символизируют юг.

⁹ Считалось, что Вселенная состоит из трех миров, расположенных один над другим. Нижний мир населяют духи аджарай; Средний мир — наша земля, где живут люди, животные и духи иччи. В Верхнем мире обитают враждующие племена духов — айыы и абаасы. Посреди мира стоит священное дерево Аал Мас.

Его восемь ветвей обращены к восьми сторонам света, вершина прорастает сквозь девять небес Верхнего мира, а корни уходят в мир

Нижний. Когда якутский шаман камлает, он выращивает по образу и подобию Аал Мас свое собственное шаманское дерево, по стволу которого его душа путешествует в иные миры. Способностью проникать в Верхний мир по стволу Аал Мас обладают якобы и души некоторых животных: коней, птиц, горностаев и белок.

Устройство багаха — это как бы модель мироздания. Ствол тьюсюлгэ соответствует стволу «мирового дерева» Аал Мас, чэчир — крона этого дерева. В ритуалах Ысыаха мировое дерево выполняет одновременно функции коновязи и столба для жертвоприношений. Десять кругов на коновязи обозначают Средний мир и девять небес Верхнего. Символика Нижнего мира отсутствует, так как жертва предназначена верхним духам.

¹⁰ Многие сибирские народы верили, что мужчина-шаман может превращаться в женщину и наоборот. Поэтому в шаманский костюм и входит женская шапка.

¹¹ Подбор персонажей для церемонии посвяtitельного алгыса отражает структуру якутского пантеона. Девять юношей соответствуют девяти сыновьям Юрунг айыы тойона — главным мужским полубожествам; восемь девушек отождествляют с женскими полубожествами — восемью дочерьми Белого владыки. Семнадцать детей Юрунг айыы тойона по указанию своего отца заселили Верхний и частично Нижний миры и стали родоначальниками племени добрых духов — айыы.

Белый шаман, читающий алгыс, олицетворяет, очевидно, самого Юрунг айыы тойона.

¹² Н ю р г у н Б о о т у р С т р е м и т е л ь н ы й — главный герой эпоса «Олонхо». Он родился в Верхнем мире, но по просьбе людей, обижаемых злыми духами, небожители переселили его на землю, где Нюргун совершил множество подвигов. Он победил грозных богатырей из племен абаасы и аджарай (злые духи Верхнего и Нижнего миров), освободив жителей земли от их бесчинств.

¹³ Орла и лебедя считали своими предками — тотемами — многие якутские роды.

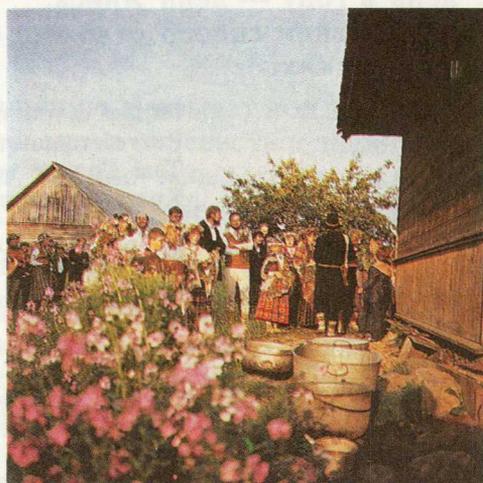

Янов огонь.

Этой ночью прискочет Янис

Нынешней ночью приедет Янис. Круглый год скачет он по небу на невидимом черном коне, и заметны только его сверкающий меч, светящаяся уздечка да звездный пояс — созвездие Орион.

Из глубин созвездий и веков едет к нам Янис в летний солнцеворот, в макушку лета, когда приходит пора сенокоса. Лиго, или Янова ночь, — у латышей; Ивана, или Янко Купала¹, — у славян; ночью середины лета называли ее кельты и германцы. В эту ночь жгут костры и прыгают через них, спускают с гор огненное колесо — солнце и состязаются в песнях. А еще в Янову ночь и накануне этого радостного и красочного праздника делают сыр и варят пиво; рвут Янову траву и плетут венки из полевых цветов и дубовых веток; украшают дома и дворы березками и зеленью; песнями Лиго величают соседей — чтобы жили счастливо и в достатке, коров и овец — чтобы давали больше молока, сады и поля — чтобы лучше плодоносили, луга — чтобы сочнее росла трава... О Лиго Виктор Александрович Гравитис, геолог и палеонтолог по профессии, готов рассказывать бесконечно: изучая историю, древние обычаи и

Юный музыкант.

Нужно обойти с поздравлением каждый дом.

*«Папа» и «мама» Яниса —
Оярс Роде с женой Неллей.*

традиции, он не только предложил оригинальную «астрономическую» гипотезу возникновения любимого народного праздника латышей, но и детально восстановил сложную драматургию двухнедельной подготовки и проведения этого праздника, который отмечается 23 июня. В этот день тысячи костров загораются на холмах, по берегам рек и озер.

Оказывается, в глубокой древности существовали дни года, которые весь народ знал и мог определить весьма точно. Единственный способ, каким это можно было сделать, — астрономический. Действительно, как рассказывали Гравитису старожилы, в некоторых местах, наблюдая летом за заходом солнца с определенного места, по азимуту замечали точку — обычно дерево на горизонте, иногда камень, — дальше которой солнце уже не шло, а начинало отступать. Это и был самый длинный день в году — день Яниса.

Древний способ отложил свой след и в латышских народных песнях:

Рядом с тропой Солнца
Растет пушистая липа.
Там Солнце вешает свой пояс
Каждый вечер, когда заходит.

С Солнцем у латышей связано множество старинных песен, доносящих до нас древние представления о дневном и ночном пути светила:

Солнце едет по небу,
У него два желтых коня.
— О, Солнце, милое, белое,
Разве твои кони не устали?
— Устали или нет,
Мне некогда дать им отдых.

По славянским преданиям, солнце, живущее на востоке в золотых палатах, в праздник Купалы также выезжает на небесный свод на трех конях: серебряном, золотом и бриллиантовом.

Вечером Солнце садится
В золотую лодку,
А рано утром встает,
Оставляя ее качаться на воде.

Днем оно едет по небосводу в упряжке коней, а ночью — по окружающему землю водоему в лодке. Как тут не вспомнить, что небесная солнечная тропа вместе с околоземной рекой составляют дорогу светила — эклиптику, которую старые народы знают тысячи лет. Египтяне еще во II тысячелетии до н. э. считали, что бог Солнца Ра днем плывет на лодке через небосвод по спине богини неба Нут до Западных гор, где переса-

Выбираем дубовый венок.

живается вечером в другую лодку, ночную, и плывет под землей, чтобы утром, умывшись в озере Яру, снова пересест в дневную лодку. Греческий же бог Солнца Гелиос вечером въезжает на своей колеснице в окружающую землю реку — и по ней доезжает вокруг земли до востока, чтобы снова начать свой дневной маршрут.

Эта река-океан называется в латышских народных песнях Тропой Солнца или Даугавой, как и самая полноводная река Латвии, до которой дошли когда-то двигавшиеся с юга на север балты и, пораженные ее величием, решили, что она достойна того же названия. Между тем Орион, с появлением которого на небосводе принято связывать приезд Яниса и за которым, как поется в песне,

...полоска скошенного сена доходит до Даугавы,
А дочь Солнца² приходит к нему
С серебряными граблями помогать...—

на самом деле становится видимым в ночном небе, а значит, проходит близ Тропы Солнца, не в период летнего солнцестояния, а значительно позже³. Когда же в таком случае небесный косарь появлялся на широте Латвии в свой законный «песенный» срок? Расчеты показывают, что происходило это в I тысячелетии до н. э., то есть именно тогда, когда, по гипотезе Гравитиса, в сознании древних балтов складывалась картина мироздания, в которой с летним солнцеворотом был связан ночной визит небесного косаря Яниса.

...Мы едем на Центральный рижский рынок. Добрая его половина в эти предпраздничные дни отдана цветам. Выставленные на высоких прилавках, они образуют огромный сплошной

букет. Пробившись через густой поток покупателей, находим наконец то, что нам нужно: одна из продавщиц ловко плетет дубовые венки.

От желающих нет отбоя, мешок с зеленью пустеет на глазах, и мешкать не приходится. Заказав себе венки и подождав несколько минут, пока те будут готовы и примерены, мы становимся счастливыми обладателями роскошных зеленых шапок, которые и водружаем себе на головы — теперь не стыдно будет встретить Яниса⁴.

Следующая наша цель — здесь же, по соседству, в молочном павильоне. Пусть Янис простит небольшое отступление от принятого обычая: сыр нам, городским жителям, приготовить к его приезду самим не под силу, и угощать его мы будем хоть и покупным, но очень вкусным и свежим, настоящим деревенским сыром с тмином — «Янов-сыром», самым популярным у латышей. Выбрав несколько белых кругляшей, спешим в булочную — за ароматным ржаным «крестьянским» хлебом, выпечку которого не так давно возобновили рижские пекарни⁵.

В городе нас теперь ничто не задерживает, и мы отправляемся в путь до хутора в местечке Друсти, к дому друга Гравитиса — Оярса Роде, где мы будем встречать Лиго.

Нарвав по дороге букет из травы Яниса — сине-желтых иван-да-марья⁶ и подмаренника, к хутору подъезжаем уже вечером. Воздух настоян ароматом диких трав, поднявшихся в это не поскупившееся на дожди лето выше пояса. Косарю Янису придется нынче немало потрудиться!

Заслышав шум мотора, Роде вместе с женой Неллией выходят по обычаю встречать гостей.

— Добрый вечер, папа Яна! Лигуо! Лигуо!
Ожидал ли ты детей Яна? Лигуо!
Добрый вечер, мама Яна! Лигуо! Лигуо!
Ожидала ли ты детей Яна? Лигуо! —

поем мы ритуальное приветствие, величая устроителей праздника положенным титулом, надеваем им зеленые венки и одариваем букетами цветов.

Нас уже заждались за длинным струганым столом, где накрыт ужин и в больших пузатых глиняных кружках дымится душистый чай из трав Яниса. Здесь родные и друзья, коллеги Оярса по работе, участницы руководимого им фольклорного ансамбля.

За столом почти не умолкают ритмичные мелодии, незаметно возникающие тихим распевом из негромкой задушевной беседы, чтобы взлететь сдержанно-торжественным крещендо и тут же, при повторе, протяжным восторженно-ликующим «Лигуо! Лигуо!».

Весь год я собирала песни, Лигуо, Лигуо,
Пока ждала день Яниса, Лигуо...

Кто первым величает Янов праздник? Лигуо, Лигуо!
Жители нашей деревни, Лигуо,
Пастухи, за ними пахари, Лигуо, Лигуо,
Наконец молодые девушки, Лигуо.

Крестьянские хлопоты по подготовке к празднику: и вспашка земли под пары, и прополка огородов, с которыми нельзя запоздать ко дню Яниса, и украшение дома, и заготовка традиционных угощений, и защита от ведьм входной двери веткой рябины⁷, и плетение венков — отразились в этих песнях.

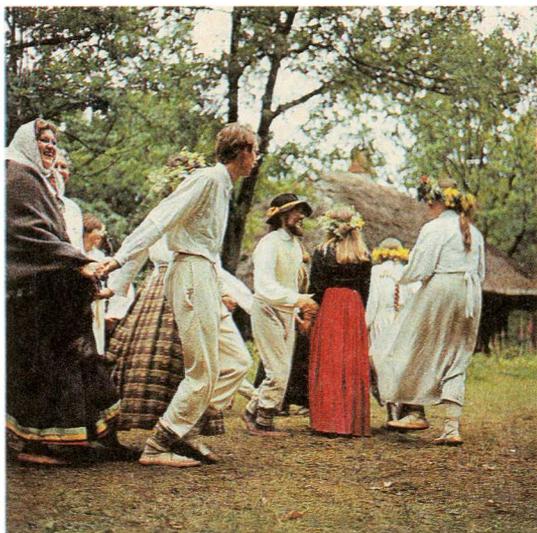
От дня Яниса нас отделяет теперь лишь ночь на сеновале, у лестницы к которому прибита крапива, чтобы ужалить ведьму, если той вздумается посягнуть на покой его обитателей. Коротка ночь перед самым длинным днем, глубока и краток сон на свежем луговом сене. С первыми лучами солнца девушки уже собирают цветы и плетут венки, гирлянды из дубовых веток, и песней призывают нас тоже включиться в длинный трудовой день, насыщенный различными приготовлениями к приезду Яниса.

По росе наточенная коса ходит легко и свободно, с хрустом оставляя за собой после каждого взмаха охапку душистого разнотравья: клевера, шалфея, ромашки, мяты, валерианы, зверобоя. Недаром Лиго называют и Днем Трав. Любая трава в это время более ароматна и богата витаминами. Поэтому и целебные травы заведено собирать в день Яниса, но только обязательно вечером, чтобы дольше они сохранялись высушенными.

Есть у Яниса и свои любимые травы, которые в народе зовут «настоящими травами Яниса»: у куршей и латгалов, живущих на возвышенностях, такой травой является иван-да-марья, у земгалов и таловцев, занимающих более низменные местности, — подмаренник, а также валериана и, отчасти, клевер. Эти цветы непременно присутствуют в собранных букетах, ими же — как особый знак внимания — следует одаривать «маму» и «папу», а также тезку Яниса, если таковой окажется в праздничном круге.

Накошенную траву пучками развешивают по стенам, бросают на пол, украшают ею стол. Принесенную из леса молодую березку ставят возле двери.

Утро прибавило новых гостей, а значит, и рабочих рук: на самый высокий в округе холм, где произойдут главные события следующей ночи, нужно затащить бревна для большого костра, которому гореть до рассвета. На вершине холма предстоит врыть высокий столб со смоляной бочкой на нем, а по склонам — отметить березками два азимута — на заход и на восход солнца в праздник Яниса.

В доме в это время готовят угощение, пекут сладкие пироги, крошечные пирожки со шкварками, сырное печенье с тмином, делают множество таких же маленьких бутербродов и выносят все это вместе с глиняными кувшинами домашнего пива на длинный стол, утопающий в зеленых гирляндах и пышных венках.

Но вот хлопоты этого дня остаются позади, и вечером мы идем встречать последних гостей из Риги — большую живописную группу в национальных костюмах. Со скрипками, волынками, рожками, колокольчиками они идут по насыпи, приветствуя нас дружными «Лигуо! Лигуо!». Впереди бородатый гигант в очках и широкополой шляпе. Это Дайнис Сталтс, руководитель самого популярного в Латвии фольклорного ансамбля «Скандиниеки» при Латвийском этнографическом музее. Рядом с ним скрипачка, участница его ансамбля, Илга Рейзнице, тоже имеющая свой фольклорный коллектив при районном дворце культуры. А стройный парень в черной фетровой шляпе с волынкой — руководитель фольклорного ансамбля Латвийского государственного университета «Дандары» Эрнест Спичс — весь цвет латышской фольклористики, к тому же все со своими воспитанниками — то-то будет песен и танцев!

Знакомый ритуал встречи с пением и цветами, и вскоре все мы (границы между приехавшими артистами и зрителями здесь по вековой крестьянской традиции просто не существует) втягиваемся в песню и танец — заводим хоровод вокруг огромного, развесистого дуба.

Мы поем, хлопаем в ладоши, величая Яниса, опеваем его «родителей» в лице Ояrsa и Неллии, затем чьи-то руки выхватывают из хоровода двух именинников — Янисам сегодня почет и уважение, — их, по обычаю Лиго, величают и опевают с

Все в хоровод!

Лиго — день трав и цветов.

Добрый вечер, дети Яна!

Весь год я собирала песни Лигуо.

*В ансамбле «Скандиниеки»
возрастных ограничений нет. ►*

Провожаем Яниса... ►

пожеланием благ. А потом мы угощаем Яниса яствами с длинного зеленого стола.

Как ни долог день Яниса, но и он начинает клониться к концу, а у нас еще немало дел: надо опеть — «облиговать», как говорят здесь, — и дом, и двор, и огород, и поля, луга вокруг, и, конечно, всех жителей соседней деревни. Поэтому, не теряя времени, шумной гурьбой отправляемся в путь. Песни сменяют одна другую.

Подходя к дому, Оярс бьет в барабан, его поддерживают труба и инструмент в виде посоха со множеством подвешенных наподобие бубенчиков металлических треугольных пластинок. Все дружно поют:

Я звоню в медный колокольчик
У дверей избы...
Добрый вечер, мама Яна,
Ожидала ли ты детей Яна?

Вместо «мамы» в дверях появляется высокий парень и с улыбкой отвечает:

Добрый вечер, дети Яна,
Заходите смело во двор.
Прыгайте, дети Яна,
В мой огород
И растопчите все сорняки,
Чтобы росла белая капуста.

Но таких бравых и знающих свое дело ребят, как мы, на мякине не проведешь:

Ходит Янис, проверяет,
Как поля прополоты,
Как поля прополоты,
Ворота украшены...

Обход владений Яниса — не праздная забава и для нерадивых хозяев не так уж безобиден. Стоит только заметить какую-либо неряшливость в крестьянских работах, куплеты, как и русские частушки, становятся острыми и нелицеприятными: крестьяне всегда ревностно относились к своим обязанностям и строго следили за тем, чтобы не нарушались календарные сельскохозяйственные порядки, поэтому их критика в песнях была еще более едкой и злой, лишней раз доказывая аграрное происхождение Лиго.

Мы благодарим «папу» Яна за угощение, но тут в разговоре выясняется, что он пока не женат. Мы заходим к нему в дом и кидаем в постель пучки травы — чтобы осенью играть хозяину

свадьбу. А это кто там спит в ночь Яниса — брат? Брату под одеяло летит крапивный куст:

Кто спит в Янову ночь,
Тот останется холостым,—
А я пою всю эту ночь,
И у меня осенью будет свадьба.

Мотив будущей свадьбы часто повторяется как в песнях, так и во всем ритуале Лиго. Чтобы узнать, ожидает ли ее скорое замужество, девушка ставит в канун Яновой ночи около постели цветков мелколепестника и утром смотрит, раскрылся ли на нем бутон, предвещающая свадьбу. Гадать можно и бросая на дуб правой рукой через левое плечо венки: если тот останется в ветвях, в этом году девушка выйдет замуж. Можно также пустить по реке два венка, и если они сойдутся вместе, значит быть в этом году свадьбе.

Парням мысли о свадьбе тоже не чужды:

Парни, парни, в день Яна сядем на коней,
Поедем искать себе невесту,
Кто дальше отъедет,
Тот найдет себе девушку красивее.

На Друсти опускается ночь, и наш путь лежит теперь к большому холму, на вершине которого высится столб с бочонком наверху. Один из ребят — понятно, Янис по имени — влезает с факелом на столб и в тот момент, когда угасает последний луч солнца, поджигает бочонок. По старым преданиям, чем дальше простирается свет от огненного столба, тем плодороднее будут поля вокруг. Ветер быстро раздувает пламя, и сполохи Янова огня рвутся в фиолетовое небо. Всю ночь, пока утреннее солнце не вернется к детям Яна, мы будем хранить его огонь. Быстро набирает силу и огромный костер из толстых березовых кругляшей, вокруг которого водят хороводы и танцуют. Далеко во тьме светлячками вспыхивают другие костры — они горят сегодня по всей Латвии. И всю ночь с холмов, по берегам озер и рек будут звучать прекрасные мелодии.

У Яниса есть медная фанфара, Лигуо, Лигуо.
А у меня есть сундук песен, Лигуо!..
Как бы ни была длинна ночь Яна, Лигуо, Лигуо,
У меня хватит песен, Лигуо!

Колоколом бьется в ушах это завораживающее, таинственное слово, смысл и происхождение которого не вполне ясны. В латышском языке первоначально оно обозначало «гармоничное, ритмичное движение». По-литовски его можно перевести восклицанием «да будет!»⁸.

Целый день уже звучат песни Лиго из неисчерпаемой кладовой народной поэзии и музыки — до нас дошло более сорока тысяч четверостиший на тысячу с лишним мелодий! Дошло, несмотря на то, что церковь усиленно боролась с ними, а за их исполнение людям грозила казнь. Но народ никогда не терял надежду, что придет время, когда он сможет петь их радостно и свободно, как и праздновать Лиго — день труженика земли, знаменующий расцвет сил природы, и ставший также в ходе многовековой борьбы с иноземными завоевателями символом бессмертия творческих сил народа.

Веселье между тем в разгаре. Разбившись на отдельные хоры, девушки и парни по традиции устраивают шуточное песенное соревнование. Наиболее удачные шутки встречаются одобрительными хлопками. Поток острот долго не иссякает, но вот наконец после девичьего хора наступает короткая заминка — парням нужно срочно заполнить паузу, но дружный смех уже мешает им это сделать: ничего не поделаешь, поражение нужно пережить с достоинством, тем более что впереди новое соревнование. Теперь уже целые ансамбли стараются перепеть друг друга одновременно. Поднимается невообразимая сумятица, так как все стараются перекричать соперников. А потом мы долго водим хороводы и танцуем вокруг огненного столба.

Отсветы его падают далеко к подножию холма, где в мшистой низине, в подлеске, раскинул лапы папоротник, который, по поверью, цветет в купальскую ночь. Но неусыпно сторожащие этот момент злые духи тотчас захватывают перунов цвет в свою власть. Встав в круг, очерченный рябиновой веткой, чтобы звери не могли его переступить, все поют, и, не отрываясь, смотрят на папоротник. В полночь цветок зацветет и тут же сгорит. Но прежде надо успеть сорвать его, и тогда исполнится любое желание, станет понятен язык зверей и птиц, откроются зарытые в земле сокровища. Стоит чуть замешкаться, и ждать такого случая придется еще год⁹.

Рвется пламя из смоляной бочки, где-то гремит гром, полыхают зарницы. Не топот ли это Янова коня, ведь он вот-вот должен приехать.

— Это произойдет через две минуты в самый темный момент самой краткой летней ночи — в 2 часа 20 минут по местному меридианному времени, — уточняет Гравитис.

Мы подкатываем к огненному столбу обмотанное соломой и вымазанное дегтем колесо от старой телеги, поджигаем его и спускаем с криками с горы в сторону заката. Прочертив огненной кометой черноту ночи и подскакивая на буграх, колесо, шипя, исчезает в воде¹⁰. С этого мига солнце, достигнув летнего зенита, пойдет на убыль, пока не скатится до точки зимнего стояния. Недолго визит небесного косаря: не успели встретить,

уже брезжит рассвет. Грудой красных углей рассыпался наш костер, догорает на шесте огонь Яниса, но Янова роса уже заискрилась в первых лучах нового дня.

Провожаем Яниса
До соседней горочки,
Просим на прощанье
Через год пожаловать.

¹ И в а н К у п а л а (Янко Купала) — народный праздник летнего солнцестояния — известен под разными именами по всей Европе. Он продолжается два-три дня, достигая своей кульминации в ночь на 24 июня — самую короткую ночь года. В свое время церковь приурочила 24 июня ко дню Рождества Иоанна Крестителя. Эта уступка была продиктована необходимостью придать христианский оттенок древней традиции, с которой люди упорно не желали расставаться. Свою роль здесь сыграло и то, что, по евангельскому преданию, Иоанн крестил приходящих к нему водным крещением, «купал» их. На самом же деле «Купала» означает «жар, жаркое стремление к чему-нибудь» и родственно, например, глаголу «кипеть» или имени римского бога любви Купидона. Постепенно Купала обрел христианское имя: Иван, Янко, Ян у славян, Йонас у литовцев, Янис у латышей и т. п. Однако все ритуалы купальского праздника, пожалуй единственного в Европе так полно сохранившего свою дохристианскую обрядность, говорят о том, что в народном сознании он остался языческим праздником огня и воды, апофеозом торжествующего Солнца.

² Дочерью Солнца в латышском фольклоре чаще всего называют богиню утренней зари Аустру (литовская Аушра, греческая Эос, индийская Ушас). Предания рассказывают, что два сына латышского верховного бога небес Диевса были влюблены в Аустру, однако она стала женой Перкона. По другим версиям, Солнце предназначало свою дочь в жены Аусеклису — божеству утренней звезды. Безутешные братья просят отца забрать их к себе на небо. Диевс выполняет эту просьбу, и его сыновья становятся двуединым звездным божеством. В Древней Греции такой же миф существовал о сыновьях Зевса — Диоскурах, в Индии до сих пор почитаются небесные близнецы Ашвины. Диоскурами греки называли также созвездие Близнецов. Земным воплощением небесных близнецов латыши считали «юмис» — сдвоенный пшеничный колос. Этот факт указывает на связь мифа о близнецах с сельскохозяйственным культом, с идеей плодородия.

³ Из-за движения Солнечной системы относительно звезд точка летнего солнцестояния приблизительно на один градус за каждые 70 лет перемещается по эклиптике. За две с небольшим тысячи лет она должна была сдвинуться на тридцать градусов, что соответствует одному месяцу.

⁴ Д у б о в ы й в е н о к — не случайный предмет на этом празднике, празднике небесного огня. Давно было замечено, что чаще других деревьев молния поражает дуб. Поэтому у греков дуб был посвящен Зевсу, германцы почитали его как дерево громовержца Тора, а для древних балтов — предков литовцев и латышей — он олицетворял Перкона-Перкунаса, ближайшего родственника древнерусского бога грозы Перуна.

⁵ Обильная трапеза на крестьянских праздниках следовала за обрядом жертвоприношения земным и небесным силам и являлась частью этого обряда. Основа праздничного меню состоит из тех самых продуктов, изобилие которых должно было быть обеспечено божеством. Человек как бы обращается к богам: «Если вы поможете нам, людям, с урожаем и скотом, то и на будущий год мы сумеем принести вам такие же жертвы».

⁶ Двухцветный цветок иван-да-марья в общей для европейских народов символике купальских легенд обозначает два противоборствующих начала Вселенной: огонь (желтый цвет) и воду (синий цвет). Очень характерно русское название цветка. Иван — это Иван Купала, олицетворение небесного огня, силы Солнца. А вот за именем Марья скрывается грозное божество древних славян Мара (Марена, Маржена) — дух смерти, болезней, зимы, предводительница всякой водяной и болотной нечисти. От этого корня происходят слова «мор», «мрак», «смерть», «морок», «кикимора»; отсюда и французское «кошмар». В белорусских селах в Иванову ночь сжигали соломенное чучело Мары на костре или топили его в реке.

Однако наши предки хорошо понимали, что добро и зло, жизнь и смерть, счастье и несчастье крепко связаны друг с другом и одно без другого существовать не могут. В купальских мифах Мара — родная сестра Купалы. Огонь и вода — две враждебные друг другу стихии, но из их столкновения рождается мир. Поэтому народное сознание соединяет их в желто-синем цветке, символизирующем праздник расцвета всех сил природы.

⁷ Представление о том, что ветка рябины способна защитить дом или человека от всякой ночной нечисти, широко распространено по всей Северной Европе. Фрэзер отмечает, что особенно действенной считается «летучая рябина», то есть побеги рябины, прорастающие из вершины другого дерева. Аналогичными свойствами обладает в поверьях европейских народов омела — паразитарное растение, живущее на дубе. Считается, что омела и рябина не подвластны подземным силам, так как вырастают «не из земли». Немалую роль здесь играет и цвет ягод: желтый у омелы, ярко-красный у рябины. Это цвет Солнца, победителя Ночи, прогоняющего злых духов.

Кануны календарных праздников считаются временем особенно благоприятным для ведьм, колдовства и вообще всяческого зла. Дело в том, что всякий праздник мыслится как обновление времени и мира. Мировой порядок должен сначала распасться, чтобы вновь возродиться из хаоса. Канун праздника — это и есть «смерть миропорядка», время, когда на земле безраздельно царствуют силы зла; вспомним название гоголевских рассказов: «Вечер накануне Ивана Купалы», «Ночь перед Рождеством». Сказанное особенно относится к Купале, потому что это праздник не только добрых, но и злых сил природы. Его вершина приходится на ночное время.

⁸ Вероятнее всего, слово «лиго» происходит от латышского «лигот» — качаться. По народным поверьям, 24—29 июня солнце, достигнув вершины своего годового пути, некоторое время «играет» — раскачивается взад и вперед, перед тем как покатиться по склону небесной горы вниз — в сторону убывающего дня, умирающей природы, в сторону зимы.

⁹ Папоротник всегда поражал человеческое воображение тем, что, в отличие от других растений, он никогда не цветет. Логика предков была такой: раз никто не видел цветение папоротника, значит, его охраняют волшебные (скорее всего, злые, подземные) силы.

Отношение к подземному, нижнему миру было двойственным. С одной стороны, это — преисподняя, царство зла и тьмы. Огонь, озаряющий его, — это не грозный небесный огонь и не благодетельный земной, а опасный,

колдовской огонь подземелья. С другой стороны, нижний мир — источник всяческого богатства. В землю бросают зерно, чтобы оно возшло колосом, из земли добывают руду, в земле прячут клады. Римский Плутон, бог подземного царства, был одновременно и богом богатства. В ночь на Ивана Купалу, когда нечисти лесной и подземной будто бы дана всякая власть, спрятанное под землей золото вспыхивает и горит. Это пламя пробирается наружу блуждающими огоньками на болотах и лесных пнях, а на «перуновом цветке» — папоротнике — распускается огненный цветок. Человек, сорвавший его, овладеет тайными, скрытыми знаниями и, в частности, приобретет способность видеть зарытые под землей сокровища.

¹⁰ Огненное колесо — простейший символ Солнца, известный многим народам.

На Горку — в лучшем сарафани.

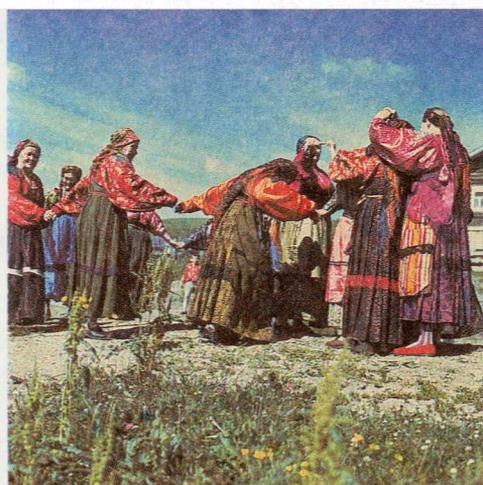
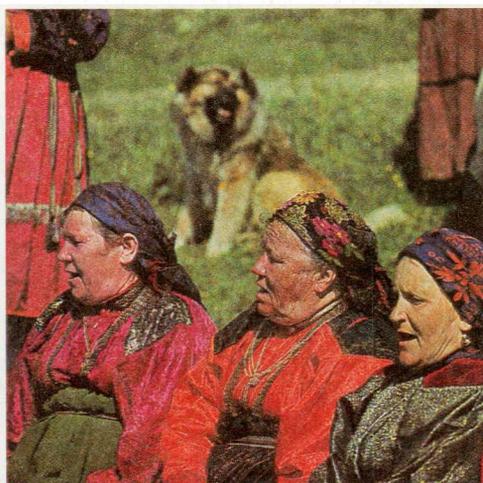
Усть-Цилемские краснопевы

Сказка ли это, были ли — плывут павами сударыни-боярыни в парчовых сарафанах и кокошниках, блистающих золотом в лучах низкого вечернего солнца, и поют:

Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камча кружчатая...

На Печоре, в заповедной Усть-Цильме и окрестных селах, живет этот прекрасный народный праздник — Горка¹: пора брачных союзов и место игрищ, пик веселья и вершина года. Усть-Цильма — место среди всех русских сел совершенно особое, глубина памяти народной тут от постороннего глаза во многом скрытая, незаметная. По преданию, заложили это село в середине XVI века новгородцы, осваивавшие новые охотничьи угодья и земли. Потом бежал сюда в поисках воли крепостной люд, приходили таежными тропами староверы, несли с собой древние книги.

Великое множество песен, сказок и былин было записано в этих местах, а глубинную книжную культуру открыл уже в наши дни основатель и хранитель собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома Владимир Иванович Малышев. Первый привезенный им из

По моде XVI века.

Краснопевы...

«Заплетайся, плетень, заплетайся!»

Усть-Цильмы сборник нот открыл неведомый дотоле древнейший пласт русской музыкальной культуры. А венцом этого духовного завещания минувших веков стала Горка.

Так просто к Горке не подступиться и взором не проникнуть, в Горку изнутри заглянуть нужно. Красота это несказанная, но у народа красота бессмысленной не бывает.

— Без Тирановой тут вам не обойтись, — советовали сельчане.

Я и сам знал, что Марфа Николаевна Тиранова — признанная запевала усть-цилемских хороводниц, «всеобщая кума», как звали в старину таких заводил, без которых не могло быть никакого праздника.

Дом Марфы Николаевны под стать молве о ней — крепкий, основательный. Двухэтажный, четырнадцать окон по фасаду, вознесся он над пологим печорским берегом. За век службы приобрел тот благородный буро-черный цвет, дальше которого бревна уже не темнеют с годами, а свежие белые наличники роднят его облик с днем сегодняшним. Ни на одном другом доме в селе, протянувшемся вдоль реки на добрых пять километров, не видел я под красной звездочкой четырех имен сразу. Одно, два, три — этих печальных отголосков принесенного войной горя — тут почти через дом, но чтобы вот так:

НОСОВ ЕГОР ИВАНОВИЧ
НОСОВ ФЕДОР ИВАНОВИЧ
НОСОВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ
НОСОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ...

— Старший, Егор, — мой, восемь месяцев всего и успели прожить — война. В родительском доме у меня тоже два брата погибли и дядя, — тяжело вздыхает Марфа Николаевна. — Нас семеро у матери было, это я одна в школу дня не ходила, а брат и сестра у меня учителя, старшая сестра ученая была, старинную грамоту знала, брат погибший тоже ученый был. Отец мой по книге все читал, мне бы записывать, а я не умела... Песни-то раньше все пели, а у краснопевов — как свободная минута, так и поем.

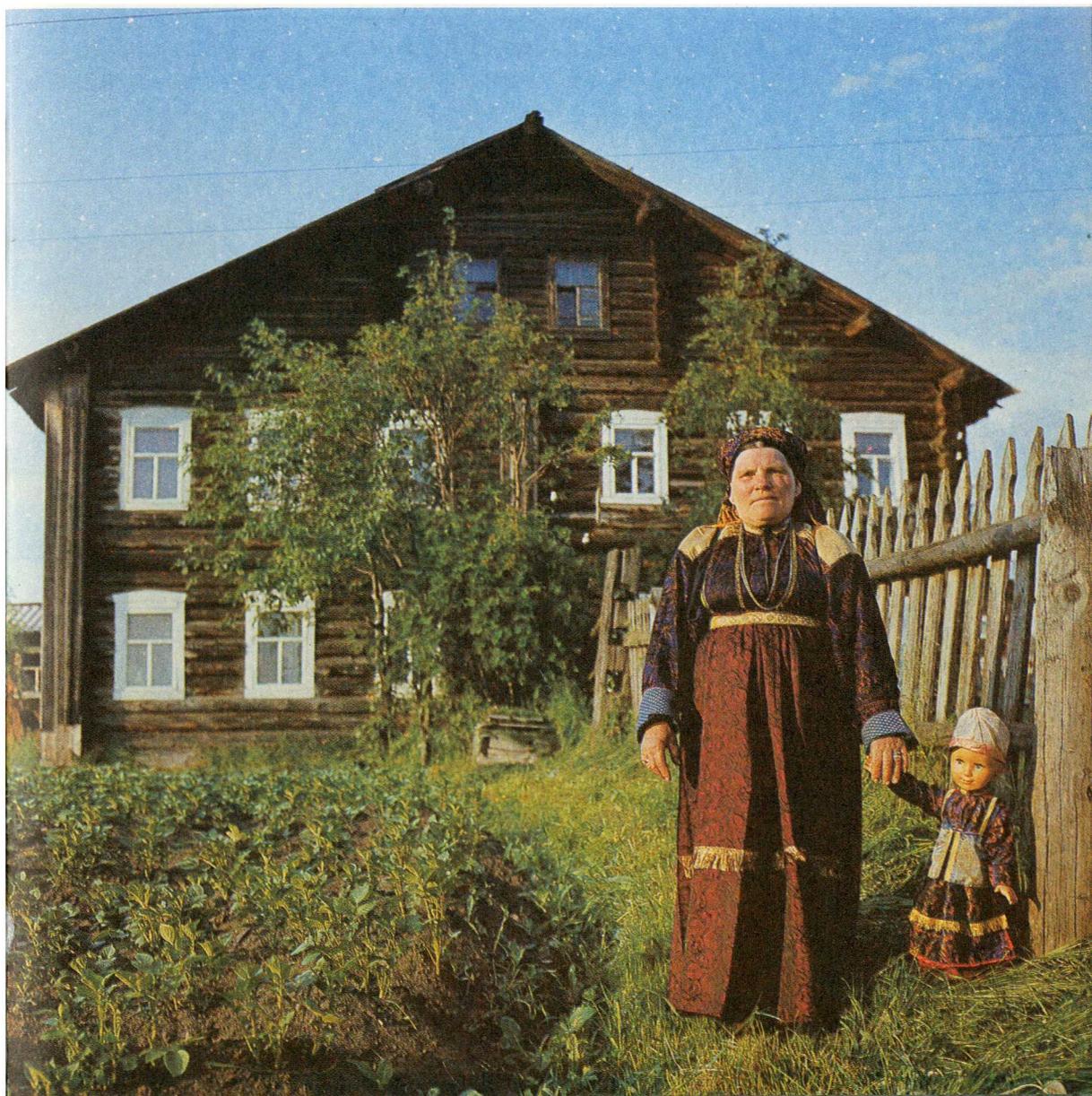
А на Горку я уж лет пять как не хожу, после смерти сына. Да и раньше на Горки пожилые-то у нас и вовсе не ходили. Ходили ребята холостые невест выбирать, молодожены, которые без детей, тоже ходили, наряжались. Хоровод девушки заводили, но иногда и из молодожен кто. От своих, от родных песни знали, игры.

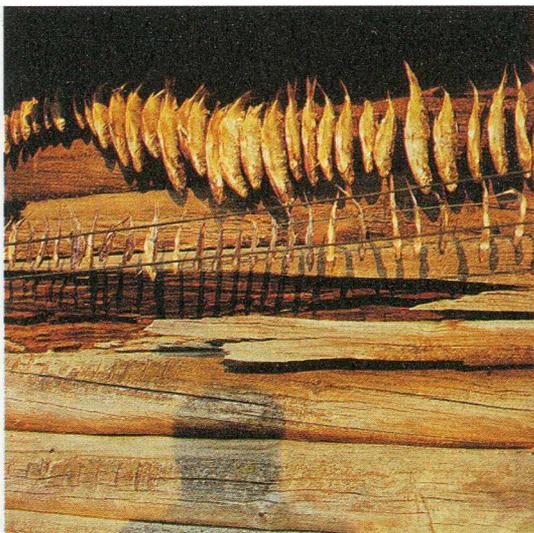
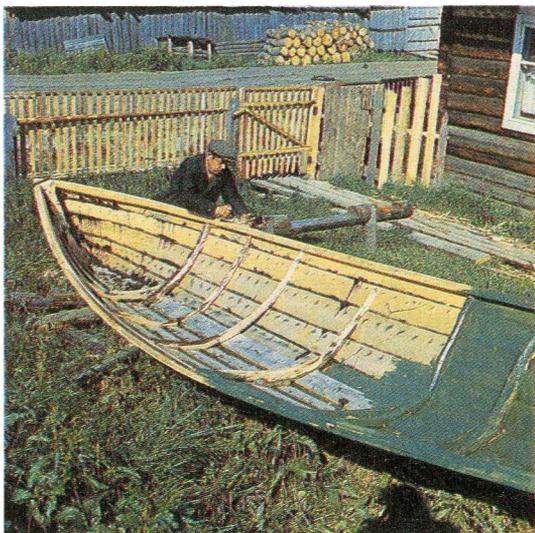
Нас раньше человек десять собиралось женщин, а больше нам и не надо было. Мы и в Москве выступали без всякой репетиции — ни один раз не запнулись. Что нам, какая

«Старший, Егор,— мой».

Марфа Тиранова — «всеобщая кума».

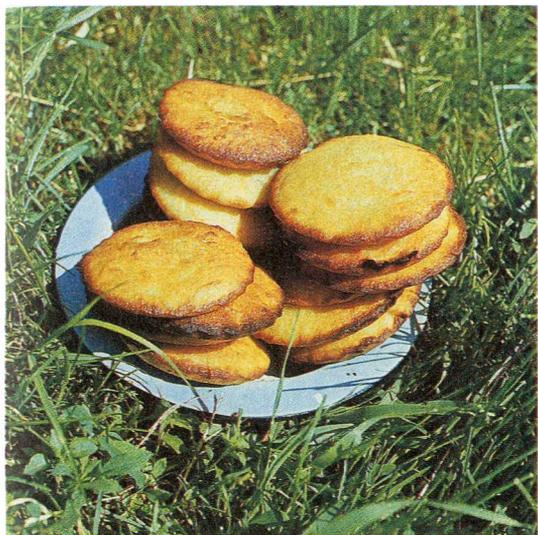
репетиция, когда мы знали друг дружку. Пластинку нашу сейчас иногда слушаешь, так заплачешь — все равно так уж нам не спеть.

Ой, солнышко на ели,
А мы все еще не ели! —

спохватилась вдруг Марфа Николаевна, перебив улыбкой грустный настрой, живо убрала в сторону прялку, скрылась за печкой. Вскоре оттуда вкусно потянуло картошкой с жареным луком, и на столе мигом очутились самовар, вареная рыба, варенье.

— Да вы кушайте, кушайте, — Марфа Николаевна подкладывает разваренной картошки, — у меня попросту, без стуку — на крестьянскую руку.

Раньше, — продолжает она свой рассказ, — трудиться много приходилось: зерно сами жерновами мололи, дрова пилили-рубилы — топить тут много надо. Работа, она ведь не стоит — весной на полях навоз разгребают, потом пашут, сеют, картошку сажают, потом сенокос. Потом ячмень надо жать. Осенью вымолотят, закончат работу, и все. Мужики в дорогу ездят, а женщины вяжут, прядут. Я и сейчас, зимой или когда минута свободная, тоже пряду, вяжу. Мама и бабушка у меня вязали и рукавицы, и чулки писанные. У нас лапти не носили. Сапоги носили хромовые и чулки писанные со ступнями — ступни из кожи делали с каблук, под каблук гвозди еще подбивали, чтобы топали, когда танцуешь. Брюки внутрь чулок заправляли, а чулки не под самые колени надевали, а со спуском, чтобы сборы были.

Без лодки на Печоре — никуда.

Рыбацкое счастье.

Шаньги-шанежки.

На Горку!

Рисунки у нас всяко называются — то костыльки, это большие околинки, — Марфа Николаевна показывает необычайной красоты плотные длинные чулки, связанные еще ее матерью, — это зубчики, это мушки. Костыльки вроде птички. У меня они все с детства в голове.

Мблодцы сплошь писанные носили, а у нас только верх, и не узор, а полоски просто, а сами чулки — черные или темно-синие.

Шерсть раньше так красили: зеленицу на бору собирали, — березовый лист молодой нарвут, высушат, зальют горячей водой, она немножко простынет, туда моточек опустят и квасят его. Сама квашу, уксус наливаю, чтоб не линяло. Краски — красная, зеленая, желтая, остальные из них делаю — мешаю.

Раньше-то все вязали, а что еще зимой делать? Вязанье возили продавать на Вашку, потом на Пинегу, в Архангельск — взад-вперед шесть недель. Оттуда мануфактуры и всякой всячины привозили.

А как зерно-то обмолотят — тут посвободнее, тут у нас посиделки да вечерки начинались. А на вечерках маски были. Бывало, к хозяйке в дом придем, ламп пять соберем, керосином заправим. Где-то около Белого моря эти вечерки еще сохранились, но Горок уже нигде нету.

В вечерку по стенке — сидят, в центре — самые главные запевают. Ребята приходят, садятся на табуретки или на пол. Парень девицу приглашает — поклонится. Когда кого припевают, деньги кидают на стол. А у которого денег нет, тот так скажет: «Благодарствую, барышни, спасибо за припевку, за красну девку». А если и невесты нет, все равно припевали — человек припетый должен быть. Всех, кто на вечерки придет, припевали виноградьем. Вот и тебя сейчас припоем:

В ожидании праздника.

«Сначала «столбами» ходим...»

*Горделивая поступь,
неприступный взгляд — таков ритуал.*

*В местном ателье сошьют и старинный
сарафан.*

Плывут навами, словно речка течет. ►

Виноградье красно-зелено,
Кругом садик, кругом дома
Есть така дорожка —
Хорошо было сидеть
Невинной у окошка.
С кувшином за водой вінна
Выходила она, ласковы слова
Александру говорила.
Александр ей в ответ:
Будь моей невестой.
Сплю и вижу вас во сне,
Да в розовой шалюшке,
На правой руке простой,
На левой руке — алмаз —
Целоваться сорок раз.

Вот тебе и виноградье. Мы тут долго как-то сидели, много песен перепели, а на второй день нас фотограф фотографировал — спрашивал: «Откуда, говорит, у вас песен столько?» А я говорю: «На двое суток еще хватит петь».

Сама на Горку не пойду, — словно раздумывает Марфа Николаевна, — так хоть куклу на праздник наряжу — сестра просила: она усть-цилемский наряд не любит носить — куклу попросила одеть. Раньше куклу тоже наряжали — сарафан из тряпочек, из старых лоскуточков. Куклы-то настоящие раньше не у всех были — все больше игрушки самодельные. У нашей все настоящее будет, как у царевны, — сарафан штофный, фартук матерчатый, рукава матерчатые, ластовицы* — их раньше вышивали, на голову — кокошник. Поясок ей сплести надо будет...

Слово за слово — большая кукла из целлулоидного гольша преобразилась в статную усть-цилемскую дэвицу во всем величии и великолепии роскошного убранства.

— На вечерки да на Горки ведь ходили смотреть: кто невеста хорошая, кто парень хороший, у кого какой наряд.

Сыграл мелодию старинный замок в сундуке, поднялась крышка, и выпорхнули из него чудо-бабочки, золотые и лиловые, темно-зеленые и голубые. Сияющая чистотой горница наполнилась парчой, атласом, расписными платками, шальями, затейливыми серебряными цепями. Сарафаны, сарафаны, сарафаны — каждый к своему случаю: один — в гости, другой, столетний, еще от матери, — к какому-либо торжеству, этот, нарядный, — на свадьбу, попроще — на каждый день, этот красивый — на праздник, а этот, что ни на есть лучший, — этот на Горку. Сарафаны в Усть-Цильме пожилые женщины носят и в будни, а несколько «станов» — нижних накрахмаленных юбок — придают их фигурам величавость. Прав был собиратель былин Н. Е. Ончуков, писавший еще в начале века об этом уди-

---

* Л а с т о в и ц а — вшивное плечо от рукава до шеи.

вительном реликте древнерусской культуры: «Даже в костюмах Печора сохранила парчовые боярские наряды, в центре России хранящиеся только в музеях».

Не только сохранила, не только донесла, не расплескав до сегодняшнего дня моду времен Ивана Грозного, но и продолжает ее жизнь! Многие наряды уже не от мам и бабушек — в усть-цилемском ателье у вас примут заказ на настоящий допетровский сарафан, по всем правилам сошьют его местные мастерицы — «мы все умеем — вязали, ткали, шили, вышивали, только что лапти не плели».

От шелков и парчи, от золотого блеска повеяло близившейся Горкой. Видно, нахлынули и на Тиранову образы былых до-рассветных горочных хороводов и песен, «бесовских вихляний», столь люто когда-то предававшихся церковью анафеме за их языческую родословную. Сколько горок водила Марфа Николаевна в своей жизни и какую власть держит сейчас над Горкой, над людьми, над собой! Невысокая, статная, сверкнет взглядом, что-то быстро-быстро скажет подругам — те поймут с полуслова, и все сладится, как сказано.

— Горки-то мы водить начинали с весны. Хоть и затяжная весна, холодная, а как коров выгонят на улицу, так девки вышли — песни завели. Как Горка начинается? Сначала «столбями»² ходим. Идем по дороге по трое: задние наперед переходят, потом заворачиваемся, пока народу не очень много, последние наперед стоят — медленно, торопиться ведь некуда. Мужчины раньше «столбями» не ходили, они пока в лапту, в мяч играли, боролись — встречали нас. Теперь Горку на стадионе водят, а раньше вот здесь, на улице, водили.

«Столбами» походим, в круг встанем — поем. После «на две стороны» встаем, друг против друга, потом «на четыре стороны», потом «лен полоть» идем и все поем...

Невесту уже в конце выбирают, когда «долгую» водят.

— Бояре, вы зачем пришли,
Да молодые, вы зачем пришли?
— Мы пришли на невест смотреть,
Молодые, их хороших выбирать.
— Вы, бояре, покажите жениха,
Молодые, покажите жениха³.

«Долгая вожжа» — беремся рука за руку и поем:

Я по реченьке потеку,
Да я ко бабушке забегу.
Скоро бабушка добра, добра
Да сладка, сладка, сладка,
В огородах-то чиста, чиста,
В огородах сажено,
Что земля-то была ораная,
Земля ораная, да не боронованная,

Семена те были куплены,
Да не окуплены,
А вода вожена, да заморожена.

Так вот и ходили — мужчина и женщина, мужчина и женщина. А потом — в «плетень» — заплетаются, как в косичку, а потом расплетаются.

Заплетайся, плетень, заплетайся!
Ты завейся, труба золотая!..

Эта песня поется протяжно, повторяется несколько раз. А уж последнее — «прососеянье» — снова сторона на сторону.

Раньше мы на Горку днем ходили, праздновали, с обеда пойдем и до ночи — ночи-то у нас летом светлые. Ночью и кашу ездили за реку варить — петровщину⁴ — девицы с парнями вместе. Из пшена, риса — какая крупа есть, из той и варили. А еще варить кашу на кострах ездили далеко на лошадях. Место найдем, песни поем, из деревни в деревню скачем, в одном месте попляшем кадрили, в другом попляшем. Самая главная Горка — в Петров день. А с утра все на луг — сено страдать.

...Трудно передаваемое это ощущение — ожидание Горки, словно электрический заряд, передается тебе это всеобщее возбуждение. А вдруг непогода — не быть тогда празднику.

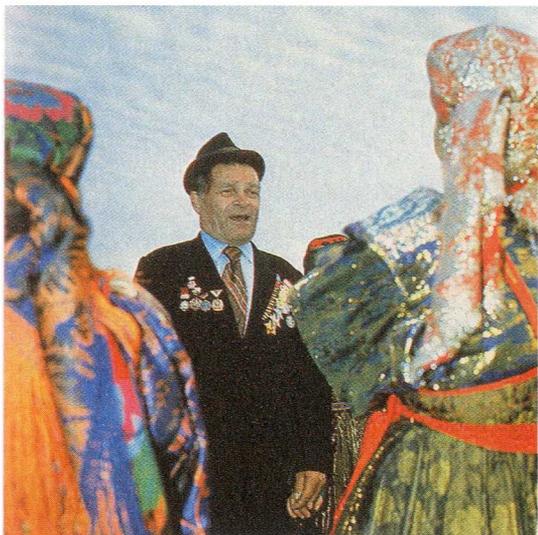
Двенадцатого июля, в положенный срок, взошло из-за леса солнце, и на всем небосводе не оказалось ни единой тучки. Но до Горки было еще далеко — день рабочий, и начаться она могла не раньше семи вечера, а на устойчивую погоду здесь полагаться нельзя — в минуту все может перемениться. И вправду, к обеду сдвинулись со всех сторон на Усть-Цильму облака, уплотнились в тучу, которая так и осталась висеть над селом, оставив лишь узкую желтую полоску по всей линии горизонта.

Никаких внешних примет готовящейся Горки в селе не было видно. А в домах в это время открывались сундуки, шелестели шелка, утюжились сарафаны — прихорашивались хоровадницы.

Но все это было скрыто от постороннего взгляда.

В семь вечера улицы, зеленая лужайка за Домом культуры — усть-цилемский стадион, — где должна была состояться Горка, все еще оставались пустыми и тихими.

И только ближе к восьми на центральной улице стали появляться красавицы в дивных своих нарядах. По одной, по две неторопливо прохаживаются, будто знать не знают и ведать не ведают ни о каком празднике. Без «всеобщей кумы» никто Горку начать не посмеет. Кто же возьмет на себя роль заводилы усть-цилемских краснопевов?

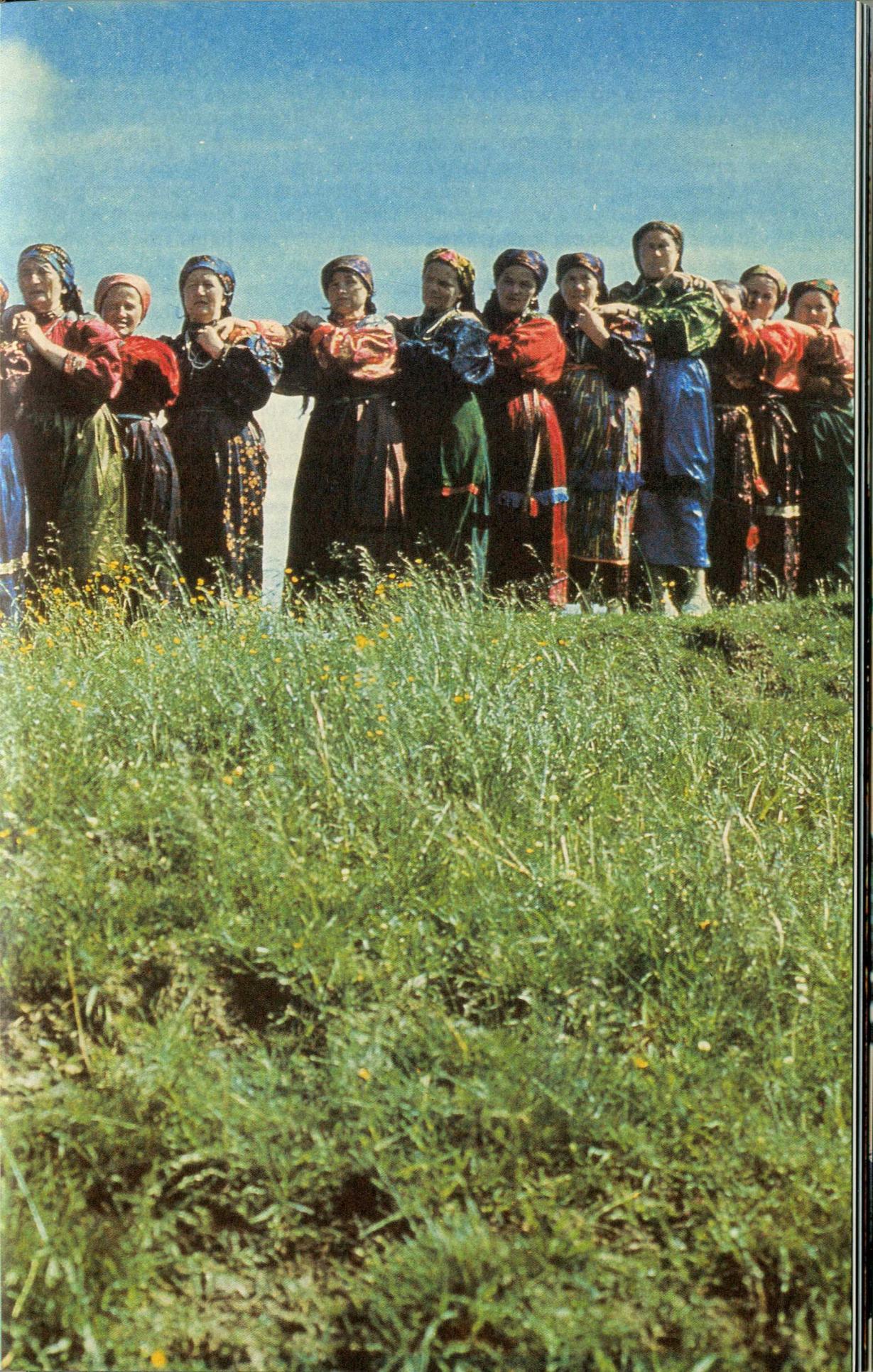
Запевала...

Ширься, хоровод!

«Долгая вожжа». ▶

Откуда-то издалека, с дальнего края села, слышалась песня. Затем она эхом прозвучала с боковой улицы, и вот к центру села подошла группа боярынь во главе с немолодым крепким мужчиной в строгом костюме при орденах. Быть Горке! С появлением одного из главных хороводников, боевого ветерана, полного кавалера орденов Славы Кирилла Матвеевича Чупрова вмиг ожили улицы, поплыли по мосткам пары, тройки горошниц. На поляне они собрались в яркий букет.

Совсем уже смеркалось, когда Чупров, расставив должным образом хороводниц и взяв за руки двух из них, завел песню и двинулся по кромке поляны. И в этот миг из-под края тучи блеснул золотой луч и зажег червонным золотом парчу и атлас Горки — позднему северному солнцу не терпелось взглянуть на древний праздник в его честь. Медленно, крохотными, незаметными шажками движется нарядная колонна, но вот задняя тройка горошниц чуть отодвигается в сторону и медленно, но все же чуть быстрее остальных движется с песней, становясь в голову процессии. Сарафаны до земли, шагов не видно — словно река течет. Так «столбами» ходят долго, пока не перейдут все тройки.

Хоровод между тем растет — пришедшие с дальних концов села вливаются в общий поток.

Как на улице дождик накрапывает,
Хоровод красных девок прибывает,
Ох вы, девушки, поиграйте!
Уж вы, холостые, не глядите!
Вам гляденьцем девушек не взять,
Уж как взять ли — не взять ли по любви,
Что по батюшкину веленью,
По матушкину благословенью.

Поблескивая орденами, Чупров закручивает Горку в спираль, соединяет ее в огромный — на сотню сарафанов — круг, артистично перестраивает в шеренги, в квадрат для Иванова монастыря, вновь в круг... Сменяются игры, меняются построения, фигуры танцев.

А вот и памятный по рассказам Марфы Николаевны «плетень». Сплетаются девицы руками в одну косу, плывут лебедушки, склонив набок голову:

Заплетайся, плетень, заплетайся!
Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камча кружчатая!
Из-за гор девица утей выгоняла.
Тига, утушка, домой,
Тига, серая, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким,
Ой свет, сера утица!

Потопила малых детушек
И в меду и в сахаре
И в ястве сахарном.
Я старым старикам
Киселя с молоком,
Молодым молодкам
Шелковую плетку,
А красным девицам
Белил да румян.

Первая пара поднимает руки другой пары и под арку из рук проходит вся змейка:

Расплетайся, плетень, расплетайся,
Ты развейся, камча кружчатая!
Из-за гор девица утей выгоняла,
Тига, утушка, домой!
Я сама гуськом,
Сама сереньким,
Ой свет, сера утица!
Вынимала малых детушек
Из меду, из сахару,
Из яств сахарных.

Танцевальные узоры причудливо меняются, вновь новая игра — венки вить. Кидают платочки-венки на землю...

Подыскался паренечек —
Перенял он мой платочек,
Ты отдай веночек, пожалуй,
За тебя я замуж не иду —
Спереди некрасовитый
И совсем нестановитый...

Парень поднимает платочек, настроение у девицы меняется:

Ты отдай веночек, пожалуй,
За тебя я замуж пойду...⁵

У «невесты» из глаз слезы — ей под семьдесят, да и «женых» — миловидная девушка лет двадцати — вот-вот всхлипнет — таков уж нынче усть-цилемский хоровод: мужчин, раз, два и обчелся, и те пожилые. На самых малых теперь надежда — на детишек, — может, и помолодеет со временем Горка.

Вновь становятся усть-цилемки на две стороны — «просо сеять».

— А мы просо сеяли,
Ой Дид-Ладо сеяли.

— А мы просо вытопчем,
Ой Дид-Ладо вытопчем.

— А чем же вам вытоптать?
Ой Дид-Ладо вытоптать?

— А мы коней выпустим,
Ой Дид-Ладо выпустим.

— А мы коней перейдем,
Ой Дид-Ладо перейдем.

— А чем же вам перенять?
Ой Дид-Ладо перенять?

— Шелковым мы поводом,
Ой Дид-Ладо поводом.

— А мы коней выкупим,
Ой Дид-Ладо выкупим.

— А чем же вам выкупить?
Ой Дид-Ладо выкупить?

— А мы дадим сто рублей,
Ой Дид-Ладо сто рублей.

— Не надо нам тысячи,
Ой Дид-Ладо тысячи.

— А что же вам надобно?
Ой Дид-Ладо надобно?

— Нам надобно девицу,
Ой Дид-Ладо девицу.

С одной стороны девушка переходит на другую:

— Нашего полку убыло,
Ой Дид-Ладо убыло.

— Нашему полку прибыло,
Ой Дид-Ладо прибыло⁶.

*Литография мастерской
Ивана Гольшева. Мстера. 1871.*

Вкусная каша — «петровщина».

А с утра — сено страдать.

Заклинают, ворожат, сеют, урожай собирают, любят, женятся, род продолжают — все можно выразить языком народной хореографии. До чего удивительна, оказывается, природа этого праздника — Горки! Вся жизнь крестьянская со всеми представлениями и образами, трудом и отдыхом, горестями и радостями вплелась в ее хоробы и песни. А ведь это не просто череда игр и хорободов, это — настоящий театр, в котором действие не оторвано от реальной жизни.

И вдруг степенность Горки сдуло первыми же звуками гармонии: кадрили, пляски, частушки — все парчовое великолепие смешалось в их вихре, как в калейдоскопе. Представление было окончено, занавес опущен, и былую размеренность прорвала лавина народного веселья. Где-то далеко-далеко за синим прозрачным лесом садилось, провожая Горку прощальными отблесками, солнце. Горка не умолкала до петухов и лишь под утро стала растекаться с тихими песнями по селу.

А утром Усть-Цильма вышла «страдать сено» — кто с косами, а кто и с архаичными «горбушами» — нечто среднее между серпом и косой. Многие в нарядных сарафанах. Лица были уставшие, но и счастливые — как бывает, когда в душе народа живет праздник. Такой же праздничный и солнечный стоял над Печорой день. В разгаре был июль-сенозорник.

¹ Ритуальные праздничные хорободные композиции — Горки — в старину были распространены по всему русскому Северу. Горки водили три-четыре раза в год, наперекор запретам и гонениям христианской церкви за их языческую родословную.

² «Столбы», «круг», «на две стороны», «на четыре стороны» («Иванов монастырь»), «долгая» («большая вожжа»), «плетень» — название шести основных фигур хорободного действия, сменяющих друг друга в строго определенном порядке и сопровождающихся хоробыми песнями, закрепленными за каждой фигурой.

Недавно в Усть-Цильме побывала московский хореограф Т. Неклюдова. Ее профессиональному взгляду открылись удивительные вещи, ускользнувшие от прежних наблюдателей. Оказывается, фигуры устьцилемских хорободов содержат сложную геометрическую символику, воплощающую единение человека и Вселенной, и в точности совпадают с узорами ритуальной резьбы на старинных русских прялках.

«Геометрические построения Горки, — пишет Неклюдова, — будто вычлениют из ритуального места... еще более священные зоны, очерчивая их кругами, линиями, четырехугольниками, спиралями. Как будто невидимая рука чертит эти фигуры, и мир покоя и красоты, вселенской гармонии нисходит на землю в образе горочного хорободного действия. Фигурные построения хорободов доносят до нас древние представления о совершенстве космоса, красота которого выражена гармонией и числом».

³ Песня «Бояре, вы зачем пришли...» — известна как детская хорободная игра. Многие древние ритуалы «выбора невесты» сохранились в неприкосновенности именно в детских играх.

⁴ «Петровщина» — варка каши на Петров день (12 июля), ставшая теперь забавой, — отголосок старинного поминального обряда, жертвоприношения предкам. В этом обычае сохранились следы древнего представления о том, что души умерших вселяются в птиц; поэтому и еда здесь «птичья» — крупа, каша. Важно, что поминальная трапеза происходит «за рекой»: в фольклоре переправа через реку — синоним путешествия в страну мертвых. Не случайно и то, что петровщину варят ночью. Считалось, что это время, когда стираются грани между живым и загробным миром.

⁵ В песнях, а когда-то заклинаниях Горки просматривается несколько связанных между собой основных тем. Во-первых, это тема любви, свадьбы, брака. Во-вторых, тема сельскохозяйственных работ, урожая, которая является природным, космическим отражением земных свадеб. К ней примыкает и мотив воды, орошающей посевы («Я по реченьке потеку...», «Тига, утушка, домой...»). Знаменательно, что песни эти сопровождают спиральные хороводные фигуры — «плетень» и «большая вожжа». Еще у древних трипольцев (см. комментарии к главе «Трембиты зовут в горы») спираль была знаком воды; девушка здесь именуется «утушкой», «лебедушкой».

⁶ Известная хороводная песня «А мы просо сеяли...» (тоже ставшая сейчас детской игрой) — образец прекрасно сохранившегося сельскохозяйственного обряда-заклинания, обращенного к древней славянской богине оживающей и рождающей природы — Ладе. В славянском пантеоне Лада и ее дочь Лёля, олицетворяющая весеннюю растительность, играли ту же роль, что в греческом — Деметра и Персефона. А имя «Лада» возводится к еще более древнему божеству — греческой Латоне (Лето), матери Артемиды и Аполлона.

Припевное обращение «Дид-Ладо», неподходящее на первый взгляд для божества женского пола, нашло себе объяснение в литовском фольклоре, где богиню всегда именовали «Дидис Ладо», то есть «Великая Лада». По-видимому, от литовцев это наименование Лады и перешло к славянам.

Первоначальный смысл обряда «А мы просо сеяли...» состоял не в борьбе двух враждующих партий — трудолюбивых землепашцев и задиристых конников. Просто таким примитивным способом производился в старину обмолот собранного в снопы проса: по нему ездили на лошадях или волах.

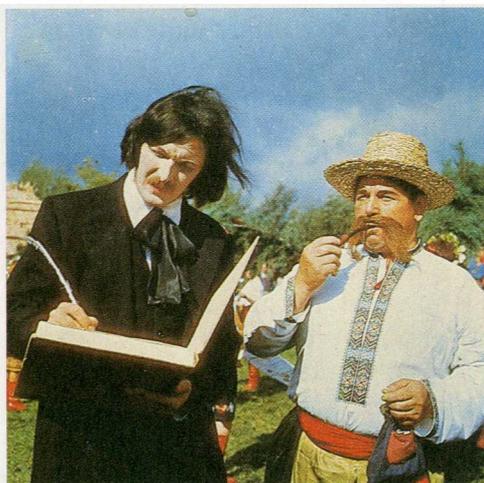
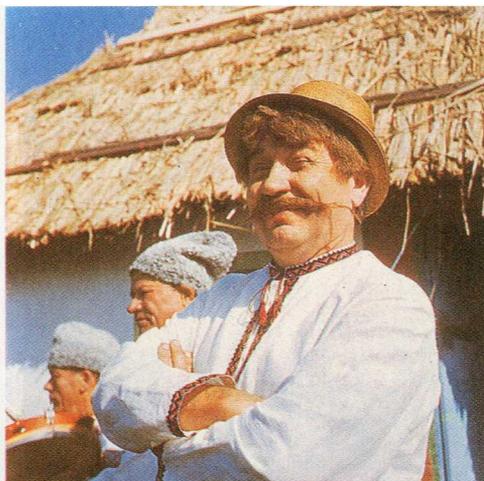

С первой покупкой!

В Сорочинцы, на ярмарку

«...Дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом, поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку... Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется сучая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши... Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами».

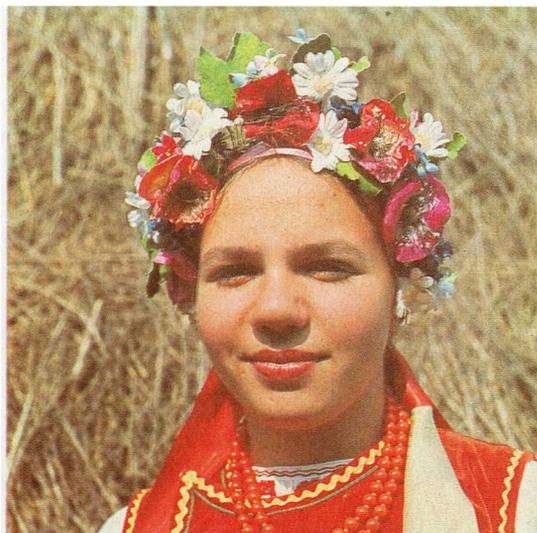
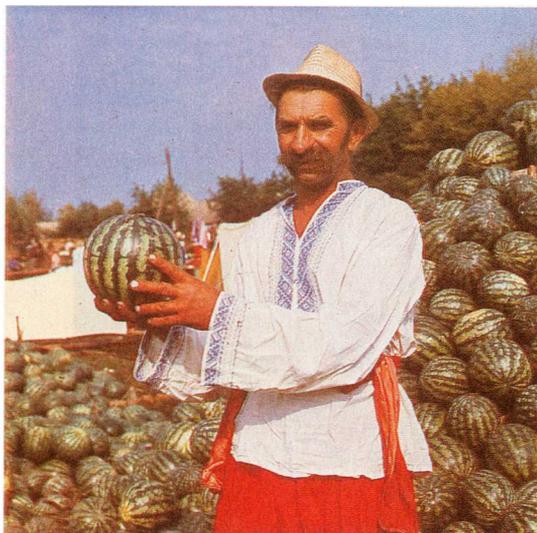
Как решиться, где взять смелости, из какого родника черпать слова, чтобы после Николая Васильевича Гоголя рассказать о Сорочинской ярмарке¹, о великой, благодаря ему и знаменитой всему миру Сорочинской ярмарке! Ведь кто же не читал про то, как здесь «весь народ сростается в одно огромное чудовище и шевелится всем своим туловищем на площади и по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит»? Кто не помнит красавицу Параску («Ай да дивчина!») — дочку простоватого Солопия Черевика, впервые приехавшую на

Не бывает ярмарка без лукавства и удалства.

Персонажи...

...и автор.

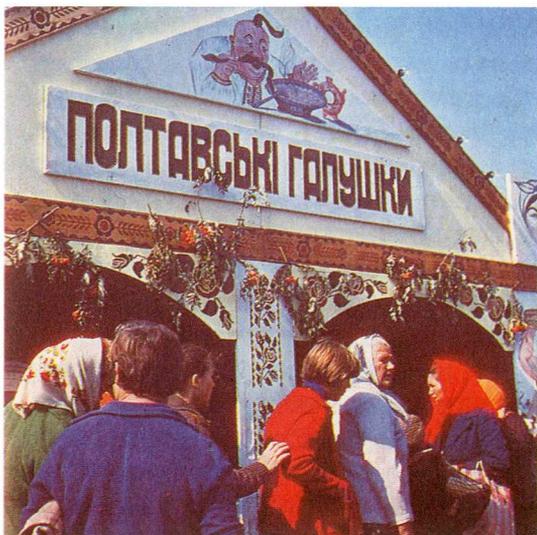
великое торжище с отцом и сварливой мачехой Хиврей, или цыгана с его проделками, или наводившую ужас на гостей ярмарки красную свитку?

Полтора века минуло с того дня, когда «пасичник Рудый Панько» населил Сорочинскую ярмарку своими незабываемыми героями, комичными и трогательными персонажами, такими живыми, что без них ярмарку и представить себе невозможно.

И вот снова, как и полтора века лет назад, гремит, грохочет, движется черная, лоснящаяся от обильно пролившегося дождя, земля в Великих Сорочинцах. Мнут ее лошадиные копыта, колеса повозок, а больше — шины несметного количества грузовиков, автобусов, автомашин, мотоциклов, велосипедов; стекаются из ближних и дальних сел, районов, городов, областей разноцветные людские ручейки. И кажется, никогда не утолит жажду томившаяся целый год в ожидании праздника огромная площадь.

Щедра, с размахом распластанная от края села до горизонта, она глотает, вбирает в себя эти потоки, уплотняется, зреет, наливается силой и голосом. Площадь шевелится, галдит, толкается, но пока еще только опробует ваш неопытный взгляд и слух: мол, вот какая я, приехал — так смотри, изумляйся, больше такого нигде не увидишь и не услышишь. Кивните ей для приличия — все же вы гость, но на уловку не поддавайтесь. И не подавайте виду, что ошеломлены этим столпотворением, толкотней, нескончаемыми рядами расписных лавок, шатров, киосков, лотков, количеством и разнообразием товаров, заманчивым ароматом бесчисленных галушечных, яркостью, пестротой дивного зрелища.

Нет, вы человек бывалый и должны прекрасно понимать, что это еще не ярмарка, что ярмарка еще не началась! Она еще

Кому ковунчик?

«Ай да дивчина!»

Отведайте сорочинских галушек!

Купить на ярмарке есть что.

только ходит, присматривается, приценивается, притирается, прихорашивается, она еще словно настраивающийся оркестр.

А как же узнать, когда она начнется по-настоящему? Да очень просто: когда площадь, наполненная до краев полумиллионом продавцов, покупателей, любопытных и любующихся, приехавших на людей посмотреть и себя показать, готова будет расплескаться, как чаша с водой, если в нее упадет еще хоть одна капля, и когда ни единому отдельному звуку не под силу будет вырваться из общего гомона — вот тогда и начало ярмарки. Тут уже не теряйтесь, если не хотите, чтобы простыл ваш украинский борщ, чтобы ваши галушки съел кто-то другой, если не хотите пропустить Великий Сорочинский Праздник.

Ведь не подумали же вы в самом деле, что народ съехался сюда со всей Полтавщины, да что там — со всей Украины только для того, чтобы купить себе индюка, связку лука, дыню или картуз. А если подумали, то ни с кем своими мыслями не делитесь — засмеют. И поросенка, и костюм ладный, и туфли, и глиняный горшок можно купить здесь за сто шагов от дома, а в крайнем случае в ближайшем крупном селе.

Да только разве будет с такой же радостью носиться платье из магазина, чем пусть такое же точно, но купленное в пылу ярмарочного зенита под звон цыганского бубна и восхищенные взгляды статных парубков! А скажите, равно ли будет купить арбуз в городском фруктовом ларьке или разломить надвое с хрустом выбранный для тебя гарной дивчиной тугой полосатый кавун и наслаждаться его сахарно-алой мякотью, глазае вместе с сотней других на горшечный ряд, где рябит от глазурированной посуды — макитр, збанков, горщиков, завитых глиняных барашков с пробками на загривке, свистулек, бочонков и еще невесть каких разностей. Одним словом, ярмарка есть ярмарка, недаром, наверное, их в начале века в одной только Малороссии было больше двух с половиной тысяч. Любит народ собраться гурьбой, почувствовать этот ярмарочный беззаботный дух, дать волю радости и веселью.

А купить на нынешней ярмарке есть что. Богато родит теперь полтавская земля даже в негожее лето. Раскинулись вокруг ярмарки по-хозяйски ухоженные черноземы, не простые, а «бесплужные» — не пахут их теперь земледельцы, только боронят — перешли на прогрессивный метод. И села вокруг не бедные: на свадьбу, что решили сыграть на ярмарке доярка колхоза имени Чапаева Любовь Канцибер и механизатор колхоза «Переможець», Миргородского района, Иван Мирошниченко, подарили им родные колхозы мебельный гарнитур, телку, поросенка, птицу — на обзаведение хозяйством.

С чего же начать? Подскажу и тут, так как приехал на ярмарку спозаранку и знаю, какой товар нынче самый ходкий. В лавках его уже не ищите — разобрали. Приглядите лучше

грузовик на подъездах, у которого народа больше, чем у других, он еще ползет и догнать его — не задача, смело ныряйте в толпу, проберитесь к самому борту, и купите добрые, крепкие сапоги. Они всегда потом пригодятся, а сегодня, после обильного дождя, без них просто никуда, сегодня они — пропуск во все потаенные уголки ярмарки.

Ну вот, с первой покупкой! Зачин сделан, теперь вас никто не примет за зеваку. Смело в путь. И не удивляйтесь, если среди торговых рядов, в огромном сорочинском лабиринте вам вдруг встретится Солоха или в пруду вдруг увидите Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, по плечи в воде пьющих чай из самовара. Не удивляйтесь — что ж тут такого, лучше смотрите под ноги, чтобы не наступить ненароком на страшную красную свитку. Ведь на то и вскипает всякий раз на закате лета, когда собран урожай, Сорочинская ярмарка, чтобы всех, кто пришел на нее, наделить на весь год доброй жменей юмора, лукавства, лихости и удалства.

¹ Я р м а р к а — один из древнейших наших праздников. По мнению известного советского этнографа В. Г. Тана-Богораза, он возник еще в конце каменного века. В те времена торговля была делом трудным и опасным. В условиях непрекращающихся войн между племенами покинуть родное поселение и отправиться куда-то к чужим, а стало быть, враждебным людям — значило подвергать себя смертельному риску. В то же время обмен товарами стал жизненной необходимостью для всех. Так и возник обычай проводить межплеменной торг в определенные дни и в определенном месте.

Время и место проведения торга считалось священным для всех его участников. На эти дни объявлялось Великое перемирие (как позднее в Древней Греции во время Олимпийских игр). Сам процесс торговли был для древних чем-то сродни колдовству. Товарообмен был не просто сделкой, но и таинством; совершая его, люди призывали на помощь небесные силы. В Древнем Египте покровителем торговли был Тот — бог мудрости, научивший, согласно мифологии, египтян письму, счету, ремеслам. А вот древнегреческий Гермес, бог торгующих и путешествующих, был по совместительству богом плутовства: удачный обман при торговой сделке не считался у греков чем-то зазорным. Да и что считать обманом? Про Гермеса рассказывали, что этот плут еще во младенчестве выменял у Аполлона стадо коров за черепаший панцирь с натянутыми на него струнами — но так ли уж проиграл Аполлон, став владельцем первой в мире лиры?

И по сей день ярмарка приносит с собой особое, приподнятое, радостное — словом, праздничное мироощущение. Совсем недавно еще ни одна ярмарка не обходилась без балаганов, в которых выступали фокусники, без Петрушки, без каруселей и других развлечений.

Итак, ярмарка — не просто праздник торговли. Это еще и праздник мира, праздник лукавства и мудрости, мастерства и изобилия. Не являясь строго календарным, он тем не менее занимает свое законное место в крестьянском сельскохозяйственном цикле, отмечая собой главный итог года — сбор урожая.

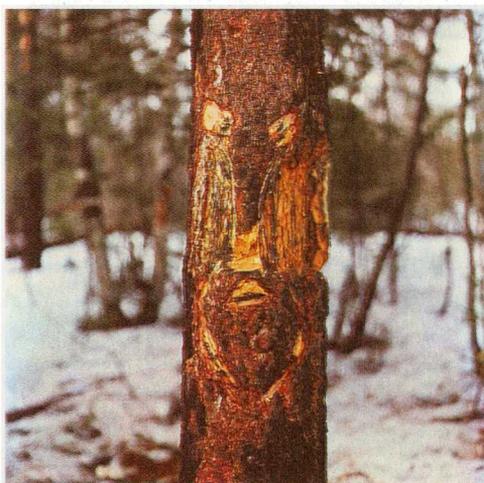
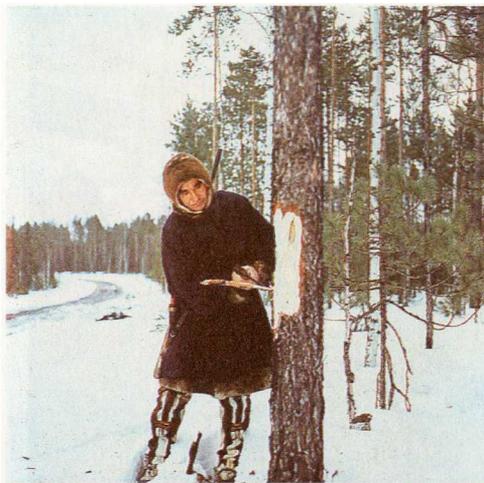

Встреча грозного предка.

Предания медвежьего следа

Звенят по снежному насту полозья легких нарт, мчат нас берегом Ляпина, самого рыбообильного притока Северной Сосьвы. Быстро бегут олени, поводя ноздрями в сторону синих зубцов Урала на горизонте, откуда дует свежий «ветер каслания»¹. Мы летим, зарывшись в меховые доспехи, к таежной хозяйке — волшебнице миснэ². Богиня ожидания, она приютит в своих владениях и уставшего охотника, и продрогшего путника. Но как найти ее дом в этой лесной сказке со священными деревьями, на которых вырезаны таинственные личины? Как услышать ее зов? Быть может, он в этом скрипе полозьев или свисте ветра в лицо? А может быть, нужно искать миснэ не под покровом снежного леса, не в шуме кедров, а в тепле домашнего очага, в песнях мансiek, поддерживающих это тепло, чтобы обогреть ушедших на охоту или рыбалку мужей и сыновей?

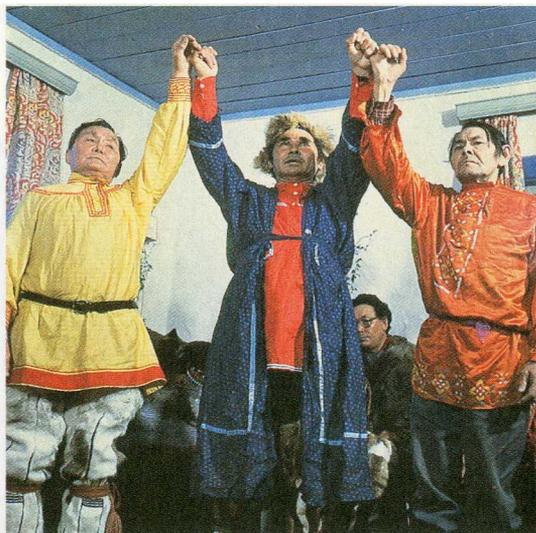
Мы спешим с мансийским поэтом Юваном Шесталовым на главный охотничий праздник — самый архаичный и таинственный из всех, что сохранились у народов нашей страны, — на Медвежьи пляски, или игры, как называют его

Охотник Петр Юхлымов.

«По тайге легенды бродят...»

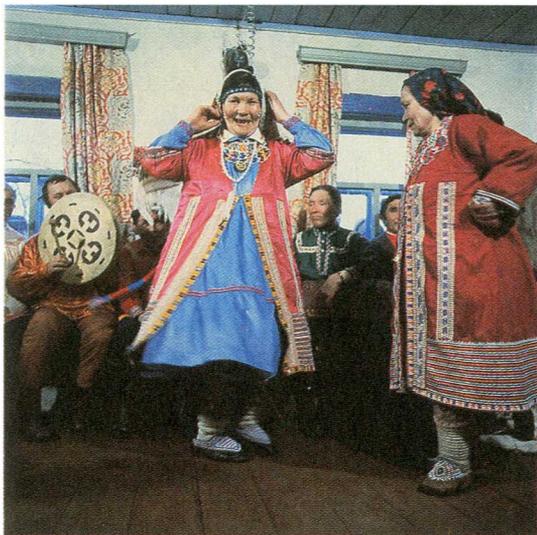
Священное место.

манси³ — маленький народ охотников, рыбаков и оленеводов, живущий в северной сибирской тайге. Именно об этом празднике писал Л. Н. Толстой: «...недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в олени шкуры, изображают один — самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый голосом изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен, жметя к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства».

Этот праздник нельзя предсказать или вычислить по календарю, ведь чтобы он состоялся, должен быть убит медведь. «Убит медведь» — манси никогда бы так не сказал: зачем поминать все имя хозяина тайги, своего великого предка, услышит — обидится. Лучше сказать «вортолнут» — «в лесу живущий»⁴:

По тайге летают сказки,
По тайге легенды бродят,
Как охотники медведя,
Встретив, хитростью «низводят».
В деревнях расскажут манси,
Как медведя «опускают».
Но никто сказать не смеет,
Что медведя — убивают...

В шаманском наряде Юван Шесталов.

Охотничья пантомима.

Праздник в разгаре.

Коггистому Старику — всяческие почести.

*Давно не видели в этих краях
Медвежьего праздника. ▶*

«Низведен» медведь, «опущен»,—
Он поддался ненароком,—
Голова его большая
На столе лежит широко.
И тогда его мужчины
Как героя восхваляют,
Духом леса называют,
Куньей песней развлекают,
Птичьей пляской провожают⁵.

Эти стихи Ювана Шесталова, полотна его замечательных земляков-художников Константина Панкова и Геннадия Раишева, таежные предания и легенды, книги историков и этнографов завораживали, звали в даль расстояний и времен, манили на древний праздник, в котором природа возвращает человека в свое лоно, в свой миропорядок, и он вновь сливается с нею за масками зверя.

Конечно, с высоты полета над тайгой весь этот мир лесных тайн можно охватить теперь одним взглядом вместе с новыми городами, нефтяными вышками и газопроводами. Предания медвежьего следа вплетаются тонкой нитью в огромное пестрое сказочное полотно других времен и народов, а в далекие века и былые обряды невольно заглядывает свет сегодняшнего дня.

Немало лет прошло с тех пор, как видели в этих местах настоящий Медвежий праздник — живы были тогда еще старики, знавшие весь сложный сценарий представления, все его песни и причуды. Игрались Медвежьи пляски после удачной охоты и позже. Играются редко и сейчас — в сильно упрощенном виде. И вот задумано было восстановить этот полузабытый праздник, пригласить на него в село Сосьвинская знатоков и лучших исполнителей ролей Медвежьих игр со всего Ханты-Мансийского автономного округа, а это по площади — почти вся Украина⁶.

Для такого случая из самой просторной избы, как положено, вынесли все лишнее. В передний угол поставили «священный» стол, на котором будет возлежать медвежья голова. Для украшения комнаты и стола использовали неперменные атрибуты праздника — узорчатые берестяные короба, орнаментированные изделия из оленьего меха и бисера, а местный школьный музей народного искусства предоставил лучшие экспонаты — обрядовую медвежью люльку, резную деревянную посуду, великолепный старинный мансийский инструмент со струнами из оленьих жил — санквълтап, что значит «звенящий». Родственный финскому и эстонскому кантеле, схожий с нашими гусями, он, вероятно, является одним из древнейших музыкальных инструментов. Игра на нем неизменно сопровождала Медвежьи пляски, шаманские камлания⁷, а из мансийских сказок извест-

но, что волшебный санквилтап делает всеильным того, кто владеет им⁸.

Хотя Медвежьим пляскам свойствен довольно строго определенный порядок, но, как и на всяком народном празднике, его участникам представляется возможность импровизации, неожиданных сценок, острых шуток — они-то и придают ему ту злободневность, которая соединяет древние обряды с сегодняшней жизнью.

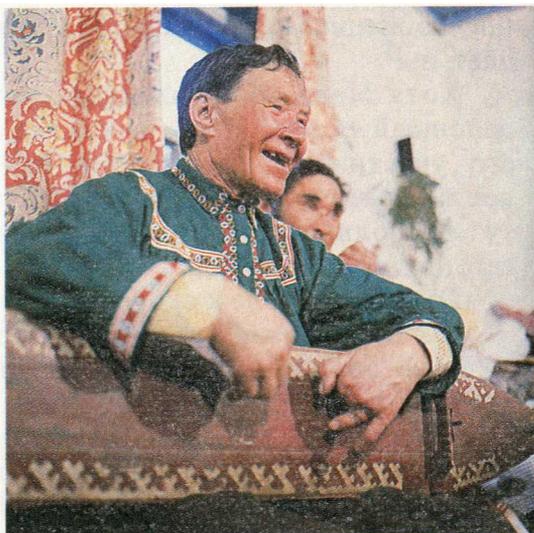
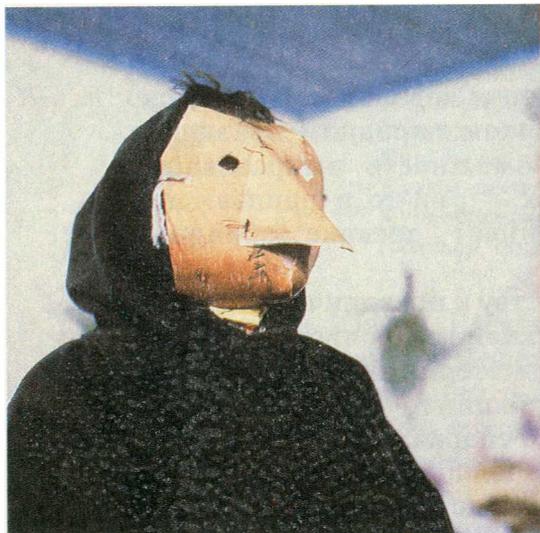
Готовили в селе к скорому торжеству и праздничную одежду.

Полотно в этих краях когда-то ткали из прочного и теплого волокна крапивы. Теперь, конечно, материя покупная, но покрой остался традиционным: для женщин — длинное, прямое, сшитое рубахой платье — цветное, со сборками у кокетки, рукава с манжетами тоже присборены, по подолу вышита кайма. Но самое красивое в этом наряде — расшитые разноцветным бисером нагрудные украшения. Мужчины носят такого же старинного покроя рубахи — длинные, навывпуск, подпоясанные цветной тесьмой, с узорчатой кокеткой и аппликациями из мелких треугольничков.

Замечательно красива и верхняя одежда манси — шубы-ягушки, а также обувь, особенно меховая: кисы — высокие мягкие сапожки из оленьей шкуры, отделанные орнаментом из камуса — меха на ногах оленя.

...И вот настал наконец долгожданный миг, когда подкатили к крыльцу нарты, в которых на разостланной медвежьей шкуре красовалась клыкастая голова хозяина тайги. Праздник начался! Встречать нарты собралось полсела. Прогрели семь положенных выстрелов, и замелькали в воздухе снежки — в целях очищения необходимо обрызгать друг друга водой или осыпать снегом. Ведь встречают не простого зверя, а грозного предка, который может возродиться после смерти, и, чтобы душа убитого вортолнута не принесла людям вреда, нужно очиститься перед ней, а затем умилоствовать ее, задобрить — в этом традиционный смысл Медвежьего праздника. Голове оказывают всевозможные почести — к ней наклоняются для прощания, ее бережно вынимают из саней, торжественно передают с рук на руки и с ритуальной борьбой у двери вносят в дом, где водружают на «священный» стол среди яств — хлеба, печенья, конфет, рыбы, оленьего мяса. Перед ней ставят блюдо с курящейся чагой — целебным березовым наростом: это тоже обряд очищения.

Почетные места с обеих сторон стола занимали раньше старик — руководитель праздника или шаман и охотник, который «привел» на праздник «в лесу живущего». В costume шамана сегодня Юван Шесталов. По правую руку от него — один из лучших охотников — Петр Иванович Юхлымов. Дальше вдоль стен сидят на лавках помощники охотника, музы-

канты, зрители. Центр комнаты свободен для танцев и представлений.

Густая бахрома шаманской шапочки скрывает лицо Шесталова, в руках у него появляется бубен, в который он бьет все быстрее и быстрее. Вот «шаман» выходит в круг, и начинается таинство древнего танца. Наверное, туда, ввысь, на седьмое небо стремится попасть он — в обитель творца мира великого Торума⁹, сыном которого был медведь. Очень давно, когда люди не умели еще добывать огонь, жил медведь вместе с отцом за облаками и, видя оттуда землю, менявшую свой наряд с белого на зеленый, думал, что жизнь на земле интереснее, чем среди звезд. Трижды просил медведь своего могущественного отца отпустить его на прогулку вниз, пока тот не согласился и спустил сына в люльке на землю. Проголодался медведь на земле, стал проситься обратно, но родитель бросил ему лук, стрелы и огонь и повелел жить на земле, добывая себе пищу, и чинить справедливый суд над теми, кто творит зло. А в случае, если сам сын поступит несправедливо, то человек учинит расправу над ним. Медведь не внял предупреждениям отца, много натворил бед. Убил его один из семи братьев-охотников, забрал у него лук, стрелы и огонь, которыми с тех пор и стали пользоваться люди. Так рассказывает легенда.

Теперь медведя «убил» охотник и лучший исполнитель обрядовых песен на Медвежьих праздниках Петр Юхлымов — ему первому и извиняться за это перед головой, просить у нее прощения. Поэтому, согласно обычаю, он встает и обращается к Когтистому Старика: «Ты прости, это не я тебя убил, это ружье мое выстрелило, а его, ты же знаешь, сделали не мы. Так что убили тебя нечаянно, больше такого не случится». Под осуждающим взглядом медвежьих глаз вступаются за своего

Таежный маскарад.

Звонит струнами санжвытлап.

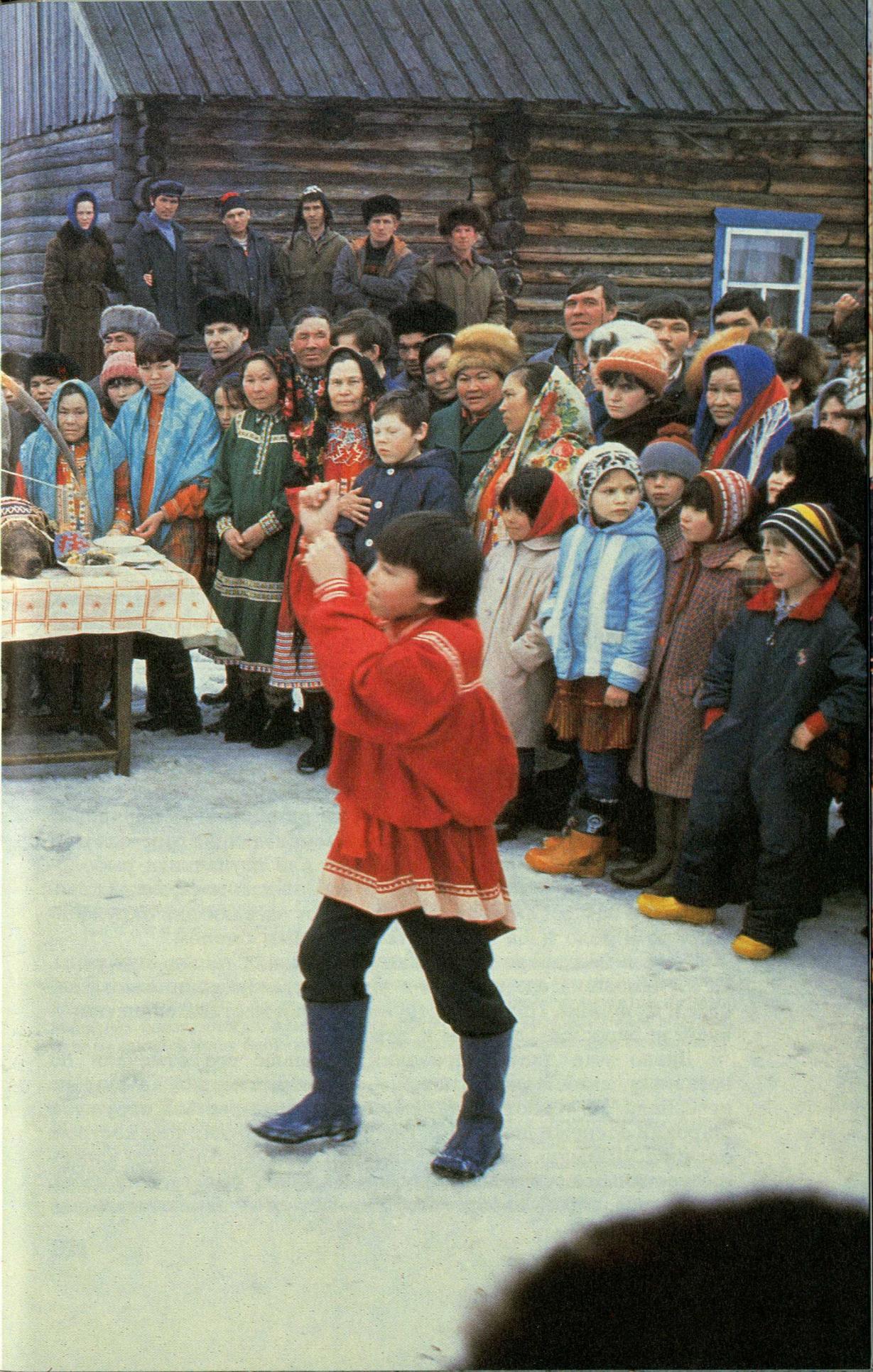
Торумов огонь.

*«Голова его большая
на столе лежит широко...»*

И падал замертво «лось». ▶

друга и остальные охотники. Юхлымов поет длинную протяжную охотничью песню, а затем три охотника исполняют обрядовый танец, из которого мы узнаем про медвежье житье-бытье на небе и на земле, узнаем обо всех перипетиях охоты — как выследили и подстергели зверя, как убили его семью стрелами. Магическая цифра неизменно сопровождает все обряды праздника и заставляет вспомнить Большую Медведицу с ее семью звездами¹⁰.

После ритуальной части начинается костюмированное представление: звенит санквылтап, скачут, вертятся, курлыкают, кудахчут фигуры в берестяных масках с длинными острыми носами, изображая ставящего капкан охотника, вытягивающего сеть рыбака, лесных жителей, оленей, петухов.

Архаика перемежается с днем сегодняшним — обрядовые песни сменяют комические сценки, высмеивающие горе-охотников, попавших в собственный капкан, или неудачника-рыболова, провалившегося в полынью. В небольшом поселке каждый на виду, и намеки актеров не составляют загадки для окружающих: то и дело изба оглашается дружным смехом.

Если в маскараде выступают, по обычаю, только мужчины, то в сменивших его плясках с удовольствием принимают участие и женщины. Поют под струнные звуки местные солистки — вначале взрослые, а затем и девочки.

Давно уже длится праздник — раньше его отмечали по несколько дней, точнее, ночей, — а программа далеко еще не исчерпана. Из тесноты избы ему пора уже вырваться наружу, в широкий заснеженный двор, где варится в котлах над костром оленина. «Шаман» поджигает спичкой соломенный хвост «лисе» с берестяным носом, и та с шумом и криком выбегает из избы, увлекая за собой народ. Что означает этот заключительный

обряд, никто из присутствующих не помнит, однако в образе красной лисы в мансийских сказках выступает огонь, полученный людьми от сына Торума.

Выйдя из тепла избы во двор, праздник не убавил пыла, и представление продолжалось: скакали в людском кругу «олени» в розовых платьницах, натягивал тугой лук охотник, и падал замертво «лось» в красной шелковой рубахе, читал свои стихи о родном крае и его жителях Шесталов. Вынесенная на улицу мохнатая голова покоилась теперь на столе в окружении посуды с вареной рыбой, дымящейся олениной и другими блюдами, приготовленными для всех пришедших на праздник.

Из какой дали времен и стран пришел этот таежный карнавал? Может быть, он родственен белорусскому празднику «комоедицы», на котором крестьяне, нарядившись в вывернутые наизнанку шубы, исполняли ритуальный танец, подражающий движениям просыпающегося от зимней спячки медведя? Или весеннему медвежьему празднику древних греков «комедиен» («комос» по-гречески — «медведь»), к которому, как считают, восходят и славянские «комоедицы», и современное название — «комедии»? А может быть, он уводит к древнейшим ритуалам, происходившим в священных «медвежьих» пещерах времен палеолита? Ведь культ медведя возник на заре человечества как культ возрождения всего живого, и вполне вероятно, что медвежьих ритуалы неандертальцев, схожие в деталях с культом медведя у сибирских народов, — это вообще первые праздники человека¹. Но об этом может поведать только миснэ...

¹ «*Ветер каслания*» — это художественный образ из лирической повести «Синий ветер каслания» (1964) мансийского поэта Ювана Шесталова. К а с л а н и е — перегон оленьих стад на новое пастбище.

² М и с н э — это слово не является именем собственным; миснэ (мись, мис-нэ), по преданиям, — добрые лесные великанши, часто помогающие людям, в особенности богатырям-отырам. Иногда миснэ становятся женами небесных богов, иногда женами героев-отыров. Это волшебницы и ведуньи, напоминающие нашу бабу-ягу, но без ее враждебного отношения к человеку.

³ М а н с и — небольшой народ, около 7 тысяч человек, живущий в основном в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области. Манси и их ближайшие родственники ханты являются коренным населением западно-сибирской тайги. Еще несколько столетий назад территория манси распространялась гораздо дальше к западу, но более сильные и воинственные племена коми-зырян оттеснили их в Зауралье. В XVI веке манси были данниками сибирского хана Кучума, воевавшего с Ермаком. После

поражения Кучума земли манси вошли в состав Российского государства. Прежнее название манси — вогулы.

Несмотря на крохотную численность манси и удаленность их от основных событий мировой истории, судьба этого народа представляет огромный интерес. Ведь манси — представители обширной финно-угорской языковой семьи. В начале новой эры охотничьи племена, говорящие на финно-угорских языках, занимали огромные территории лесной и лесотундровой зоны Восточной Европы и Западной Сибири. В Прибалтике жили предки нынешних эстонцев, финнов, карелов, на севере Скандинавии — саами-лопари, по Волге и Оке — многочисленные народы, известные нам из русских летописей: меря, мурома, арзамас, мещеряки и др. (предки современных марийцев, мордвинов, удмуртов). А ближайшими языковыми родичами ханты и манси являются венгры, пришедшие в Европу в IX веке с волной кочевников — переселенцев из Азии.

В культуре, этнографии, народных верованиях многих угрофинских народов сохранились черты глубочайшей древности, не знавшей земледелия. В эпоху мезолита огромные территории, освободившиеся от ледника и покрытые заболоченной тундрой, осваивались охотниками на мамонтов и северных оленей. Когда же эти территории заросли непроходимыми лесами, человек проник и туда и даже отважился выходить с копьем и рогатиной на грозного хозяина леса — медведя.

⁴ У многих народов мира медведь считается ближайшим родственником человека, а зачастую его предком — тотемом. Таковы, в частности, верования многих сибирских народов и индейцев Северной Америки, у которых сохранились пережитки родового строя и сопутствующего ему тотемизма. В состав этих племен входит «род Медведя», то есть люди, считающие медведя своим предком. Есть такой род и у манси. Видимо, в каменном веке представление о предке-медведе было повсеместным. Именно поэтому медвежья охота обставляется множеством ритуалов, направленных на то, чтобы умилостивить убитого зверя. Отсюда же происходит и запрет — «табу» — на произнесение имени хозяина леса. Этот запрет отразился и в русском языке: наши предки боялись называть страшного зверя по имени (услышит и придет!) и именовали его описательно — мед-в-едь, то есть «едающий (или ведающий) мед».

⁵ Песни и пляски у охотничьих народов часто сохраняют отпечаток первоначального, магически-ритуального смысла. Они представляют собой пантомиму, в которой «актер»-рассказчик изображает зверя и охотника, или — того и другого вместе. Танец или песня, имитирующие удачную охоту, предопределяют удачу в охоте реальной. Что же касается «птичьей пляски», то это — шаманская пляска: подобно птице, шаман поднимается в верхний мир, к небожителям, дабы добиться от них желаемого.

⁶ В 1960-е годы в Ханты-Мансийском автономном округе были обнаружены крупнейшие в нашей стране месторождения нефти и газа. Тихая таежная окраина Сибири ныне превратилась в густонаселенный промышленный район.

⁷ Ш а м а н с к и е к а м л а н и я — см. комментарий к главе «Когда кони исчезают в травах».

⁸ Волшебный санквылтап родствен, по-видимому, чудесному кантеле Вейнямейнена, главного героя карело-финского эпоса «Калевала». С помощью своих песен Вейнямейнен создавал мир, строил первую лодку, побеждал злых духов и т. д.

⁹ Т о р у м (Нуми-Торум) — «верхнее божество» — глава богов в мифологии хантов и манси. По преданию, он живет на «седьмом небе» в огромном светлом доме, наблюдая за порядком на земле через отверстие в небе. Через это отверстие в люльке на железной цепи и был спущен вниз его непослушный сын Консыг-ойка — «Когтистый Старик» — первый медведь на земле, ставший предком людей мансийского рода Пор.

¹⁰ Число «семь» — священное у манси, как и у многих других народов. Так, например, в мифологии хантов и манси верховное божество Торум имеет семь сыновей, которые управляют человеческими делами.

¹¹ Глубочайшую древность культа медведя подтверждают и данные археологии. Раскопки показывают, что еще десятки тысячелетий назад неандертальцы устраивали рядом со своими стоянками специальные «медвежьи кладбища» — пещеры-святилища, в которых они хоронили головы и лапы убитых медведей. Причина этого не ясна, но такое же особенное отношение к медведю прослеживается и в «Медвежьих праздниках» народов Сибири, и в почитании русскими крестьянами еще в прошлом веке «скотьего бога» — высушенной медвежьей лапы.

Самое поразительное в этом древнейшем культе человечества — устойчивость представлений, объединяющих «медвежьи святилища» палеолита с современными «Медвежьими праздниками», устойчивость, нашедшая отражение и в фольклоре.

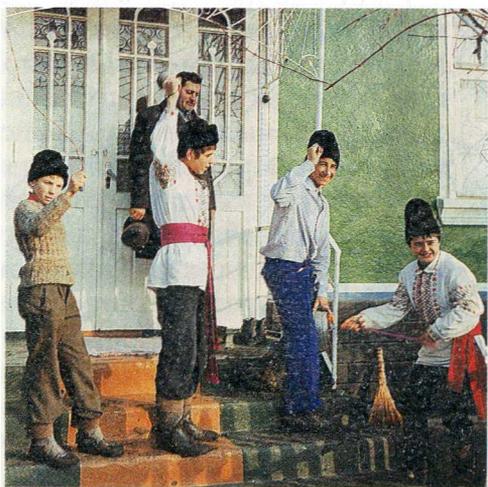
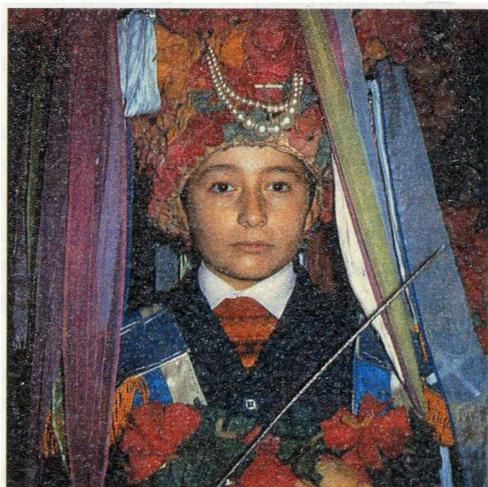

«Пусть не спится воеводе!»

Откройте дверь танцующей козе

«Хэй! Хэй! Вас поздравлять? Принимайте поздравляющих! Хэй! Хэй!» — кто стучит палкой по забору, кто извлекает невысказанной пронзительности звуки из старой гармони, кто дует во всю мочь в дуду. По улице течет, перекачивается пестрая масса с огромной, колышущейся на ветру гривой ярких разноцветных лент. Это группа парней в престраннейших одеяниях: на головах высоченные шапки-кивера, сплошь покрытые желтыми, розовыми, малиновыми цветами из поролона и блестящей ткани — когна из цветов втрое больше головы. С этого удивительного головного убора бахромой свешиваются до земли шелковые ленты, развевающиеся при ходьбе цветастым веером. Серебряный — из картона и фольги — пояс перехватывает стан, от него под роскошные погоны уходит перевязь. На груди у каждого сверкающие и звенящие доспехи из латунных дисков, на поясе — меч, в глазах — огонь радостного возбуждения.

«Хэй! Хэй! Принимайте поздравляющих!» — такой призыв, подкрепленный внушительным видом напористой ватаги, миг открывает двери домов. Да и как не открыть —

Принимайте поздравляющих!

У новогодних пьес всегда счастливый конец.

Плугушорул.

ведь этот великолепный маскарад предназначен для всех жителей села и для каждого в отдельности. Никого нельзя пропустить и не пожелать счастья и изобилия в наступающем году. Да и вообще в этот день, по старому преданию, двери, окна домов и ворота следует держать открытыми, чтобы выпустить отслуживший Старый год — седого, горбатого старика — и гостеприимно впустить нового владыку — героя и витязя. С почестями и надеждой на лучшее, на здоровье, на богатый урожай народ встретит юного богатыря и пожелает ему служить миру честью и правдой.

Праздник Нового года, отмечавшийся у молдаван в далекие времена весной, тысячелетней традицией связан с Землей-кормилицей. Это праздник в ее честь, праздник скорого ее пробуждения от зимнего сна, праздник соков земли, которые напоят природу и человека живительной силой. Этим надеждам, без которых человек существовать не может, он и посвятил самое большое свое достояние и богатство — свое искусство: песни, танцы, обряды. А на севере Молдавии и в некоторых селах Буковины живет еще на новогоднем торжестве древнейшее искусство лицедейства — театр, сцена которого — крестьянский дом, двор, сельская улица.

Кто откажется от веселого поздравления, кто не захочет закружиться в вихре шумной пестрой ватаги, одаривающей каждого добрыми пожеланиями — взрослых и детей, жениха и невесту!

Двери большого дома широко распахнуты перед поздравляющими. Озорная команда с шутками проходит в каза марэ — парадную комнату.

— Принимаете ватагу, дорогие хозяева?

— Конечно, принимаем!

Исполнители выстраиваются полукругом, и вперед выходит лихой и дерзкий искатель справедливости, народный освободитель гайдук Бужор — герой народной драмы «Ватага Бужора»¹, одной из самых любимых в селе Хилиуцы Фалештского района Молдавии. Представление начинается.

Турецкие солдаты, схватившие Бужора, требуют, чтобы он навсегда отказался от гайдучества, и грозят ему смертью в тюрьме. Бужор клянется своей молодостью, что не обидел ни одного бедного и ни одну из жен не сделал вдовой, а если встречал богатея или боярина, то судил его так: раздевал, отбирал деньги и бросал в яму. С грабителями же был еще строже.

У Бужора один ответ:

Предать товарищей?

— Нет!

Спрятать оружие за печь?

— Лучше голова с плеч!

В вихре смешиваются алые ленты, сверкают мечи. Любимый народный герой избегает неминуемой смерти, побеждает врагов и будет продолжать борьбу с иноземными захватчиками и их местными прислужниками-боярами.

Хэй!
Наш Бужор опять меж нами,
Мы расправимся с врагами!
Хэй!
Наш Бужор опять свободен —
Пусть не спится воеводе!
Хэй! Хэй!

Кроме «Ватаги Бужора», в Хилиуцах играют еще и «Ватагу Жияна», «Грюю — сына Новака» — сюжеты на темы гайдукского эпоса, пронизанного идеей борьбы с угнетением, несправедливостью, жестокостью. В новогодний праздник народ хочет видеть торжество справедливости и добра, он не допустит и не простит насилия и обид.

Хэй! Хэй! Разгоряченные, раскрасневшиеся от сабельной стычки актеры подхватывают под руки хлопающих в ладоши хозяйку, других зрителей и кружатся с ними по комнате в веселом танце — праздник должен быть праздником для всех!

Поздравление удалось на славу, и по традиции хозяйка приглашает всех к столу. Угощение замечательное, но засиживаться Бужору с ватагой некогда — за новогоднюю ночь и утро нужно успеть обойти село, всех поздравить, поэтому, наскоро подкрепившись и поблагодарив хозяев, дальше в путь. Хэй! Хэй!..

Длинна и темна новогодняя ночь в Хилиуцах — перед самым праздником растаял последний снег, над селом висит влажная туманная дымка, рассеивая свет фонарей и приглушая звуки. Из разных мест протянувшегося вдоль шоссе километра на четыре села доносятся веселые возгласы, взрывы смеха, звуки кнотов, трещоток, скрипки, колокольчиков, гармони — из дома в дом ходят ватаги Бужора, Жияна, Груи, цыган с медведем, старик со старухой, коза, турки, доктор, а с ними моши — непременные гротескные спутники представлений, комические персонажи в грубых жилетах из овечьей шкуры и масках с рогами и фасолевыми зубами². Сложные драматические действия обычно разыгрывают взрослые, отслужившие в армии парни. Коз, лошадок, медведей изображают подростки. Если изысканное великолепие костюмов главных героев народной драмы очень хорошо вписывается в интерьер каза марэ, украшенной домоткаными коврами, дорожками, вышитыми полотенцами, то нарочитая грубость одеяний мошей не вяжется с традиционным изящным убранством молдавского дома, поэтому их место — двор и улица, где они ограждают актеров от

излишнего внимания зрителей, отпуская в их адрес острые шутки. Кого только не встретишь на этом ежегодном новогоднем карнавале-театре!

Перед одним из домов появляются лошадки — двое юношей, закутанных в белые простыни, из которых выглядывают раскрашенные деревянные лошадиные головы на длинных шеях из серебряной фольги. У одной из лошадок на голове серебряный венец с подвесками. Это — невеста, а другая — жених. Появляются турок, солдат и матрос, которые поздравляют танцующих лошадок с Новым годом, желают им всю жизнь танцевать вместе.

А вот, пританцовывая, идет с медведем на ярмарку цыган и поет:

— Пошли, Мишка, на ярмарку.

Его встречает по дороге боярин:

— Эй, цыган, что это у тебя за чучело?

— Это не чучело, а медведь.

— А сколько он стоит? Полторы тысячи? Слишком дорого!

— Ну так иди дальше, ищи подешевле.

Вот и ярмарка. Боярин опять встречает цыгана:

— Может, сойдемся на тысяче?

— По рукам!

— А можно мне потрогать медведя? — просит боярыня.

Цыган разрешает, боярыня гладит зверя, тот рычит, и она падает без чувств.

— Что ты сделал с моей женой?! — негодует боярин. Но боярыня скоро приходит в себя и на радостях предлагает танцевать. Все пускаются в пляс.

Перед другим домом торговец продает лошадь. Крестьянин готов купить ее, но лошадь оказывается неподкованной. Зовут

«Жених» и «невеста».

*Коза и медведь. Народная гравюра.
Первая половина XIX в.*

Можно повеселиться и актерам и зрителям.

Сцена народного театра — сельская улица. ►

До утра ходят по селу ватаги. ►

кузнеца — цыгана. Тот принимается за работу, но лошадь лягает цыгана, и он умирает. Посылают за доктором, и тот оживляет незадачливого кузнеца. Вновь, как и в сценке с боярыней, как в несостоявшейся казни Бужора, здесь звучит мотив умирания-воскрешения, очень характерный почти для всех многочисленных и разнообразных сюжетов молдавского новогоднего фольклорного календарного цикла. Особенно ярко он проступает в представлении с козой.

А вот и она, грациозная, веселая, танцует и декламирует традиционные стихотворные поздравления хозяевам зеленого домика под соломенной крышей, что нынче уже редкость в молдавском селе среди больших добротных домов, крытых шифером. Ее сопровождает целая свита ряженных — старик и старуха, бродячие торговцы, цыган, поп и солдат, — дружно скандирующих:

Мы, парни этого села,
Чтоб жизнь была всем весела,
Вас поздравляем в Новый год.
Откройте дверь — коза идет!

Если желаете вывести зло,
Если хотите, чтоб в жизни везло,
Чтоб соки текли в виноградной лозе,
Откройте дверь танцующей козе.

По народным поверьям, черти чаще всего появляются в образе козы, и считается, что туда, где имитируется зло, настоящее зло не придет. Поэтому когда-то обрядовое хождение с козой, приуроченное к весеннему празднованию Нового года, должно было обеспечить хороший урожай и предохранить человека на весь год от всякой нечисти.

Бродячий торговец подтрунивает над козой, чтобы она танцевала, а сам обращается к старику со старухой с просьбой продать ее. После короткого торга коза продана, но идти с торговцем не хочет — упирается, бодается, бьет копытами. Разозлившись, старик ударяет строптивицу, и коза падает, притворившись мертвой. Старик и старуха причитают и плачут. Посылают за попом. Коза неожиданно вскакивает на ноги, прыгает, щелкая деревянными зубами, а довольные хозяева благодарят ее за поздравление и вкладывают в пасть несколько монет.

Почему все персонажи этого карнавала непременно умирают, чтобы тут же воскреснуть? Еще в глубокой древности люди устраивали праздничные мистерии культа плодородия, олицетворявшие связь животного с растительным миром, смерть природы зимой и ее воскрешение весной. Аллегорическое представление о гибели и расцвете растительного мира сложилось на самой заре человеческого общества, когда над

всем жизненным укладом властвовали патриархальные, кровные связи. В течение многих тысячелетий оно было стержнем главного мифа и связанных с ним обрядов и ритуалов у большинства народов. Боги и богини растительного мира и плодородия ежегодно умирали и вновь возрождались в человеческом или зверином облике в древних государствах Двуречья и в Египте, на Крите и в Греции, в Древнем Риме и средневековой Европе.

В разных случаях их роль предназначалась козе, лошади, быку. Например, на древнегреческом празднике — воскресении Диониса, — празднике весеннего пробуждения природы, на улицах селений появлялись многочисленные ряженые в козьих шкурах и с рогами.

Известно, что подобные празднования проводились и во Фракии — родине культа Диониса. На территории Молдавии чрезвычайно рано сложился центр земледельческой культуры, и в течение многих веков она находилась на перекрестке общения народов античного мира и Северного Причерноморья, Балканского полуострова и Восточной Европы. Благодаря исключительному историческому и этнографическому положению, в Молдавии сохранились пережитки и обряды древних эпох...

Но давайте посмотрим, какие еще сюрпризы ждут нас на сегодняшнем маскараде.

С соседней улицы слышатся звон колокольчика, шелканье кнута, странный, заунывный, похожий на рев, звук. Это плугушорул — обрядовая имитация пахоты. Четверо ребят в белых вышитых рубашках расположились живописной группой с небольшим деревянным плугом под окнами одного из домов, поздравляя вышедшую на шум семью.

Трещит трещотка, звенит, заливаается колокольчик, смеется паренек, изображающий пашущего быка. Немыслимой частоты звук извлекает самый странный на свете музыкальный инструмент — бухай, то есть «бык», — пустой бочонок без крышки с туго натянутой вместо днища кожей, через которую продет бычий хвост или пучок конских волос. Звук образуется за счет резонанса при натягивании пальцами волосков.

Ребята прокладывают по вязкому чернозему — что за зима без снега! — символическую борозду своим плугом. Они восхваляют в стихах это орудие землепашца, желают ему пахать глубже и лучше, рассказывают, из каких стран, из-за каких морей привезен этот плуг. И еще о том, как крестьянин посеял семена, как взошла и поспела пшеница — недаром молдавские новогодние обряды называют школой жизни! — как ее сжали волшебными серпами, как смололи в муку и выпекли калач размером с колесо телеги.

Улыбающаяся хозяйка в благодарность за поздравление жалуется плуэрашей витым обрядовым калачом очень внушитель-

ного размера. Паренек продевает сквозь калач руку, и веселая ватага отправляется со своим бухаем дальше: «Хэй! Хэй! Вас поздравлять?»

Интересно, представляет ли юный музыкант, какая история стоит за его инструментом? Ведь могучее животное, которое олицетворяет на современном празднике этот инструмент, не всегда представало на празднике пахоты в столь условном виде. Раньше по селу ходили парни, одетые в шкуры быка, и в глубокой древности живого священного быка водили по домам с пожеланиями благополучия и хорошего урожая.

Вновь, как лошадь и коза, бухай уводит нас с сегодняшнего празднества во времена далекие и легендарные, ибо культ священного быка у молдаван восходит к поклонению тому же верховному божеству Дионису, первоначально воплощавшемуся в образе именно этого животного. Культ быка был характерен для всего Средиземноморья. Поклонялись ему и создатели древней Трипольской культуры, существовавшей когда-то на территории, включавшей Молдавию. В «Описании Молдавии», составленном в XVIII веке Дмитрием Кантемиром, мы находим сообщение о том, что в крепости Сучава у основания башен был установлен каменный жертвенник с головой быка. На государственных монетах Молдавии в XIV—XVI веках чеканился бык с луной между рогов.

Поклонение приносящему плодородие быку было свойственно и славянским народам. В Польше и Галиции еще в XIX веке водили на Святках по домам парня, наряженного быком. Воспоминания о быке — яром туре, родиче древнеславянского божества Ярилы, сохранились и у русского народа. А в некоторых деревнях севера России и по сей день пекут под Новый год фигурки «коровушек», «козуль» и других животных, которые, как считается, должны обеспечить в наступающем году обильный урожай и прирост скота.

Причудливо видоизменяясь, превращаясь постепенно из жизненно важного для племени священнодействия в новогоднюю забаву, древнейший ритуал культа плодородия продолжает жить в сегодняшнем плугушоруле!

Соприкосновение в реальности с такой архаикой заставляет пристальнее взглянуть и на увиденных в эту сказочную ночь персонажей народного театра: гайдуцкого атамана, танцующую козу, бухая, которые предстают теперь в тесной родственной связи с древнейшими божествами плодородия.

...Солнечные лучи окончательно разгоняют утренний туман, утверждая не по-зимнему теплый день. От черной, влажной, словно уже готовой принять семена земли восходит пар. Первый день Нового года природа встречает в Хилиуцах весенним теплом, сбита с толку ревом бухая, который когда-то возвещал на новогоднем празднике приход весны.

●

¹ «Ватага Бужора» — молдавская народная драма. В Молдавии сохранилось множество такого рода новогодних представлений. Все они относятся к сложному интересному явлению — народному, или фольклорному, театру. В создании такого театра участвует все село: одни играют роли, другие готовят цветы и ленты. Когда же наступает праздник, зрители вместе с участниками спектакля ходят из дома в дом, всякий раз играя одну и ту же пьесу. Здесь нет ни режиссера, ни художника — и характер игры, и костюмы передаются из поколения в поколение и практически не меняются. «Актеры» декламируют стихотворные тексты, не двигаясь с места, не жестикулируя. И только когда дело доходит до битвы, с силой скрепяются сабли.

Все эти никем не записанные правила свидетельствуют о древнем происхождении действия. В давние времена в эту пору года все село исполняло аграрные обряды, прося у сил природы обильных плодов, богатого урожая. Символы обрядов сохраняются отчасти и в костюмах, украшенных целыми копнами цветов, лентами, ниспадающими с головного убора до самой земли, подобно потокам дождя. Характерно и расположение участников действия: они стоят полукругом или кругом. Почва внутри круга — модель всей земли, и в обряде участники обращаются к ней, а не друг к другу. Этот обычай сохраняется и в фольклорном театре. Но театр возник не только из обрядовых игр. Для того, чтобы он начал развиваться, был необходим какой-то толчок извне, какое-либо сильное впечатление. Такое воздействие мог, например, оказать городской театр, на представлении которого побывали жители села. Повод к возникновению фольклорного театра могла дать литература — романы, повести, а также песня, воспевающая подвиги народного героя. При всех обстоятельствах любой сюжет, попавший в фольклорный театр, игрался по тем законам, которые сохранялись из поколения в поколение.

Знаменательно, что повсюду, где имелся народный театр, например в России, Чехословакии, Румынии, Шотландии, сюжеты его драм были схожи. Так, «Ватага Бужора» напоминает русскую народную драму «Шайка разбойников, или Лодка», где Атаман приобретает черты любимого народного героя Степана Разина.

Г а й д у к — воин, входивший в свиту вельможи. Слово это венгерского происхождения. Поскольку в гайдуки брали рослых, сильных молодых людей, так и стали называть храбрых воинов. Гайдуками называли также наемных работников и батраков, а в эпоху турецкого владычества на Балканах — повстанцев и партизан.

Таким образом, в фольклорном театре герой народной драмы Бужор воплощает все значения этого слова: его роль исполняет непременно рослый, видный молодой человек: сабля, эполеты и кивер указывают на его родство с воином свиты. Он отстаивает интересы угнетенных и, наконец, вступает в борьбу с работодателем.

² Представление фольклорного театра сопровождается обычно шествием ряженных. После исполнения драмы, серьезной, а иногда и трагической ее части, наступает черед второго акта — комедии. Если в драме все строго организовано, то в комедии возникает множество неожиданных импровизаций, хотя участники веселого карнавала разыгрывают одни и те же сценки.

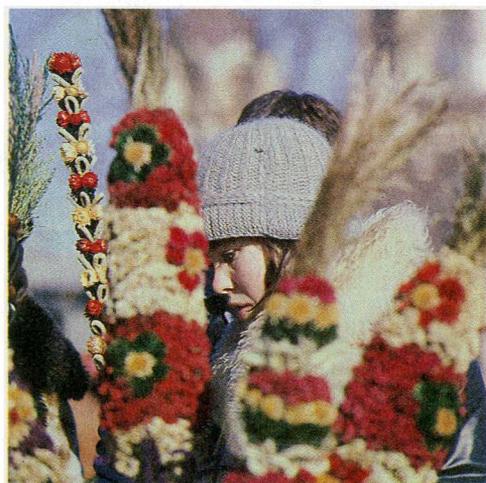
12-13 Усмієне обличчя природи розквітає в Аліаксандрі, Вірменія

На щаст'я!

Казюкас дарит цветы

На крышах еще лежит снег, под ногами — слепящая на солнце корка льда, но жизнь здесь, в Вильнюсе, уже принадлежит с сегодняшнего дня весне. По всему городу в руках гуляющих полыхают яркими пестрыми пятнами цветы, вернее, не просто цветы, а необычные изысканные композиции из высушенных цветов и трав. Если пойти навстречу экзотическим букетам, чтобы найти истоки этой цветочной реки, то путь приведет к мосту через реку Нерис, затем на улицу Дзержинского, где счастливые обладатели цветов попадают уже через одного, и, наконец, приведет к Центральному городскому базару.

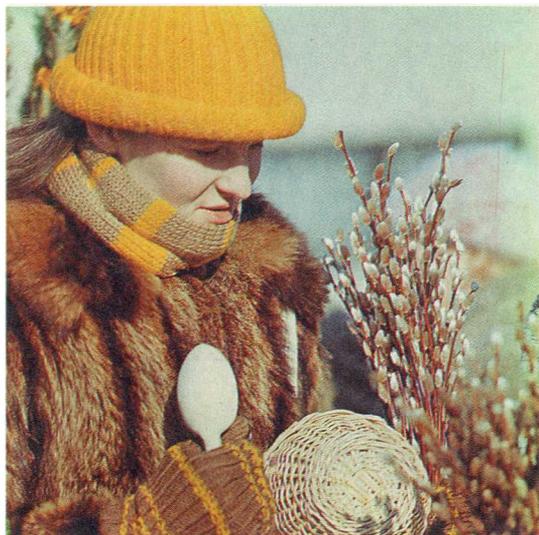
Здесь все затоплено цветами: пылающими факелами они проплывают в воздухе над головами продавцов и покупателей, лежат грудями на прилавках, стоят прислоненные к стенам, пестрят в корзинах, ведрах, вставлены черенками в щели кирпичей. Расцветок, размеров и форм — великое разнообразие: от тонкого прутика, украшенного двумя десятками белых, фиолетовых, бордовых бессмертников в обрамлении подкрашенных в зеленый или желтый цвет овсяных колосьев до гигантов выше человеческого

«Вербь» Йозефа Станкевича.

На память о празднике.

Выбор цветов — дело серьезное.

роста с пушистой кисточкой наверху, в которых заплетены замысловатым узором сотни цветов. Прутики при всей простоте притягивают изяществом. Их мог сделать лишь настоящий художник, очень тонко чувствующий цветы. Действительно, большую часть из своей семидесятилетней жизни Йозеф Францевич Станкевич из деревни Кравчуны провел среди живых цветов, составляя из них букеты, а «вербы»¹, как называют здесь букеты из высушенных цветов, делает лет пятнадцать. Труд этот нелегко и кропотлив.

— Весной я высаживаю около дома две грядки бессмертников, — рассказывает он, — а когда они распустятся, сушу их в тени, на чердаке. Если высушить на солнце — осыплются. Все остальное дают поле, летний луг и еще болото — там я беру озерную траву метлицу, из нее метелки наверху «вербы» делаются. Серый фон — это тысячелистник, черные ягодки — пижма, мягкая травка зовется ночницей, а это — желтяк. Еще собираю клевер, сухотник, жну и колоски ржи, конопли, овса. Почти всем растениям оставляю их родной цвет, но, чтобы оттенить цветы, травку или злаки крашу в анилиновом красителе — праздник понаряднее хочется сделать.

...«Казюкас» — так любовно называют здесь День Казимира, который приходится на четвертое марта и является сугубо вильнюсским народным праздником², — возник не на пустом месте, а сменил, точнее сказать, слился с гораздо более древним языческим празднеством литовцев, знаменовавшим приход весны, начало сельскохозяйственных работ, первый выгон скота на луга и сопровождавшимся большой ярмаркой крестьянского инвентаря, деревянных бытовых изделий. В Литве языческие обряды просуществовали значительно дольше, чем у всех остальных европейских народов: христианство здесь было принято

*Казюкас — это еще
и ярмарка народных поделок.*

Не по росту!

Чья покупка удачнее?

Цветы и лица...

лишь в конце XIV века, а отголоски древних культов дошли до начала нашего века. Так и обычай украшать священное дерево жизни — можжевельник, дуб или вербу разноцветными бумажками, кусочками материи и сухими цветами привел к появлению в прошлом веке красочных «верб» из высушенных цветов. В Вильнюсе, в Музее истории и этнографии Литовской ССР выставлены «вербы» прошлого века, которые, несмотря на свой почтенный возраст, выглядят так, будто их только что принесли сюда с городского базара. Умело подобранные и высушенные цветы не только в музее, но и в обычной квартире могут стоять годами, не осыпаясь и наполняя комнату ароматом скошенного луга. Для этого их и делают теперь — чтобы украшать жизнь людей и напоминать о древних народных обычаях и обрядах.

Если скромная ветка перетянутого красным лоскутом можжевельника постепенно превратилась в руках художников из народа в чудесный гербарий, то с граблями, вилами, бочками, деревянными ложками и прочими разнообразнейшими предметами крестьянского обихода, без которых не может пройти ярмарка на Казюкас, существенных изменений за минувшие столетия, очевидно, не произошло. Они так же добротны, ладны и красивы, как всегда выходили из искусных рук литовских древоделей, бочаров. Даже на светлом фоне соломы, устилающей телегу, на которой столяр привез на ярмарку свой товар, рукоятки и зубья грабель выделяются белизной дерева, собирая вокруг толпу не столько покупателей, сколько просто людей, которым не терпится потрогать руками эту суковатую, свежеструганую, пахучую белизну, повертеть в руках безукоризненной работы, отливающий золотом бочонок, гнутые бока которого кажутся выточенными из одного куска дерева, настолько точно и плотно пригнаны доски. Горожанам — настоящая радость, это видно по лицам. Обычно сдержанные, литовцы не желают скрывать восторг при виде выточенной на токарном станке, как игрушка, великолепной прялки с ножной педалью на несколько веретен.

Таков уж закон всякой ярмарки и любого настоящего праздника — общее действо незаметно втягивает тебя, включает в свой ход, настраивает на свой лад. Море цветов, яркое солнце и звонкий лед под ногами, а главное, конечно, лица и цветы, цветы и лица, рядом, вместе, красивые цветы и красивые, добрые улыбающиеся лица, которые хочется не пропустить и запомнить все.

●

¹ В е р б а в славяно-балтийской традиции — знак наступающей весны.

² «К а з ю к а с» не является общенациональным праздником, хотя одним из его источников, безусловно, были весенние обряды литовских крестьян. Это праздник региональный: его отмечают только жители Вильнюса и его окрестностей.

Выбор реального или легендарного персонажа в качестве церковного патрона какой-нибудь местности — характерная черта еще средневековой городской традиции Западной Европы. Так, например, святая Женеви́ева считается покровительницей Парижа, а святая Урсула — Кельна.

Своеобразие литовской культуры состоит в том, что католические сюжеты были восприняты и переработаны здесь в глубоко фольклорном и национальном духе и тесно переплелись с дохристианскими верованиями. Это неудивительно, ведь Литва приняла крещение лишь на рубеже XIV—XV веков — позже всех других европейских стран. Поэтому и в фольклоре, и в народном искусстве, например в знаменитой литовской деревянной скульптуре, сохранилось множество следов недавнего языческого прошлого страны. Поэтому патронами городов здесь иногда становились реальные исторические деятели, канонизированные церковью, которые приобретали черты языческого полубожества.

Так, патроном Вильнюса считался Казимир IV Ягеллончик (1427—1492) — сын великого князя литовского Ягайло, короля польского и основателя польской династии Ягеллонов. Казимир IV — с 1440 года Великий князь литовский и с 1447-го король польский.

Иногда патронами городов были легендарные и полупо- легендарные персонажи. Таков, например, «Палангос Юозас», персонифицирующий город Палангу. Некоторые города Литвы связывают свое существование с героями дохристианского фольклора. Так, к Неринге и ее окрестностям традиция относит легенду о Королеве ужей Эгле и Жильвинасе, а город Шауляй, например, ведет свое происхождение от древнего межплеменного культового центра, где предки литовцев поклонялись богу Солнца («сауле» по-литовски — солнце).

В наше время праздник Казюкаса, независимо от его происхождения, становится городской традицией Вильнюса.

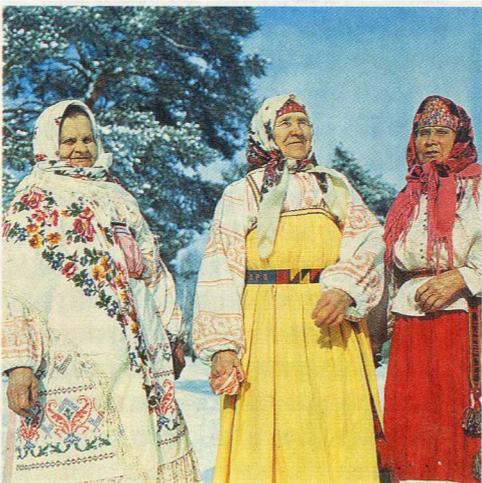
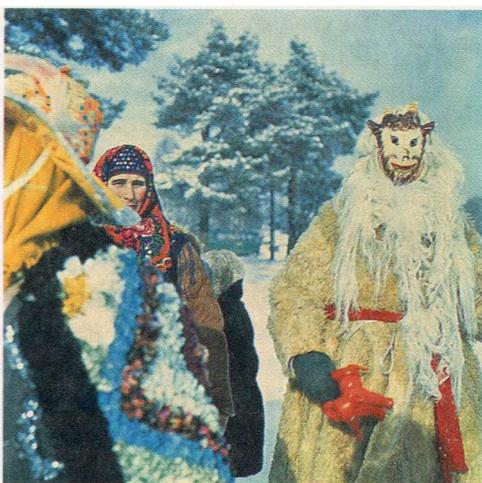

Изгнание Зимы.

«Не житье, а Масленица!»

«Звал, позывал честной Семик¹ широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться...»

Зашумел последними злыми вьюгами март, прозванный в народе свистуном-березором. Еще скована земля ледяным панцирем, еще покрывают поля снежные скатерти, но уже носится во влажном воздухе предчувствие весны, которая собирается с силами, чтобы дать царству сна решительное сражение. Близится к завершению и наше путешествие вслед за солнцем. Как всегда, к концу дороги ощущаешь и грусть и облегчение. Грусть — оттого, что скоро простимся с прекрасными людьми, встретившимися на пути, с их праздниками, песнями, танцами. Облегчение — потому что вот-вот минет год, как началось наше путешествие, а это как раз та главная мера отсчета времени, тот естественный ритм, который задан природой всему живому; это тот шаг, которым меряем свою жизнь мы, и сделав который, нужно оглянуться на пройденное, поразмышлять,

Крешиевские артисты.

И здесь коза...

Повезло с погодой.

чтобы оставшийся путь был легче, осмысленней и радостней. Обычно это бывает на Новый год — в конце декабря. Мы же взяли точкой отсчета древний, языческий Новый год, начинающийся в марте, ибо с ним сообразуются все народные праздники аграрного календаря, на которых мы побывали.

И вот теперь, заключая год праздников, обрядов и старинных ритуалов, мы отправимся на русскую Масленицу, именуемую также сырной неделей, в уже знакомую нам по празднику русской березки деревню Крешнево, в Весьегонский район древнего Тверского края, к Анне Андреевне Сазановой и ее подругам. Мы не случайно возвращаемся туда, где уже побывали: в приведенной детской причиталке, в народном представлении и песнях видна связь между Семиком и Масленицей. Вспомним старинную пословицу: «Семик да Масляна плакались на напраслину». Действительно, масленичную и семицкую обрядность связывают и обильная ритуальная пища, и мотивы предания смерти — сожжением или потоплением — растительного символа природы в образе соломенного чучела.

«У славян существует старинный обычай: встречая весну в марте месяце, совершать изгнание Смерти или Зимы, — пишет А. Н. Афанасьев. — Они выносят из деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топят его в реке или предают сожжению, а пепел бросают в воду; ибо Зима гибнет под жгучими лучами весеннего солнца, в быстрых потоках растопленных ими снегов...» Но это уже заключительное действо длившегося целую неделю веселого праздника со своим установившимся за многие века строгим порядком. Каждый день масленичной недели, узнаем мы у исследователя старинных обычаев И. П. Сахарова, имеет и особое свое название: понедельник — встреча, вторник — заигрыш, среда — лакомка, широкий четверг — разгул, перелом, пятница — тещины вечерки, суббота — золовкины* посиделки, воскресенье — проводы, прощание, прощенный день.

Встречая честную Масленицу — широкую боярыню, строили снежную гору. Скороговоркой выпалив уже знакомую нам причиталку про то, как Семик приглашал Масленицу к себе на двор, детвора сбегала с горы и кричала: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!» На салазках ввозили на гору и саму гостью — соломенную куклу, разряженную в кафтан, шапку, лапти, опоясанную кушаком.

Масленица — это катальные горы и качели, это сладкие яства и скоморошья потехи, это кукольные балаганы, ряженные, кулачные бои и прочие развлечения. Немыслима Масленица и без блинов. Зажиточные люди могли позволить себе их печь уже с понедельника, простой же народ — лишь с четверга или

---

* Золовка — сестра мужа.

пятницы. Испечь масленичные блины было делом непростым, так как закваска для теста — опара — готовилась хозяйками с особыми обрядами и в строжайшей тайне от окружающих.

Приготовление блинов требовало также выполнения целого ряда правил, особого масленичного этикета. Так, если молодые встречали вместе этот праздник впервые, то зять должен был пригласить тещу поучить дочь печь блины. Пренебрежение этим обычаем считалось величайшей обидой для тещи и могло стать причиной вечной вражды.

Родственные отношения в масленичной обрядности занимают вообще особое место, это видно уже из названий дней сырной недели: молодожены обязательно посещают родителей, зятя приглашают на блины тещ, зовет родных невестка. Насмешливую песню о том, как заботливая теща угощала любимого зятя, мы еще услышим в исполнении крещневских певуний. Высматривали на катальных горках да на посиделках свахи застенчивых невест и статных женихов.

С широкого четверга начинались колядование², пение, катание на санях. С утра до вечера тешился народ кулачным боем — вступал в свои плава «масленичный разгул».

В субботу совершались обряды, символизировавшие борьбу Весны с Зимой и поражение последней. В этот день дети строили снежный городок с башнями и воротами — царство Зимы, которому предстояло пасть под ударами Перуна, затем они разделялись на две ватаги, одна из которых с метлами охраняла городок, а другая, вооружившись палками, атаковала его. После долгой и упорной борьбы нападавшие врывались в ворота и разрушали укрепления, а воеводу купали в проруби. Накал страстей в этой обрядовой игре очень живо передан В. И. Суриковым в картине «Взятие снежного городка».

В воскресенье, во время проводов Масленицы, ее чучело или просто сноп соломы, а то и дегтярные бочки сжигали с радостными криками и песнями, изгоняя тем самым Зиму или Смерть.

Народная фантазия в выдумке развлечений, забав и каверз в этот веселый праздник неисчерпаема: в санный поезд впрягли вместо лошадей ватагу ряженных, на сани водружали столб с вертящимся колесом — символом возрождающегося солнца. На это колесо сажали мужика с калачами, искушенного в разного рода праздничных проделках, или парня в женском платье и кокошнике и привязывали к колесу чучело. В Сибири из нескольких саней устраивали корабль, в котором везли по улицам ряженных, медведя и Масленицу. В Архангельске на огромных санях возили по городу быка, который был сродни священному быку на празднике молдавского Нового года.

Спустя много веков после принятия на Руси христианства, старавшегося всеми способами известить древние обряды, память продолжала жить в народных забавах — по-прежнему люди

славили Коляду, то есть новорожденное Солнце, выкладывали кострами круг, чтобы указать ему путь, рядились, чтобы отпугнуть злые силы, способные помешать светилу, пекли блины, символизирующие солнечный диск.

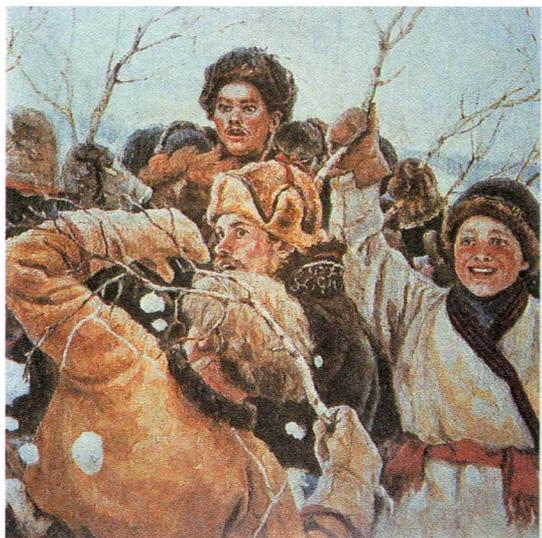
...Знакомая дорога в Крешнево — те же четыреста километров по шоссе из Москвы — сначала до Калинина, затем поворот на Бежецк. Тот же обступивший с обеих сторон шоссе еловый лес на подъездах к Вельегонску, только все вокруг искрится снегом, а избы — плывущие под теплыми дымами корабли — зарылись носом в белую пенящуюся волну сугробов.

Раскаленная русская печь, в которой потрескивают березовые поленья, непривычный домашний жар, от которого сразу краснеет и горит лицо, толстые столетние бревна стен, проложенные в пазах красноватым сухим мхом, непременно в деревенских домах старые фотографии на стенах — трепетные реликвии былого счастья и упорядоченности бытия — привилегия здоровой крестьянской философии, не боящейся наглядных свидетельств неумолимо приносимых годами перемен...

Я устала кросна*,
Им девятая весна,
Им девятая весна,
Десятая масляная,—

напевает Анна Андреевна Сазанова под усыпляющий перестук старинного ткацкого станка, на котором она ткёт нескончаемый коврик: на шкафу уложены плотные свертки тридцатиметровых дорожек, а привыкшие к труду руки тянутся к кроснам, да и старым тряпочкам не пропадать же попусту.

* Уставить кросна — заправить основу полотна на ткацком станке.

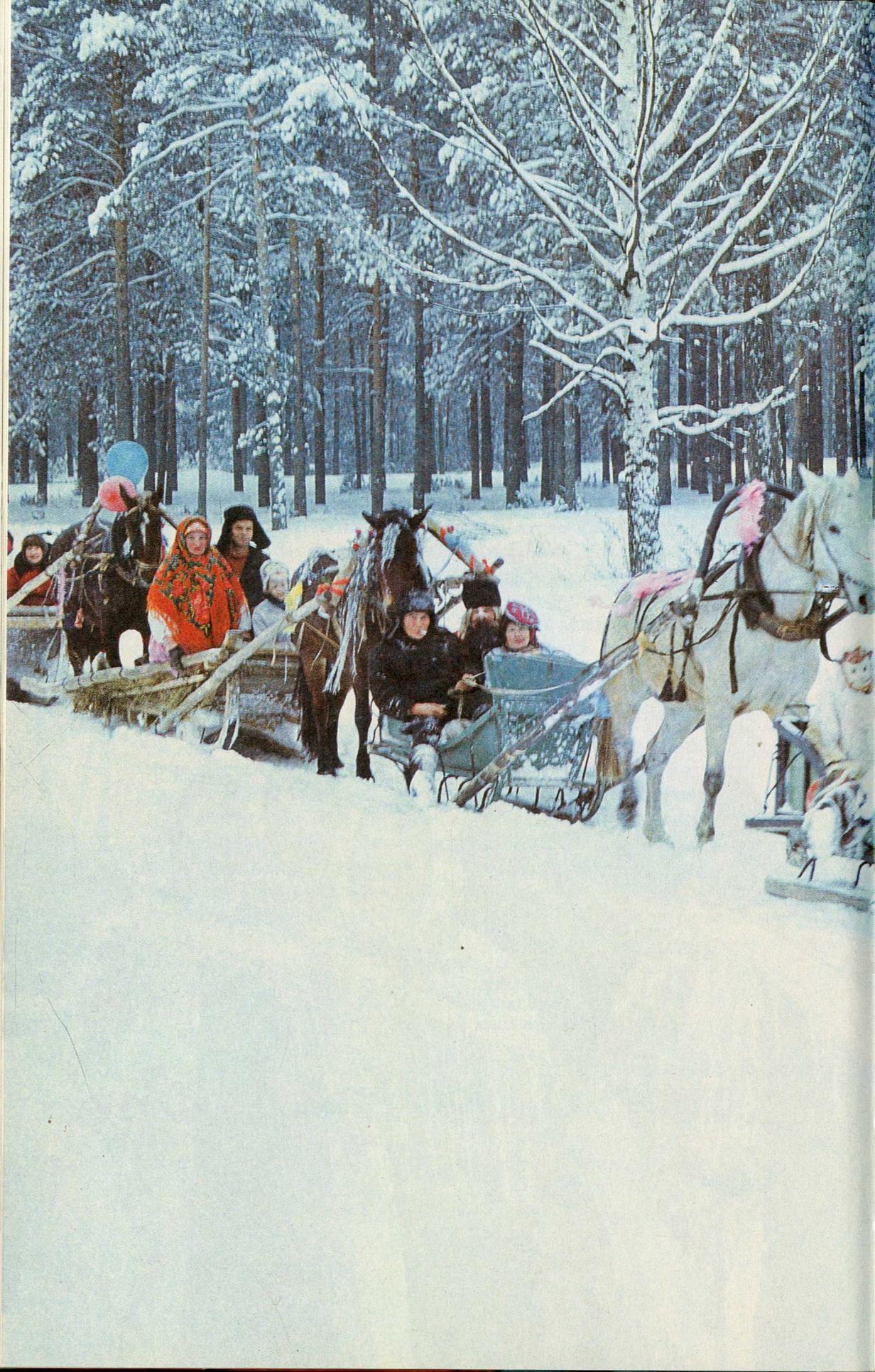
*Катальные горы на Большой Неве.
Гравюра Н. Серракаприола. 1817.*

*Взятие снежного городка.
Фрагмент картины В. Сурикова. 1891.*

Весьегонские мадонны.

Праздничный поезд. ►

— Снегу намело за день — по колено! А наши в клубе уже всю готовятся, наряды подправляют, — сообщает она, — пора и мне.

Окна клуба в темноте ярко светятся, но за морозным узором не разобрать, что делается внутри. В жарко натопленном помещении суший ералаш — везде в блестках слюды набросана вата, на стульях — маски с рогами, престранного вида одеяния, клочья меха, дерюга, крашенная бумага, ножницы, веревки... Верховодит в этом кажущемся сумбуре Галина Михайловна Шаронова — по положению руководителя деревенского народного хора, участницами которого являются все занятые в подготовке карнавальных костюмов крешневские хороводницы.

Завтра украшенный санный поезд доставит певуний в Весъегонск на городской праздник проводов зимы, где их выступление бывает всегда гвоздем праздничной программы, и старушки волнуются, что не успеют подновить свои костюмы и маски.

Мелькают иголки, что-то перекраивают, что-то приклеивают, прилаживают умелые крестьянские руки, и в конце концов все, кто был в клубе, получили прекрасный костюм: тут были и черт, и Баба Яга, и коза, и купец — кто угодно. Волнение оттого, что ничего не получится, не в чем будет показаться на праздничном гулянье, улеглось, все были довольны собой и своим нарядом. Пауза не длилась и минуты:

Масленица-ерзунья
Не дала погулять,
Не дала погулять,
Молока похлебать.
На великий пост³
Дадут редьки хвост!

Как на масляной неделе
Со стола блины летели,
И сметана и творог —
Все летело под порог!

Так бы и пели, пели без устали, но костюмы — это еще полдела, нужно ведь саму Масленицу соорудить из соломы да нарядить.

— Костер-то уж под вечер делают, а днем только катаются да вот ряженные ходят, — рассказывает Анна Андреевна Сазанова. — Возьмут веники, дрова, костер сделают у реки, там и Масленицу жгут. Везде по деревне шумели: «Масленицу сожгли!» Весь народ собирался — пляшет, поет до ночи.

...А наутро по свежему снежку подкатили к деревне четыре розвальни, запряженные конями с лентами в гривах и бубенцами под дугой. Утонув в душистой соломе, развеселая ряженная компания понеслась к Весъегонску, будя хвойную тишину

звонком колокольчиков и своей коронной шуточной масляничной песней:

Теща про зятя пирог пекла —
Соли да крупы на четыре рубля,
Масла да яиц на восемь рублей.
Упекся пирог — восьмерым не поднять.

Восьмеро поднимут — десятку не съесть.
Зятюшко пришел, хорошоохонько оплел.
Теща по горенке похаживает,
Немило на зятюшку поглядывает.

— Зятюшка, батюшка, как тебя не разорвало?
— Теща предобрая, нет ли еще? —
Зятюшка тещеньку в гости звал:
— Жду тебя, теща, на масляной,
Угощу тебя, теща, ременным кнутом.

Праздничный поезд въезжает в Вёсьегонск и едет на базар, где толпится в ожидании праздника полгорода. Воспоминанием о прежних ярмарках служат плетеные корзины и сувениры да еще высокий, оголенный столб, на который пытаются забраться мальчишки за подвешенным на вершине призом. Этот столб — отголосок космического мирового дерева, уходившего своей вершиной, как верили наши далекие предки, в верхний мир — жилище богов.

На эстраде уже выступают певцы, танцоры, самодеятельные коллективы. Наконец, крешневский хор приглашают на сцену, и вокруг эстрады не протолкнуться. Раззадоренные праздничной атмосферой, настроенные на веселый лад, женщины дружно поют одну за другой свои песни.

А праздник, силами самодеятельности Вёсьегонска, окрестных сел и деревень, продолжается. Лихо пляшут под гармонь девушки, потешают народ разряженные комические персонажи, неволью заставляя вспомнить скоморохов, игравших когда-то главную роль в народных праздниках, особенно на Масленице.

Гусляры-скоморохи пели, плясали и творили разные «глумы», вызывая сильные нападки духовенства. «Музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волынщик, гуслиар, промышленяющий этим и пляскою, песнями, шутками, фокусами, потешник, ломака, гаер, шут, медвежатник, комедиант, актер...» — так определяет скоморохов в своем словаре Владимир Иванович Даль. Профессия эта требовала известного мужества — часто бродячих комедиантов бивали в деревнях по наущению церковных служителей, но и шумные скоморошья ватаги могли за себя постоять. А простой люд их любил и жаловал.

...В Крешнево вернулись в середине дня. Небо затянуло тяжелыми тучами, приближающимися и без того ранние сумерки. Главное действо праздника — проводы Масленицы — было еще впереди.

Сама Масленица явила белый лик с алыми губками и навенными углем глазами, когда уж начало смеркаться. В роскошном золотисто-оранжевом наряде, с венчиком из соломенного снопа, круглолицую красавицу выкатили на санях на главную деревенскую улицу. Кто бьет в колотушку, а кто, оставляя в снегу глубокую борозду, тянет на бечеве огромную черную редьку, чтобы прогнать Масленицу: по преданию, она пугается редьки и репы⁴. К берегу реки виновницу праздника провожали шутками и смехом, веселыми песнями под залиvistые трели гармони. До чего ж не вяжется эта нарядная кукла с устрашающим олицетворением Зимы, Мрака, Смерти тех времен, когда священный ритуал не был развлечением! Зато как подходит ее облик сударыни Масленицы к веселому празднику с его играми, потехами, блинами!

Любовно сделанную красивую куклу, похоже, жаль сжигать и крешневским крестьянкам — ну в самом деле, что за обычай такой в конце чуть ли не всех веселых народных праздников убивать существо, которому они посвящены? Ведь Масленица — отнюдь не единственный мифический персонаж, кончающий свою жизнь в воде или на костре. Схожая печальная судьба у Костромы, Кострубоньки, Кукушки, Купалы⁵. Все они ведут свою родословную от древнейших богов растительности и еще более ранних богов, живших в представлении земледельческих народов в образе хлеба, а у охотников и скотоводов — в виде животного. От силы, могущества и здоровья этих богов, по поверьям, зависела жизнь людей, а увядание природы представлялось нашим далеким предкам, как старость, болезнь и дряхление главного божества, дающего жизнь, что являлось угрозой существования всему племени. Поэтому единственной возможностью дальнейшего благополучия казалась замена состарившегося бога молодым, полным энергии и животворной силы. Ежегодное умерщвление старого бога для возрождения его в новом образе была, таким образом, вынужденной мерой, условием сохранения жизни племени. Поэтому человеку или священному животному, наделенному прерогативами и обязанностями бога, при первых признаках старения приходилось расплачиваться жизнью, причем по-настоящему, а не в шуточных казнях.

Нетрудно понять, почему на «должность» богов с трудом удавалось найти преемника — мало кому хотелось быть обреченным на скорую смерть. Нередко таким богом делали беглого раба. А чтобы как-то скрасить жизнь обреченному, весь период власти ему разрешалось делать, что хочется, давая волю своим склонностям и страстям. Отголоски тех вакханалий во времена языческих празднеств и проглядывают в бесшабашном ералаше Масленицы.

Проводы...

*Пусть сгорят в костре все неудачи и беды
старого года!*

Масленичное гулянье. ►

Эстафета идеи возрождения природы через ее смерть передавалась сквозь тысячелетия истории. Через древние цивилизации Вавилона, Египта, Сирии, Греции ее пронесли и передали нашей Масленице земные представители Осириса, Таммуза, Адониса⁶. С развитием цивилизации развился и обряд, не утратив при этом своей сути. С веками реальная казнь стала подменяться ее имитацией, а впоследствии место живого человека заняло чучело. Наиболее архаичные черты сохранил, вероятно, эстонский обряд — во вторник масленичной недели из деревни выносили соломенное чучело, называемое Метсиком — духом леса, и привязывали его к вершине дерева, где оно и оставалось в течение года. Этот обряд явно указывает на родство чучела с духом леса. Уходя корнями в глубочайшую древность, когда люди обожествляли отдельные деревья и целые рощи, дух леса впоследствии трансформировался в более абстрактного духа растительности, чтобы гораздо позже воплотиться в животном, а затем и человеческом облике, которого и подменит в обряде предания смерти соломенное чучело или майское дерево.

В разных вариациях похороны Масленицы проводились почти по всей Европе. Соломенную Масленицу носили насаженной на шести участники пантомимы в итальянской провинции Аbruции, иногда там же Масленицу изображал лежащий в гробу человек. Во Франции, в Провансе, причудливо разряженное чучело везли на колеснице или проносили на носилках, после чего предавали суду, который приговаривал его к смерти. Затем чучело прислоняли спиной к стене и разбивали камнями, а останки его бросали в море или реку. В Арденнах судили уже не чучело, а живого человека, обернутого в солому и сено, после чего по нему давали холостой залп из ружей.

После праздничного торжественного шествия и всевозможных сопровождавших его шуток и шалостей Масленицу неотвратимо ждали костер, вода или пуля⁷. Правда, в некоторых местах после смерти наступало чудодейственное воскрешение. Так, некогда в Швабии (одном из германских герцогств) человека, изображавшего Масленицу, оживлял доктор по прозвищу Железная Борода, вдыхая в него через трубку воздух.

В Крешневе всемогущего доктора нет, и Масленице не избежать predetermined ей участи. Сухие березовые поленья быстро схватываются в сумерках оранжевым, подобно платью Масленицы, огнем. Когда пламя набирает высоту, чучело поддевают шестами и водружают на костер. Соломенный сноп тает на глазах в огне и дыму, пока не оседает горсткой пепла. В костер по старому обычаю льют из кринки молоко: кончилась «сырная неделя».

Гудит, набирая силу и раздвигая хоровод танцующих провожатых Масленицы, костер, переливчато звенит гармонь, пляшут черти, коты, цыгане, козы. В бессилии унять эту радость и пред-

чувствуя свое скорое поражение, Зима плачет огромными влажными снежинками. Слезы ее шипят, испаряясь на красных березовых угольях. В степи под Черниговом целит в этот миг каленую стрелу в глаз Соловью-разбойнику русский богатырь Илья Муромец, в тридевятом царстве вот-вот добудет Кощееву смерть Иван-царевич, и уже чуть зарделось улыбкой прекрасное лицо златокудрой царевны. Где-то глубоко-глубоко бродят соки Земли, подчиняясь этому дивному чародейству обновления, и скоро над миром вновь зазвучит весенняя песнь жар-птицы. Услышать ее — значит обрести волшебный ключ вечной жизни. И вечной красоты.

¹ Семик — см. комментарии к главе «Поклонись березке».

² Обычай колядовать, то есть ходить из дома в дом и петь праздничные песни — колядки, относится не столько к Масленице, сколько к праздникам новогоднего цикла. Само же слово «колядки» применяется почти исключительно к новогодним праздникам. Его происхождение в точности не установлено. Предполагают, что оно восходит к латинскому *calendae* — первые числа каждого месяца (отсюда наш «календарь»), или связывают его с Колядой — славянским божеством народившегося солнца, стоящим в одном ряду с Купалой — летним солнцем в зените.

³ Великий пост начинается на следующий день по окончании Масленицы и длится семь недель, вплоть до Пасхи. В народном сознании Масленица и Пост — два связанных между собой противоборствующих начала. История о том, «как Масленица с Постом воевала», часто встречается в народном балаганном театре и в «комиксах средневековья» — лубках. Замечательный советский литературовед М. М. Бахтин раскрыл в своих работах смысл «карнавальной культуры» средневековья — как противовеса официальной «серьезности» церковной догмы.

⁴ Редька — это символ великого поста, врага масленичного разгула. Что же касается репы, то этот круглый и желтый овощ во многих загадках обозначает солнце. Возможно, что из одной такой обрядовой загадки произошла всем известная сказка про репку.

⁵ Кострома (Кострубонька) — главное действующее лицо ритуала «проводов весны». Ее чучело из соломы и рогож в конце праздника сжигали или разрывали на части. Первоначально Кострома была одним из воплощений Мары — враждебного людям темного зимнего начала в природе. Постепенно эта фигура стала символизировать не столько уходящую зиму, сколько приходящее лето, однако обычай похорон Костромы удержался. Название происходит от слова «костерь» или «костра» — жесткая кора льна, конопля; сорная трава.

Кукушка — обряд «похорон Кукушки» относится к праздникам Семик-Троицы. «Кукушкой» называлось соломенное чучело (а иногда — просто обряженная ветка), которое сначала торжественно «крестили», а затем столь же торжественно «хоронили». По мнению исследовавшей этот обряд Т. Бернштам, когда-то кукушка была птицей, посвященной

древней славянской богине Живе, главной противнице Мары—Зимы. В таком случае, обряд крещения и похорон кукушки мог остаться от ритуального спектакля, изображавшего приход и уход весны.

К у п а л а — см. комментарии к главе «Этой ночью прискачет Янис».

⁶ О с и р и с (Озирис) — в египетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы; повелитель и судья мертвых. По одной из версий мифа, Осириса коварно умертвил его младший брат Сет, демон пустыни. Тело Осириса было разрублено и разбросано по всему Египту. Супруга Осириса Исида собрала тело своего мужа, а их сын Гор, победив злого Сета, сумел оживить отца. Осирис, однако, не захотел возвращаться на землю и стал владыкой загробного царства. Умирание и воскрешение Осириса символизирует «гибель» зерна в земле и последующее воскрешение его в колосе.

Т а м м у з (Думузи — «истинный сын») — в древневосточных религиях — бог-овчар, возлюбленный богини Инанны-Иштар, отданный ею демонам смерти взамен себя. Сестра Таммуза добилась разрешения каждый год на полгода подменять его в подземном царстве. Когда воскресший бог выходил из-под земли, считалось, что вместе с ним воскресает вся природа.

А д о н и с — в греческой мифологии прекрасный юноша, возлюбленный богини Афродиты, растерзанный диким вепрем. Миф об Адонисе заимствован греками из Финикии, где существовал культ ежегодно умирающего осенью и воскресающего весной божества Адонаи.

⁷ По М. М. Бахтину, развенчание и казнь карнавального короля — обязательный элемент праздничного ритуала. Главная идея любого праздника — это смена времен года, обновление мира через его гибель и воскрешение. Поэтому праздник не просто отменяет социальную иерархию старого мира, но переворачивает ее, ставит с ног на голову: короля развенчивают и делают шутом, а шут становится королем. Казнь, смерть в карнавале не является чем-то трагически необратимым: она чревата новым рождением — возрождением. Образ праздника — это крутящееся колесо времени, возносящееся к небесам и низвергающееся в преисподнюю.

Праздничное веселье, карнавальный смех здесь играют важнейшую роль двигателя времени. Масленичные шутки характерны именно тем, что они «нарушают приличия», осмеивают то, что в обычное время осмеянию не подлежит. Карнавал не терпит ничего застывшего, неподвижного. Смех низвергает Масленицу с ее трона, выполняя на празднике те же функции, что и огонь ритуального костра: в нем сжигают неудачи, беды, несчастья старого года.

К читателям

*Отзывы об этой книге
просим присылать
по адресу: 125047, Москва,
ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Александр Сергеевич Миловский

ПЕСНЬ ЖАР-ПТИЦЫ

Рассказы

о народных праздниках

Ответственный редактор

А. А. Проворова

Художественный редактор

Н. З. Левинская

Технический редактор

С. Г. Маркович

Корректоры

Т. В. Беспалая,

И. Н. Мокина

ИБ № 8703

Сдано в набор 27.02.87.

Подписано к печати 20.08.87. А05641.

Формат 70×108¹/₁₆. Бум. офсетн. № 1.

Шрифт таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 68,6.

Уч.-изд. л. 16,52. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 5572. Цена 2 р. 10 к.

Орден Трудового Красного Знамени

и Дружбы народов издательство

«Детская литература»

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли.

103720, Москва, Центр,

М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени

ПО «Детская книга»

Росглавполиграфпрома

Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Миловский А. С.

М60 Песнь жар-птицы: Рассказы о народных праздниках.— М.:
Дет. лит., 1987.— 190 с., фотоил.— (Библиотечная серия).

В пер.: 2 р. 10 к.

Рассказы о праздниках народов нашей страны — русских, украинцев, литовцев, латышей, молдаван,
таджиков, даргинцев, манси, якутов.

М 480200000 —476 032—87
M101(03)87

ББК 63,5(2)
902.7

